

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2019. № 8(128)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2019
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPА and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

8 От главного редактора

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 10 **ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Россия в Арктике: на пересечении внешних и внутренних угроз

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 19 **ИСАЕВ А. П., ВАСИЛЬЕВА Т. В.**
Генезис современного информационного общества и основные мировые характеристики
- 28 **ВЕРТАКОВА Ю. В., ПРОКОПЕНКО О. С.**
Моделирование регионального развития с использованием структурного подхода: принципы, инструменты и опыт их применения
- 47 **РАХАЕВ Х. М., ТОГУЗАЕВ Т. Х., ГЯТОВ А. В.**
Парадоксы и противоречия теории принятия решений

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 60 **ГРИГОРЬЕВ В. Ю., БЕЛЯКОВ С. А.**
Обобщенная методика оценки потенциала развития региона на основе анализа дисбалансов
- 70 **ЦАЦУЛИН А. Н., ЦАЦУЛИН Б. А.**
Реальное качество жизни **vs** завышенные представления о собственной изысканной внешности
- 85 **КИМ М. Н.**
Управленческая структура редакции: функции и назначение
- 94 **ФУРМАН Ф. П.**
Восприятие человека и антропологическая идеология в развитии философской мысли
- 100 **КОВАЛЕВ А. А.**
Мир как основа человеческой цивилизации: философские и социокультурные представления

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 116 **ГРИДНЕВ В. П.**
Деятельность органов власти в период подготовки и проведения Курской битвы

A LINEA

- 127 **ЗАХАРЕНКО Г. А.**
Оценка вклада работы «горячих линий» в развитие коммуникационных каналов между органами государственной власти и институтами гражданского общества

- 136 КОВАЛЕВА М. Ш.**
Перспективы развития российского федерализма

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 144 КАРНАУХ В. К.**
Новая технологическая революция. Рецензия на книгу К. Шваба, Н. Дэвиса «Технологии четвертой промышленной революции»
- 151 МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Рецензия на книгу «Глобальные и региональные аспекты миграционных процессов»

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor**

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10 VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Russia in the Arctic: Crossing of External and Internal Threats

POWER AND ECONOMY

- 19 ALEXEY P. ISAEV, TATYANA V. VASILYEVA**
The Genesis of the Modern Information Society and the Main World Characteristics
- 28 YULIA V. VERTAKOVA, OKSANA S. PROKOPENKO**
Modeling of Regional Development Using a Structural Approach: Principles, Tools and Experience of Their Application
- 47 HADIS M. RAKHAEV, TAKHIR H. TOGUZAEV, ANZOR V. GYATOV**
Paradoxes and Contradictions of the Theory of Decision-Making

SOCIETY AND REFORMS

- 60 VALERY Yu. GRIGOREV, SERGEI A. BELYAKOV**
The Generalized Methodic of Assessment of Potential of Regional Development Based on the Disbalance Analysis
- 70 ALEXANDER N. TSATSULIN, BORIS A. TSATSULIN**
Real Quality of Life vs Extended Representations of Your Own Clear Exterior
- 85 MAKSIM N. KIM**
Managerial Structure of Editorship: Functions and Purposes
- 94 FELIKS P. FURMAN**
Human Perception and Anthropological Ideology in the Development of Philosophical Thought
- 100 ANDREY A. KOVALEV**
Peace as the Basis of Human Civilization: Philosophical and Socio-Cultural Views

HISTORY AND CULTURE

- 116 VALERY P. GRIDNEV**
The Activities of the Authorities during the Preparation and Holding the Battle of Kursk

A LINEA

- 127 GLEB A. ZAKHARENKO**
Assessment of a Contribution of "Hotlines" Work to Development of Communication Channels between Public Authorities and Institutes of Civil Society

- 136 MARGARITA Sh. KOVALEVA**
Prospects of the Russian Federalism Development

ANNUAL CONTENT

- 144 VLADIMIR. K. KARNAUKH**
New Technological Revolution. Review on the book of K. Schwab, N. Davis
“Technologies of the Fourth Industrial Revolution”
- 151 NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Review on the book “Global and Regional Aspects
of Migration Processes”

От главного редактора

Наш журнал называется «Управленческое консультирование». Что это значит применительно к исследованию проблем регионального развития, Арктики, глобальной и региональной безопасности, евразийской интеграции или вопросам совершенствования высшего образования? Это значит, что в этом вопросе, как и во многих других, нас прежде всего интересует поиск оптимального управленческого решения. Само решение может относиться как к сфере политики, так и сфере экономики.

Набор стратегических целей общественного развития для России в общем-то понятен: как и в начале XX века нам нужна великая Россия, а нашим оппонентам великие потрясения в России. Проблема лишь в том, как обеспечить эффективное достижение этих целей, если не минимальными, то, по крайней мере, оптимальными средствами.

Возвращаясь к Арктике, вспомним классическую формулу: «Как вы яхту назовете, так она и по-

плывет». Она имеет в себе рациональное зерно. Модель Главсевморпути, как и следует из названия, предполагала уникальную концентрацию власти и такую же концентрацию ответственности в условиях плановой экономики и мобилизационных усилий тридцатых — пятидесятых годов. Система работала, именно поэтому многое мы не строим, а восстанавливаем. Сегодня вопрос заключается в том, как без штурмовщины и внеэкономического принуждения обеспечить выполнение тех задач освоения Арктики, которые потенциально способны вывести страну на новый уровень развития. Проблемы очевидны. В соответствии с майским Указом Президента России грузопоток по Северному морскому пути к 2024 году должен возрасти до 80 млн тонн. Это решение нельзя не приветствовать, хотя «круглая» цифра и несколько смущает. Вопрос в другом: какие управленческие решения вытекают из задачи быстрого роста грузооборота? К примеру, по оценке вице-премьера Правительства РФ Юрия Борисова, освоение грузопотока Северного морского пути в 80 млн тонн требует строительства более 100 новых судов. Кто их будет строить, где их будут строить, кому они будут принадлежать и под чьим флагом

ходить во льдах? В какой степени эти решения увязаны с комплексом вопросов военного кораблестроения.

Эффективное управление необходимо во всех звеньях народного хозяйства, однако в критических точках, если Арктику можно назвать точкой, эта необходимость абсолютна. Следует понимать, что Арктика — это последний глобальный резерв мирового общественного развития. Он будет освоен, или с нами или без нас.

В конце июля эксперты без особого удивления изучали заявку Оборонного логистического агентства Пентагона. Наши арктические соседи собираются изучить инфраструктуру и источники снабжения рынков территорий Северного полярного круга, включая ряд российских регионов. Интерес Вашингтона к Арктике в последнее время становится все сильнее в связи с ее растущим экономическим и стратегическим значением. В Арктике не будет вакуума силы, однако вполне возможно именно здесь начнется реконструкция системы глобальной безопасности и выработка новой модели экономического развития.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Россия в Арктике: на пересечении внешних и внутренних угроз

Шамахов В. А.^{1, *}, Межевич Н. М.^{2, 3}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет

³Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Возвращение России в Арктику состоялось. В дальнейшем можно будет спорить о качестве этого возвращения, обратимости или необратимости этого процесса. Важно, что данный результат признан международным сообществом. Это является достижением и серьезным вызовом для Российского государства в целом. Наши достижения и наши поражения имеют внешнюю реакцию, впрочем, удивительно похожую — нарастание антироссийской активности по всем направлениям.

Учитывая статус нашей страны, это практически неизбежно. Вопрос, что из этого следует? Любая ошибка в управленческих решениях ведет к нарастающему внешнему воздействию. Санкционные инструменты дополняются военными угрозами, борьба за экологию ориентируется на принесение российскому энергетическому сектору прямого и косвенного ущерба. В этих условиях необходимо эффективное межведомственное взаимодействие в проведении арктической политики.

Ключевые слова: Арктика, Север, управленческие решения, экономика, военная безопасность, ресурсы, потенциал

Russia in the Arctic: Crossing of External and Internal Threats

Vladimir A. Shamakhov^{a, *}, Nikolay M. Mezhevich^{b, c}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

^bSt. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

^cInstitute of Problems of Regional Economy of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Return of Russia to the Arctic has succeed. Further, it will be possible to argue on quality of this return, reversibility or irreversibility of this process. It is important that this result is recognized as the international community. It is achievement and a serious call for the Russian state in general. Our achievements and our defeats have external reaction, however, surprisingly similar — increase of the anti-Russian activity in all directions.

Considering the status of our country, it is almost inevitable. A question what from this follows? Any mistake in management decisions leads to the accruing external influence. Sanctions tools are complemented with military threats fight for ecology is guided by bringing to the Russian energy sector of direct and indirect loss. In these conditions, effective interdepartmental interaction in carrying out the Arctic policy is necessary.

Keywords: Arctic, North, management decisions, economy, military safety, resources, potential

1. Потенциал российской Арктики и исторические практики хозяйственного освоения

Развитие России как политический и экономический императив требует сохранения Арктики не просто в составе территории (акватории), но и в качестве *экономически активного* пространства. Арктика в цивилизационном развитии России является фактором, определяющим как политику, так и экономику страны. В принципе по данному вопросу существует единое мнение в экспертном и научном сообществе. Однако характер данного влияния оценивается по-разному. Существует две противоположные точки зрения. Первая сформулирована еще Ломоносовым, заявившим то, что «Богатство России прирастать будет Сибирью». В принципе она подтвердилась. Тем не менее, в современных условиях рыночной экономики и лавинообразной глобализации возникает вопрос об издержках при освоении Севера. Этот вопрос связан с энергоемкостью ВВП России.

При исследовании экономики Арктики следует учитывать, что это понятие не имеет узко географического смысла и не означает набора климатических характеристик, превращающий территорию в Север. В Российской Федерации Арктика определяется как территория, ограниченная физико-географическими и экономическими параметрами. Сосредоточимся на последних. Арктика — экстремальная по природно-климатическим условиям территория, характеризующаяся наибольшей удаленностью от железнодорожной сети, неразвитостью транспортных коммуникаций и почти полностью зависящая от сезонного завоза материально-технических ресурсов и потребительских товаров в период навигации морского и речного транспорта [10, с. 10]. В этом классическом определении советской эпохи содержится важнейшее для нас указание на то, что географические параметры напрямую трансформируются в показатели рентабельности, связанные с материалоемкостью, энергоемкостью, транспортной эффективностью.

При этом Арктика не диагностируется и с точки зрения определенных видов хозяйственной деятельности. Что же тогда Арктика? Понятие «экономика Арктики» не имеет жестко очерченных пространственных и экономических границ. При определении Арктики как области хозяйственной деятельности человека принципиальными моментами являются качественная и количественная оценка совокупности социально-экономических, национально-этнических и природно-климатических факторов и условий. Эти факторы определяют специализацию территории на производстве какой-либо продукции или услуг, если:

- а) ее производство дешевле, чем в других частях страны;
- б) эта продукция может выпускаться в значительно большем объеме, чем необходимо для удовлетворения местных потребностей;
- в) выпуск такой продукции обеспечен ресурсами и условиями;
- г) производство необходимо стране;
- д) производство позволяют особенности географического положения, в том числе по отношению к транспортной сети [12].

О потенциале российской Арктики. Сознательно приведем данные начала века. Это связано с тем, что в последний год-два наметилась линия на завышение возможностей России, недооценку трудностей освоения Арктики, а также попытки привязать любой регион вплоть до Краснодарского края к проблематике освоения Арктики. Да, использование природно-сырьевого потенциала регионов Севера имеет существенное значение для экономики России. По оценкам бывшего Госкомсевера РФ, здесь сосредоточено до 80% разведанных и прогнозных запасов минерально-сырьевых ресурсов, свыше 60% лесных ресурсов и 90% запасов пресной воды. В северных регионах добывается 97% газа, три четверти нефти, 90% олова, основная часть золота, алмазов, меди, никеля, 15% угля, вырабатывается до 20% электро-

энергии, производится весь апатитовый концентрат. Регионы севера являются основными территориями заготовки и переработки древесного сырья. Совокупная доля северных территорий превышает половину общероссийского выпуска продукции лесозаготовки и деревообработки. Более половины улова рыбы и добычи морепродуктов России и четверть производства рыбных консервов приходится на долю северных районов¹. В общероссийских запасах минерально-сырьевых ресурсов Республика Саха (Якутия) занимает третье место среди регионов России, что составляет 8,64% в общероссийских запасах. В числе основных полезных ископаемых важное значение имеет промышленная разработка месторождений золота, алмазов, слюды-флогопита, каменного и бурого углей, железной руды, природного газа, олова, вольфрама, полиметаллических руд, пьезокварца [11]. Впрочем, переходя к реалиям текущего момента, отметим, что важны не потенциальные месторождения, а показатели их использования. В этом контексте вспомним то, что один Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО, Ямал) обеспечивает добычу до 90% российского природного газа и около 20% жидкого углеводородного сырья².

Ресурсный фактор очевиден, однако для Арктики, вследствие советского этапа развития, это прежде всего факторы политической целесообразности, а уже потом экономическая рациональность. Сегодня это части советского экономического пространства, переструктурированного рыночной политикой, приобретающие новую экономическую идентичность. Современная Арктика — это результат экономических усилий социалистической эпохи с соответствующими экономическими принципами управления. Если Урал капитализм помнит, и, строго говоря, при капитализме он стал «опорным краем державы», то, к примеру, в Арктике центры освоения это Певек, Дудинка, Нарьян-Мар и Тикси, чья экономическая и территориальная структура сложилась в другой формации.

Российские радикальные реформы сильно ударили по Арктической зоне и Северу в целом. Оценивая сегодняшний прорыв в арктическом освоении, следует помнить о том, что еще двадцать лет назад ситуация была прямо противоположной. Крайне неустойчивое отношение к Арктике и Северу в органах власти, отсутствие четкой государственной политики наглядно проявились в судьбе Государственного комитета РФ по вопросам развития Севера. В конце 1998 — начале 1999 г. в его структуре была разработана «Концепция государственной поддержки северных районов» — «ликвидаторский» по отношению к Арктике и Северу правительственный документ. Его главные цели сводятся к сокращению федеральных расходов, сужению структуры хозяйства, переходу, по возможности, на вахтовый метод освоения, переселению северян на материк, перекладыванию финансово-экономических тягот с центра на регионы. Дело дошло до того, что в Госкомсевере создали целый отдел по организации переселения северян; выглядит это примерно так, как, если бы, скажем, в Министерстве путей сообщения образовали отдел по ликвидации железных дорог [1, с. 52]. Именно резкое сокращение государственного участия стало главной причиной тяжелого кризиса в пределах российской Арктики и северных районах в целом. «Специфической чертой освоения Арктической зоны и прилегающего полярного сектора стала „внеэкономичность“ этого процесса, удивительная даже в масштабе хозяйственной практики командно-административной системы. Арктическая зона и полярный сектор были практически изолированы от любых форм международного сотрудничества и международного разделения труда» [8, с. 22].

¹ Пилисов А. Российский Север — курс на саморазвитие [Электронный ресурс] // Голос России. 1999. № 12. Официальный сайт журнала «Голос России». URL: http://www.golos.ru/view/docs/doc_read.php

² Безопасность в Арктике. Национальный интерес [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/825279>

Не просто сильный, а «абсолютный» Центр мог поддерживать внеэкономическое существование данных субъектов. «Тотальность региональной идентификации, характерная для советского пространства, связанная с заданностью статусов лишь относительно административных ячеек, сменится естественным самоопределением людей и мест» [3]. Однако новая система политических статусов и экономической специализации начала активно складываться в Арктике в последнее десятилетие. Впрочем, и сегодня многие вопросы решаются «с колес». Идет поиск консенсуса по вопросу о том, как, по каким каналам должна распределяться экономическая рента, сколько должен получать бюджет региона, сколько — федеральный бюджет, сколько — инвестор, вложивший деньги в освоение северных месторождений.

Еще важнее вопрос о том, в какой мере освоение Арктики и Севера России может быть дотационно? Имеются подсчеты, предполагающие то, что Арктика и Север отдадут в федеральный бюджет в 2–3 раза больше, чем берут из него¹. Однако эти расчеты уже устарели и характеризуют ситуацию, сложившуюся до начала восстановления российской активности в Арктике и развития Северного морского пути (СМП). Как выглядит ситуация с точки зрения бюджетных расходов сейчас? Преодолели ли мы наследие рыночного экстремизма: «...рынок беспощадно „выбраковывает“ не только нерентабельные предприятия и целые отрасли, но, соответственно, и определенные типы и группы городов и целые территории “второго эшелона” (Крайний Север, Северо-Восток, некоторые районы Сибири, Дальнего Востока и др.)» [9, с. 22].

Важен вопрос и о том, в какой степени проанализирован курс наших соседей и конкурентов. Речь идет о механизмах самофинансирования для северных территорий, которые давно и успешно реализуются многими зарубежными странами, в частности, нашими североамериканскими соседями по Арктике. И хотя прямо переносить их опыт на нашу почву нельзя, знакомство с ним весьма полезно. Первое, что следовало бы позаимствовать из этого опыта, — осознание принципиальной исчерпаемости таких ресурсов, как нефть, газ, уголь, алмазы, металлические руды. Это осознание с неизбежностью диктует политику создания в северных регионах страховых финансовых фондов, пополняемых за счет текущих доходов от эксплуатации наиболее ценных месторождений. С тем чтобы потом, когда эти месторождения будут исчерпаны, иметь достаточные источники доходов. Второе, чему можно поучиться у наших североамериканских коллег, — это их твердому настрою на энергетическое самообеспечение северных регионов. Ни в одной стране мира нет такого понятия, как «северный завоз», это чисто российская специфика. В Канаде в большинстве северных районов пользуются своими собственными, пусть скромными, но местными источниками энергии. А таковые есть везде на Севере, в том числе у нас. Где-то можно использовать небольшие угольные карьеры или малые нефтяные месторождения, где-то, где есть ветреное побережье, — энергию ветра, где-то — малые ГЭС. Между тем, Эвенкийский автономный округ, обладающий собственными месторождениями угля и нефти, годами завозит сотни тысяч тонн того и другого.

В новых условиях следует учитывать то, что в большинстве случаев частные компании отдают предпочтение экспедиционному методу организации работ, при котором рабочая сила направляется на Север лишь на определенный период, например летний сезон, или вахтовому методу — с посменным пребыванием рабочего на предприятии и последующим многодневным отдыхом на месте постоянного жительства, где остается семья (часто за пределами Севера). Такие методы явля-

¹ Пилисов А. Российский Север — курс на саморазвитие [Электронный ресурс] // Голос России. 1999. № 12. Официальный сайт журнала «Голос России». URL: http://www.golos.ru/view/docs/doc_read.php

ются наиболее эффективными экономически, а иногда и единственно возможными — например, при транспортном строительстве, разработке мелких месторождений, в местностях с наиболее дискомфортными климатическими условиями.

Особый вопрос — экология. Усилиями многих организаций он приобрел международное значение, но и до политизации важность этого фактора не отрицалась. По сути, экологические ограничители — еще один вызов в освоении Арктики [15]. Авторы планируют посвятить данному вопросу отдельную статью.

2. Исторические и современные экономические практики освоения Арктики и СМП

Комплексное освоение Арктики — реальность нашего времени. Однако вопрос об эффективности этого освоения существует. Естественно, следует проанализировать формы, уже апробированные в отечественной практике [6]. В начале 1919 г. было создано Управление работ по исследованию и составлению проекта Беломорско-Балтийского водного пути, проведена большая работа по изучению и анализу почти двух десятков проектов канала. На XVII съезде ВКП(б) была принята резолюция «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937). Одним из важнейших проектов плана стало решение о строительстве канала, соединяющего Белое и Балтийское моря, именно как инструменте для освоения Арктики [7]. Канал был построен, и это стало одной из предпосылок принятия первого Постановления СНК СССР от 17 декабря 1932 г. № 1873¹. Организационная и правовая формы не могли не совершенствоваться. Дополнительные полномочия Главсевморпуть получил в 1936 г. Наша позиция, акцептированная не первый раз², заключается в том, что основные потери времени и ресурсов связаны не с действиями внутри того или иного управленческого института, а с взаимодействием «на стыках». В настоящее время есть некоторые признаки проблемы «перетягивания каната» между Росатомом, Министерством по развитию Дальнего Востока, Государственной комиссией по вопросам развития Арктики. Именно поэтому дискуссия о совершенствовании управленческих подходов на данном направлении периодически возникает снова.

Вернемся к этапам развития СМП. Северный морской путь как уникальный транспортный маршрут практически перестал работать к 2000–2002 г., а его инфраструктура была разрушена. Эта ситуация была трагична, но закономерна. В условиях псевдорыночной и искусственно демилитаризованной экономики значение транспортного пути закономерно уменьшилось. Еще в середине 1990-х гг. предлагалось два возможных выхода. Первый — консервация сохранившихся материальных ценностей и переселение людей, второй — интернационализация СМП. В этом случае существует потенциальная опасность утраты арктического сектора — полярных владений РФ. Северный морской путь в 70–80-е гг. не рассматривался как международная транспортная и транзитная магистраль, и поэтому не мог рассматриваться как резерв международной транспортной системы. Парадокс в том, что именно в этот период инфраструктура СМП была наиболее развитой. Понимание того, что время для первого решения прошло, а второе имеет очевидные угрозы, привело к формированию современной концепции освоения Арктики.

¹ Об организации при Совете народных комиссаров Союза ССР Главного управления Северного морского пути: постановление СНК СССР от 17.12.1932 № 1873 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). 1932. Отд. 1, № 84. Ст. 522. Электронная копия статьи доступна в компьютерной справочной правовой системе Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru/>

² Об утверждении Положения о Главном управлении Северного морского пути при СНК Союза ССР. Москва, Кремль, 22 июня 1936 г. // Бюллетень Арктического Института. 1936. № 8–9. С. 389–393.

В Указе Президента РФ Владимира Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» отмечено то, что грузопоток по Северному морскому пути к 2024 г. должен вырасти до 80 млн тонн. Для достижения этой цели правительству было поручено разработать и до 1 октября 2018 г. утвердить комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Действительно, комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г. был утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 г. № 2101-р. Авторы, имеющие достаточный опыт работы на государственной службе, считают дату утверждения столь важного документа весьма значимой и показывающей то, что документ будет многократно корректироваться.

Ключевой вопрос, активно обсуждаемый экспертами, кто и зачем внес в документы цифру грузооборота СМП — 80 млн тонн? Что важнее, количественный показатель или качество последовательного роста? С нашей точки зрения, 80 млн тонн, технико-экономическое обоснование под которые так и не представлено, используются как предлог для получения льгот из бюджета. Очевидно и то, что обсуждение этого вопроса привело к тому, что Президент России ввел полугодовой мораторий на предоставление льгот для разработки новых месторождений в Арктике, и примерно в то же время в СМИ появилась информация о том, что указ о достижении 80 млн тонн грузооборота по Севморпути к 2024 г. может быть не выполнен. Любой количественный показатель не может быть самоцелью, которой нужно достичь любой ценой. Первичны стратегические цели развития транспорта, а не цифры грузооборота, как ориентир. Если это было понятно в 1920 г.¹, то почему от этого надо отказываться сегодня?

3. Проблемы международного сотрудничества и вопросы национальной безопасности в Арктике

Возможности обеспечения национальной безопасности в Арктике 20 лет назад измерялись отрицательной величиной. Коллеги из аналитического центра «Совет по внешней и оборонной политике» справедливо писали о том, что следствием слабости экономики России явилось резкое снижение общего боевого потенциала ее Вооруженных сил, и в особенности на Дальнем Востоке. Сегодня в Азиатско-Тихоокеанском регионе Россию по величине военного бюджета превосходят: Япония (в 5 раз), Китай (почти в 3 раза), Республика Корея (в 2 раза). Наш военный бюджет меньше тайваньского². Сегодня это уже история. Тем не менее, существует мощный комплекс международно-правовых проблем в арктическом регионе. Часть из них имеет исторический характер, некоторые детерминируются вопросами безопасности [13]. Следует вспомнить неудачный опыт разграничения с США в Беринговом море, которое было осуществлено не с учетом современных международно-правовых принципов делимитации экономической зоны, континентального шельфа, а на основе искусственно притянутых положений Договора 1867 г. об уступке Аляски (договора, в период заключения которого международное право не содержало ни института экономической зоны, ни института континентального шельфа). Не меньшую дискуссию вызвало разграничение морских пространств с Королевством Норвегия [4].

¹ Чиркин Г.Ф. Колонизация Севера и пути сообщения. Петроград : Типо-лит. комиссариата Зап. округа путей сообщения, 1919. 19 с. Извлеч. из «Трудов Совещ. о подъездных путях, сост. при Отд. новых линий и подъездных путей Техн. упр. Нар. комиссариата путей сообщ.», вып. 2. 1920 г.

² Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Часть 1. М. : Совет по внешней и оборонной политике. 2001 с.

В настоящее время в Арктическом регионе сформировалась система международных связей — все арктические государства вовлечены в различные международные структуры. К ведущим субъектам военно-политической обстановки в регионе относятся следующие группы стран, организации и объединения:

- арктические государства — Россия, США, Канада, Дания, Норвегия;
- субарктические государства — Исландия, Швеция, Финляндия;
- страны Евросоюза — Дания, Ирландия, Великобритания, Швеция, Финляндия;
- страны — члены НАТО — США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия;
- Арктический совет (АС) — арктические и субарктические государства: Россия, США, Канада, Дания, Норвегия, Исландия, Швеция, Финляндия;
- Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕАР) — Россия, Дания, Исландия, Швеция, Финляндия;
- Совет министров северных стран — Дания с ее автономными территориями (Гренландия и Фарерские острова), Исландия, Швеция и Финляндия с Аландскими островами;
- Северная оборонная структура (NORDEFCO) — Дания, Исландия, Швеция, Финляндия;
- Азиатский форум полярных исследований — Китай, Япония, Северная Корея, Таиланд, Малайзия [2].

Такое разнообразие организаций создает проблемы не только в отношении с Россией, но и между собственно западными институтами. Тем не менее, в вопросах военной безопасности линия наших оппонентов, как правило, общая. В этом контексте обратим внимание на доклад британского аналитического центра в области международных отношений Chatham House. Документ посвящен усилению российского влияния в полярных широтах. С этим программным тезисом с удовольствием согласимся. Далее, по мнению аналитиков Chatham House, России не следует полагать, что она может и далее беспрепятственно осваивать Арктику, а Западу и НАТО пора добиться паритета в данном регионе. Прямо указаны и направления активности НАТО — объекты по добыче сжиженного природного газа [16].

Ограниченность наших ресурсов предполагает, что мы должны использовать выгоды нашего географического положения. Особое внимание обязан привлечь весь комплекс проблем национальной безопасности, связанных с Арктикой. При всей очевидности общих и системных задач, на уровне государства имеется региональная специфика [14]. «Маневр театрами, характерный ранее для военного флота, приобретает актуальность для организации транспортных связей между Балтийским и Баренцевом / Северным морями. В этом контексте требуют переоценки все имеющиеся транспортные возможности, включая и Беломорско-Балтийский канал» [5]. Возможности Беломорско-Балтийского канала таковы, что малый ракетный корабль с «Калибрами» от неприметной пристани села Верхний Рубеж в Вытегорском районе Вологодской области способен обеспечить дополнительную защиту как атлантического Санкт-Петербурга, так и арктического Мурманска.

Сегодня Россия ориентирована на развитие равноправного диалога в Арктике со всеми заинтересованными странами, как имеющими выход к Арктике, так и проявляющими интерес к СМП. Императив международного сотрудничества, наличие диалога не означают отказа от своих национальных интересов в этом регионе.

Подведем итоги. Инструментарий политических и экономических практик России в Арктике в основном сформирован. Необходимо на основе проделанной работы провести тонкую настройку управленческих решений, направленную на координацию внутриполитических приоритетов и внешнеполитических ограничений.

Литература

1. Агранат Г. А. Российский Север: противоречия и надежды // ЭКО. 2000. № 1. С. 48–67.
2. Гаврилов О. Ю. Состояние и перспективы развития системы региональной безопасности в Арктике [Электронный ресурс] // Военная мысль. Июнь, 2019. URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/197850/01.06.19>
3. Каганский В. Основания регионального анализа в гуманитарной географии // Известия РАН, сер. географ. 1999. № 2. С. 42–50.
4. Криворотов А. К. Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского Договора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 62–91.
5. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Шесть тезисов о российской Арктике с позиций современных международных экономических отношений // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения — 2018 : Материалы IX международной научно-практической конференции / под общ. ред. Р. В. Баддылевича, Л. О. Залкинд. 2018. С. 8–9.
6. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Ткачев С. А. Нужен ли «Главсевморпуть» России XXI века? // Моделирование сценариев устойчивого развития северных регионов России в современных условиях : сборник статей международной научно-практической конференции / отв. ред. А. П. Шихвердиев. Сыктывкар, 2017. С. 136–141.
7. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А. Освоение Арктики: как избежать потери качества при выигрыше темпа? // Управленческое консультирование. 2019. № 1. С. 20–28.
8. Межевич Н. М., Куденкова А. В. Некоторые внешнеполитические предпосылки развития российского бизнеса в арктическом регионе // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 3. С. 22–30.
9. Пивоваров Ю. Л. Мировая урбанизация и Россия на пороге XX века // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 12–22.
10. Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза. М., 1982.
11. Финансовые отношения федерального центра и северных регионов и их влияние на организованную миграцию с Севера // под ред. Н. Главацкой. М., 2001.
12. Хрущев С. А., Клоков К. Б., Межевич Н. М., Новожилов А. Г. Особенности Арктической зоны как объекта региональной политики России. СПб. : ВВМ, 2013.
13. Шамахов В. А. Особенности современного международно-правового режима Арктики // Российская Арктика — территория права : альманах. Вып. II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / отв. ред. В. П. Емельянцева, Е. А. Галиновская. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», 2015. С. 79–84.
14. Шамахов В. А., Ивченко Б. П. Обеспечение национальной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019.
15. Шамахов В. А., Исаев А. П., Яновский В. В. Критические факторы окружающей среды в стратегии развития арктической зоны // Управленческое консультирование. 2018. № 3. С. 28–40.
16. Boulegue M. Russia's Military Posture in the Arctic Managing Hard Power in a 'Low Tension' Environment // Russia and Eurasia Programme. Research Paper. June 2019.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Agranat G. A. Russian North: contradictions and hopes // ECO. 2000. N 1. P. 48–67. (In rus)
2. Gavrilov O. Yu. State and the prospects of development of a system of regional security in the Arctic [An electronic resource] // Military thought [Voennaya mysl']. June, 2019. URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/197850/01.06.19> (In rus)

3. Kagansky V. The bases of the regional analysis in humanitarian geography // News of RAS, Series Geography [Izvestiya RAN, ser. geograf.]. 1999. N 2. P. 42–50. (In rus)
4. Krivorotov A. K. Unequal section in half: to signing of the Russian-Norwegian Contract on differentiation in the Arctic // Bulletin of the Moscow University. Series. 25. International relations and world politics [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika]. 2011. N 2. P. 62–91. (In rus)
5. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M. Six theses about the Russian Arctic from positions of the modern international economic relations // North and the Arctic in a new paradigm of world development. Luzinsky readings–2018. Materials of the IX International scientific and practical conference / under a general edition of R. V. Badylevich, L. O. Zalkind. 2018. P. 8–9. (In rus)
6. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M., Tkachev S. A. Whether “Glavsevmorput” is necessary to Russia of the 21st century? // Modeling of scenarios of sustainable development of northern regions of Russia in modern conditions: collection of articles of the international scientific and practical conference / Ex. edition A. P. Shikhverdiev. Syktyvkar, 2017. P. 136–141. (In rus)
7. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. Arctic Development: How to Avoid Loss of Quality when Winning Speed? // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 1. P. 20–28. (In rus)
8. Mezhevich N. M., Kudenkova A. V. Some foreign policy prerequisites of development of the Russian business in the Arctic region // North and the market: formation of an economic order [ever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka]. 2015. N 3. P. 22–30. (In rus)
9. Pivovarov Yu. L. A world urbanization and Russia on the dawn of the 20th century // Social sciences and the present [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 1996. N 3. P. 12–22. (In rus)
10. Slavin S. V. Development of the North of the Soviet Union. M., 1982. (In rus)
11. The financial relations of the federal center and northern regions and their influence on organized migration from the North / under the editorship of N. Glavatskaya. M., 2001. (In rus)
12. Khrushchev S. A., Klokov K. B., Mezhevich N. M., Novozhilov A. G. Features of the Arctic zone as object of regional policy of Russia. SPb. : VVM, 2013. (In rus)
13. Shamakhov V. A. Features of the modern international legal mode of the Arctic // Russian Arctic — the territory of law: almanac. Issue II. Preservation and sustainable development of the Arctic: legal aspects / ex. edition V. P. Emelyantsev, E. A. Galinovskaya. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law, 2015. P. 79–84. (In rus)
14. Shamakhov V. A., Ivchenko B. P. Ensuring national security in the Arctic zone of the Russian Federation. SPb. : NWIM RANEPА, 2019. (In rus)
15. Shamakhov V. A., Isaev A. P., Yanovsky V. V. Critical factors of the environment in the strategy of development for the Arctic zone // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 3. P. 28–40. (In rus)
16. Boulegue M. Russia's Military Posture in the Arctic Managing Hard Power in a 'Low Tension' Environment // Russia and Eurasia Programme. Research Paper. June 2019.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Problems of Regional Economy of RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

The Genesis of the Modern Information Society and the Main World Characteristics

Alexey P. Isaev*, Tatyana V. Vasilyeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; *isaev-ap@ranepa.ru

ABSTRACT

We consider the historical aspect of the formation of the modern information society as a result of the world information revolution. The main stages of the world information revolution are: the Neolithic revolution, iron revolution, the emergence of writing, the invention of printing; the appearance of the telegraph, telephone, radio and television; the emergence of electronic computers, the creation of the Internet.

The idea of the information society was formulated in the late 60s — early 70s of the XX century. However, in the 70s of the 20th century there was a convergence of two simultaneously emerging ideologies — the information society and post-industrialism. To date, Information economy is a sector of the information industry of the economic system of the country. The new economic system is highly dynamic, leading to the growth of economic inequality countries, becomes a potential source of conflicts of a different nature. Information, as a reproducible resource, becomes an object of sale and purchase and a source of long-term economic growth. We consider the stages of the world information revolution. The Internet revolution is comparable in its value to the Neolithic and iron revolutions, with the industrial revolution that made the world economy leader England in the 19th century.

We distinguish eight characteristics of the modern information society: unique knowledge, strengthening the role of entrepreneurship, digital technologies, creative highly qualified specialists, the growth of the global online population, the lack of ICT skills, the rapid development of the mobile world, the lack of a unified methodology for measuring ICT skills. The authors come to the conclusion about necessity of creation of uniform world information educational environment for people from all over the world due to the low global level of ICT-skills and the lack of a common methodology for the measurement ICT-skills.

Keywords: internet economy, network economy, virtual economy, information (new) economy, information society, entrepreneurship, website, digital products, IT technologies, mobile world, ICT skills

Генезис современного информационного общества и основные мировые характеристики

Исаев А. П. *, Васильева Т. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *isaev-ap@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Авторы рассматривают исторические аспекты становления современного информационного общества как результат мировой информационной революции. Основные этапы мировой информационной революции: неолитическая революция, железная революция, появление письменности, изобретение книгопечатания, появление телеграфа, телефона, радио и телевидения; появление электронных компьютеров, сеть Интернет.

Идея информационного общества была сформулирована в конце 60-х — начале 70-х годов XX в. В 70-е годы XX в. произошло сближение двух одновременно возникающих идеологий: информационного общества и постиндустриализма. На сегодняшний день информационная экономика — это отрасль информационной индустрии экономической системы страны. Новая экономическая система отличается высокой динамичностью, что приводит к росту экономического неравенства стран, становится потенциальным источ-

ником конфликтов различного характера. Информация как воспроизводимый ресурс становится объектом купли-продажи и источником долгосрочного экономического роста. Авторы анализируют этапы мировой информационной революции. Интернет-революция сравнима по своему значению с неолитической и железной революциями, с промышленной революцией, которая сделала Англию мировым лидером в XIX в.

Авторы рассматривают восемь характеристик современного информационного общества: уникальные знания, усиление роли предпринимательства, цифровые технологии, креативные высококвалифицированные специалисты, рост мирового онлайн-населения, отсутствие ИКТ-навыков, стремительное развитие мобильного мира, отсутствие единой методологии измерения ИКТ-навыков. Авторы приходят к выводу о необходимости создания единой мировой информационной образовательной среды для людей со всего мира в связи с низким глобальным уровнем ИКТ-навыков и отсутствием единой методологии измерения ИКТ-навыков.

Ключевые слова: интернет-экономика, сетевая экономика, виртуальная экономика, информационная (новая) экономика, информационное общество, предпринимательство, веб-сайт, цифровые продукты, ИТ-технологии, мобильный мир, ИКТ-навыки

1. The genesis of the information society

The idea of the information society was formulated in the late 60s — early 70s of the XX century. The authorship of the term «information society» is attributed to Y. Hayashi, a professor at the Tokyo Institute of Technology. The Japanese version of the concept of the information society was developed, first of all, to solve the problems of the economic development of Japan, which led to its limited and applied nature. However, in the 70s of the 20th century there was a convergence of two simultaneously emerging ideologies — the information society and post-industrialism.

The information society is a new post-industrial socio-political and economic organization of a social society with highly developed information and telecommunication infrastructures that provide the possibility of efficient use of intellectual resources to ensure its sustainable and safe development [10].

The transition to an information society implies a change in the entire economic system of society and country, since the growth of the information industry for the national and world economy is becoming ever more significant. The global market for information and telecommunication technologies in recent years has had higher growth rates than the world economy as a whole. According to Gartner Group's¹ estimates, information technologies have evolved from an auxiliary resource that provides additional business benefits to the main resource necessary for the development of the economy. Digital transformation forces companies to constantly update their business models, and most of the changes will be implemented using digital technologies. Digital technology accelerates changes in business processes in an organization.

The profound influence of the information and telecommunications environment on the current socio-economic processes in society leads to the formation of a new organization of an economic system, for the name of which various concepts are used: «information economy», «network economy», «digital economy», «new economy», «virtual economy», «internet economy», «electronic economy» and others [2].

Information economy is a sector of the information industry of the economic system of the country. The reflection of the expanded understanding of this concept is presented in the book of Lazarev I. A.: «information economy is an economy of the information society, possessing essentially new forms and properties of post-industrial policy

¹ Top 10 Strategic Technology Trends for 2019. 2019. URL: <https://www.gartner.com/en/doc/3891569-top-10-strategic-technology-trends-for-2019> (date of access: 26.02.2019).

based on the wide informatization of society and practical implementation of information and telecommunication mechanisms of self-organization and harmonization of the state economic system» [10].

When using the concept of «network economy» emphasizes the significant role of Internet technologies in economic development. The technological base of the information society is global telecommunication networks, the largest in the world of which is the Internet, formed by combining more than 10,500 telecommunication networks of various types.

The term «new economy» emphasizes that a new post-industrial stage of development of the economic system is being considered. It seems that the term «information economy» is both generalizing and generally includes all of the listed aspects of the new form of organization and functioning of the economic system of the information society. Thus, the formation of the information economy is a consequence of the need to move to a new post-industrial organization of the socio-economic system based on the use of fundamentally new information, telecommunication and intellectual capabilities in order to increase its efficiency compared with the material production of an industrial society.

At the same time, the creation of a global information network in the process of informatization of a society raises a number of new problems. These problems, first of all, are connected with the construction of interstate relations in the new conditions of information transparency of state borders. There is a need to develop a rational policy in terms of the entry of national telecommunication networks into global networks and ensuring the information security of states.

Open networks can be a tool for the informational, political, and cultural expansion of information technology-developed countries in relation to developing countries. With the formation of the information society and the information (new) economy, the role of countries increases. The most important task of the country is to define and implement policies aimed at creating the necessary conditions for sustainable economic development.

The new economic system is highly dynamic, leading to the growth of economic inequality and instability of the «weaker» countries, which becomes a potential source of conflicts of a different nature. This factor should be taken into account when developing a strategy for the sustainable development of civilization in the conditions of the formation of an information (new) economy.

The development of information technology began with the advent of writing, and then printing. New technologies created new forms of employment:

- in the XII–XIX centuries — the publication of books, magazines and newspapers;
- in the late XIX — early XX century — telegraph and telephone;
- in the middle of the XX century — a television.

The emergence of electronic computers based on information technology has radically changed the structure of the economy. The emergence of electronic computers has turned intelligent technology into the most important tool for system analysis, the basis for making management decisions. Thus, intellectual, scientific technology, provided an opportunity to replace intuitive solutions with clear algorithms, and science has become a fully productive force. In the «new» knowledge-based economy, new needs and new technologies are constantly emerging. A new economy needs creatively thinking, skilled and versatile workers who are able to quickly rebuild, combine research, management and executive functions, quickly make decisions according to changes in production.

Information, as a reproducible resource, becomes an object of sale and purchase and a source of long-term economic growth. One of the most important ways to disseminate information in the «new» economy is the Internet. The modern Internet revolution is transforming the economic, social and political structure of society. The stages of the world information revolution are presented in the Figure 1.

The Internet revolution is comparable in its value to the Neolithic and iron revolutions, with the industrial revolution that made the world economy leader England in the 19th

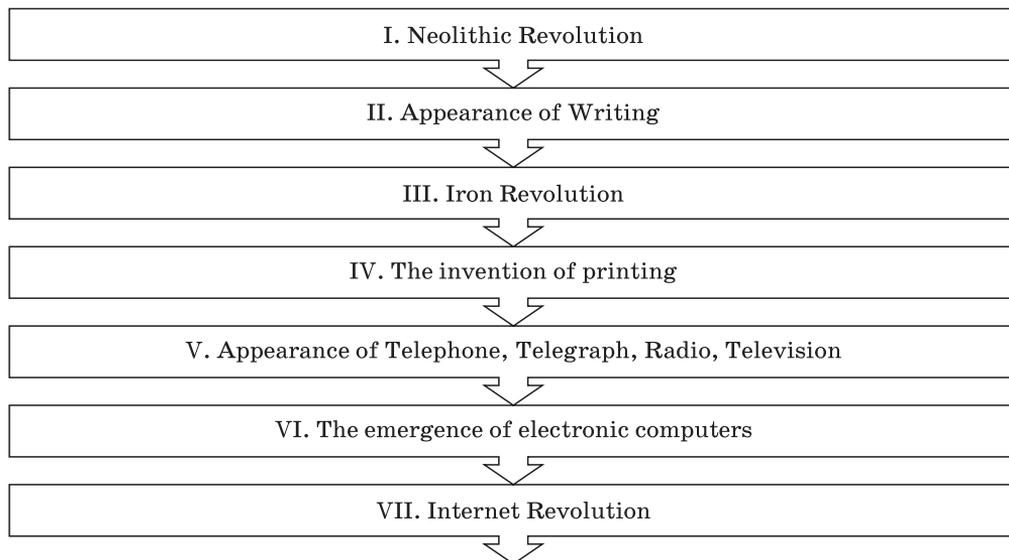

Figure 1. Stages of the world information revolution [9, p. 28]

century, and at the beginning of XX century — USA. *The main stages of the world information revolution are:* the Neolithic revolution, iron revolution, the emergence of writing, the invention of printing; the appearance of the telegraph, telephone, radio and television; the emergence of electronic computers, the creation of the Internet.

The emergence and transformation of the global Internet from a simple source of information into a means of international communication, a tool for the economic integration of countries and an effective way to reduce the costs of manufacturing companies have led to an Internet revolution taking place all over the world. The Internet revolution is a fundamental change in the life of society, associated with the ubiquity of the global telecommunications Internet. In terms of its scale, the Internet revolution can be compared to the spread of television: in 1950, 9% of families had televisions, and through ten years later, in 1960, 87% of families already had it.

The problems of ensuring sustainable and safe development of society are fundamental both in scientific and applied plans at the present time. In modern conditions there is a reduction of natural resources, environmental degradation and the growth of threats to the progressive development of our civilization. Considerable interest arises in assessing the impact of the intensive development of global information and telecommunication technologies on society and the economy of the 21st century [3, p. 135].

The formation of a global information and communication environment opens up fundamentally new opportunities in various areas of human social and economic activity. The global information and communication environment allows us to consider the post-industrial stage of civilization development as a process of transition to a fundamentally new socio-economic structure — the information society and the new type of economy that forms its basis, namely, the information economy.

Initially, the main provisions of the concept of post-industrial society are reflected in the works of D. Bell, E. Masud, E. Tofler, R. Drukergui. The concept of post-industrialism is widely disclosed in D. Bell's book «The Offensive of Post-Industrial Society. The Experience of Social Forecast», published in 1973. The variant of the convergence of ideas of post-industrialism and the information society in D. Bell's research is presented

in 1980 by the book «The Social Framework of the Information Society» [9, p. 29].

The expression «information society» by D. Bell is a new name for a post-industrial society, emphasizing not its position in the sequence of stages of social development — after industrial society — but the basis for determining its social structure — information.

According to the concept of post-industrialism, there are three periods: pre-industrial society, industrial society and post-industrial society. The basic concepts of the post-industrial society are presented in Table 1.

Table 1

The concept of a post-industrial society

Society/ Signs	Pre-industrial society	Industrial society	Post-industrial society
Main industry	Agriculture	Large industry	Services (health, education, research, management)
Main property	Land	Industrial and financial capital	Information and knowledge
Leading Socio-Economic and Political Power of Society	Landowners	Owners of capital	Scientists and professional specialists

D. Bell formulates the problem of the information theory of value and the information (service) economy: «When knowledge in its systematic form is involved in the practical processing of resources (in the form of an invention or organizational improvement), we can say that it is knowledge, not labor, that is the source of value» [6].

A comparative analysis of pre-industrial society, industrial society and post-industrial societies is presented in Table 2.

Table 2

The basics of pre-industrial, industrial and post-industrial societies

Society/ Basics	Pre-industrial society	Industrial society	Post-industrial society
Basics of society	labor-intensive technologies; the use of human muscular strength; not requiring long learning skills; exploitation of natural resources	machine production; capital-intensive technologies; the use of extramuscular energy sources; requiring a long training qualification	high technology; information and knowledge, as the main production resource; the creative aspect of human activity; continuous self-improvement and advanced training throughout life

2. Special characteristics of the information society and the current state of ICTs in the world

The main features of the modern information society are presented in Figure 2.

1. The prevalence of knowledge over capital, unique knowledge

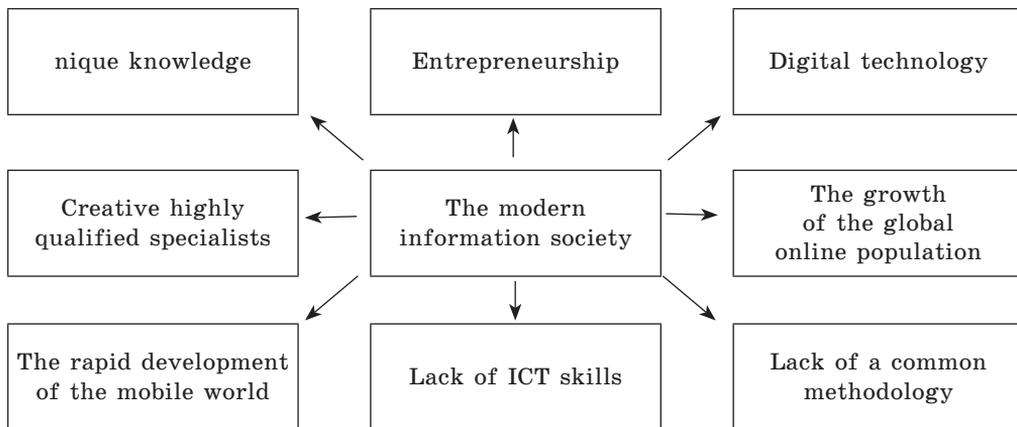

Fig. 2. Eight main characteristics of the modern information society

At the first stages of an industrial society, with capital, it was almost always possible to organize the mass production of any product and occupy a niche in the market. With the development of competition, especially international, the amount of capital does not guarantee protection against failure and bankruptcy. Innovation is imperative for success. Capital cannot automatically ensure the appearance of the know-how necessary for economic success and, conversely, in the post-industrial sectors of the economy, the availability of know-how makes it easy to raise the necessary capital even without having its own [4].

The value of corporations in a information society is mainly due to intangible assets — know-how, employee qualifications, business structure efficiency, etc. For example, the capitalization of Microsoft corresponds to the capitalization of the largest mining companies, although Microsoft has orders of magnitude less than tangible assets.

2. Strengthening the role of entrepreneurship

In a information society, the importance of mass production is declining, which is moving to other regions. The role of entrepreneurship is increasing, more and more small-scale goods are being produced with many modifications and options for services in order to meet the needs of different groups of consumers [1].

3. Technological changes in information society, digital technology

Technological progress in the industrial society was achieved mainly due to the work of inventors and practitioners, who often had no scientific training (for example, T. Edison). In the information society, the applied role of scientific research, including fundamental research, is sharply increasing. The main technologies that receive the greatest development in the information society are high-tech, resource-saving and information technologies («high technologies»). Thanks to informatization, mechanical interactions are replaced by electronic technologies, and biological organisms change at the gene level. The main trends in technological processes are becoming: increasing automation based on digital technologies, replacing unskilled labor with machines and computers.

4. The social structure of the information society and importance of the human factor

An important feature of the information society is the strengthening of the role and importance of the human factor [8, p. 94]. The structure of labor resources is changing: the share of the physical is decreasing and the share of highly skilled and creative labor

is growing. The cost of training the workforce is increasing: the cost of training and education, advanced training and retraining of workers.

With the development of information society, information becomes the most important economic category and a source of additional profits. *Possession of systematically organized information* is transformed into economic advantages, ensuring the redistribution of natural resources, labor and capital with the opening of new opportunities for all types of production, economic and financial activities.

5. Online population in the world is growing

At the end of 2018, 51.2 percent of people used the Internet, or 3.9 billion people¹. In developing countries, however, there is still plenty of room for growth: with 45 percent of people using the Internet. Internet consumption remains relatively low in 47 least developed countries (LDCs) and four out of five people (80 per cent) are not yet using the Internet.

6. Mobile-cellular telephone subscriptions is already greater than the global population

Broadband access continues to sustained growth. Almost the whole world population now lives within range of a mobile-cellular network signal. In addition, most people can access the Internet through a 3G or higher-quality network. This evolution of the mobile network, however, is going faster than the growth in the percentage of the population using the Internet. Internet access at home is gaining traction. Almost 60 per cent of households had Internet access at home in 2018, up from less than 20 per cent in 2005². Fewer than half of households had a computer at home, highlighting that a substantial number of households accessed the Internet (also) through other means, most importantly through mobile devices, often using the data plan of the mobile-broadband subscription. Three quarters of the world's population owned a mobile phone in 2017, but in LDCs this proportion stood at 56 per cent.

7. Lack of ICT skills

Lack of ICT skills is an important impediment for people to access the Internet. Data of the «Measuring the Information Society Report 2018» show that, as activities get more complex, fewer people undertake these activities. More importantly, computer users in developed countries seem to possess more ICT skills than users in developing countries, pointing to a serious constraint on the development potential of developing countries and LDCs.

For people of the future, it becomes important to have a wide range of ICT skills: technical operational, information management, social and content-creation skills. Data of the «Measuring the Information Society Report 2018» show that, A third of individuals lack basic digital skills, such as copying files or folders or using copy and paste tools; a mere 41 per cent have standard skills, such as installing or configuring software or using basic formulas on spreadsheets; and only 4 per cent are using specialist language to write computer programs.

8. Lack of a common methodology for the collection, analysis and processing of digital data

There are problems in collecting data for certain countries and groups, as well as a limited range of methodological tools. Proxy measurements (such as a request to measure

¹ Measuring the Information Society Report Executive summary 2018. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR2018-ES-PDF-E.pdf> (date of access: 26.02.2019).

² Measuring the Information Society Report Executive summary 2018.

a skill) and self-assessment of skills are the most common now. Recently, self-assessment is evaluated using scales that have been tested using performance tests (proxy test performance surveys). The least common are the actual tests and official exams on ICT skills of the population of the country. It is recommended that survey measures be developed that can be used for larger population groups. There is an urgent need to develop measures across the spectrum of ICT skills: operational information processing, information management skills, communication skills and content creation in the ICT environment. These elements should be device and platform independent, it is important to measure skills, not actions.

Summary

Information and communication technologies have an impact on all aspects of modern society. In the new information society, unique information becomes the main driving force. Highly qualified specialists who are able to collect, quickly analyze large amounts of information and on this basis to create something new, become the basis of the modern information society.

The rapid growth of the online population combined with the low global level of ICT skills leads to the need to create a unified information learning environment for people from all over the world. However, the creation of such a technology platform requires addressing a number of important issues, including the creation of a common methodology for measuring ICT skills.

References

1. Isaev A. P., Vasilyeva T.V. The system of infrastructure ensuring business activity in the market of mobile commerce of Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 3. P. 41–48. (In rus)
2. Isaev A. P., Vasilyeva T.V. About implementation of the program “Digital Economy of the Russian Federation” // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2018. N 1. P. 46–57. (In rus)
3. Isaev A. P., Vasilyeva T.V. National peculiarities of business in the market of mobile commerce of Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 11. P. 132–138. (In rus)
4. Kudryashov V.S. Implementation of cluster policy for economic development of regions of Russia // Economy and management: problems, decisions [Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya]. 2017. N 1. P. 33–38. (In rus)
5. Maksyanova T.V. Influence of Internet economy on GDP of Russia // Questions of modern science and practice. University of V.I. Vernadsky [Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo]. 2012. N 2. P. 177–187. (In rus)
6. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y. : Basic Books, 1973.
7. Maksyanova T.V. The place and a role of Internet commerce in the system of Internet economy at the present stage of development of information (new) economy // Questions of modern science and practice. University of V.I. Vernadsky [Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo]. 2011. N 3. P. 256–264. (In rus)
8. Vasilyeva T.V. Interaction of subjects of digital economy of Russia // Questions of modern science and practice. University of V.I. Vernadsky [Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo]. 2018. N 3. P. 91–96. (In rus)
9. Bell D. (1980) “The Social Framework of the Information Society”, in T. Forester (ed.) The Microelectronics Revolution, Oxford : Blackwell. P. 500–549.
10. Lazarev I.A., Hizha G.S., Lazarev K.I. 2006. New information economy and network development mechanisms. Publishing and trading corporation «Dashkov and K».
11. Maksyanova T.V. Principles of organization and factors of Internet commerce development. Questions of modern science and practice. University named after Vernadsky. 2011. N 2. P. 277–281.

12. Maksiyanova T.V. 2012. Innovative changes in the Russian economy under the influence of Internet economy formation and development // World Applied Sciences Journal. N 20. P. 1307–1312.
13. Maksiyanova T.V., 2011. Risks of dotcom companies. Questions of modern science and practice. University named after Vernadsky. 4 (35). P. 274.

About the authors:

Alexey P. Isaev, Dean of Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; isaev-ap@ranepa.ru

Tatyana V. Vasilyeva, Associate Professor of the Chair of Economics of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; 15351538@mail.ru

Литература

1. *Исаев А. П., Васильева Т. В.* Система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России // Управленческое консультирование. 2019. № 3. С. 41–48.
2. *Исаев А. П., Васильева Т. В.* О реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 46–57.
3. *Исаев А. П., Васильева Т. В.* Национальные особенности предпринимательства на рынке мобильной коммерции России // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 132–138.
4. *Кудряшов В. С.* Реализация кластерной политики в целях экономического развития регионов России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 1. С. 33–38.
5. *Максиянова Т. В.* Влияние интернет-экономики на ВВП России // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2012. № 2. С. 177–187. (16).
6. *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y. : Basic Books, 1973.
7. *Максиянова Т. В.* Место и роль интернет-коммерции в системе интернет-экономики на современном этапе развития информационной (новой) экономики // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2011. № 3. С. 256–264.
8. *Васильева Т. В.* Взаимодействие субъектов цифровой экономики России // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2018. № 3. С. 91–96.
9. *Bell D.* (1980) "The Social Framework of the Information Society", in T. Forester (ed.) The Microelectronics Revolution, Oxford : Blackwell. P. 500–549.
10. *Lazarev I. A., Hizha G. S., Lazarev K. I.* 2006. New information economy and network development mechanisms. Publishing and trading corporation «Dashkov and K».
11. *Maksiyanova T. V.* Principles of organization and factors of Internet commerce development. Questions of modern science and practice. University named after Vernadsky. 2011. N 2. P. 277–281.
12. *Maksiyanova T. V.* 2012. Innovative changes in the Russian economy under the influence of Internet economy formation and development // World Applied Sciences Journal. N 20. P. 1307–1312.
13. *Maksiyanova T. V.,* 2011. Risks of dotcom companies. Questions of modern science and practice. University named after Vernadsky. 4 (35). P. 274.

Об авторах:

Исаев Алексей Петрович, декан факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; isaev-ap@ranepa.ru

Васильева Татьяна Владимировна, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; 15351538@mail.ru

Моделирование регионального развития с использованием структурного подхода: принципы, инструменты и опыт их применения*

Вертакова Ю. В. *, Прокопенко О. С.

Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация; *vertakova7@ya.ru

РЕФЕРАТ

Для решения приоритетной задачи Российской Федерации по обеспечению эффективного социально-экономического и устойчивого развития регионов необходимо проведение адекватной структурной политики, основная цель которой заключается в формировании рациональной и сбалансированной структуры экономики, способной обеспечить эффективное развитие экономики региона. В связи с этим актуальность моделирования регионального развития с использованием структурного подхода не вызывает сомнений. Целью научного исследования является обоснование необходимости пристального изучения специфики региональной структуры и особенностей ее моделирования с учетом общих и частных принципов, инструментов и практического опыта их применения. Научную новизну составляет исследование не только основных закономерностей, особенностей, принципов, инструментов моделирования структуры региона, но и опыта их применения при определении пропорций и тенденций в развитии региона в целях проведения адекватной структурной политики. В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы, в частности: обзор литературы, логический и системный анализ, методы сбора эмпирических данных, описания, моделирования, прогнозирования и обработки результатов исследования.

В результате исследования авторами были получены следующие результаты: проведен компаративный анализ подходов к определению понятия «регион», «структура региона»; обосновано, что структура придает необходимую целостность и определяет основные характеристики развития региона, позволяя рассматривать его как целостную социально-экономическую систему; представлена классификация типов региональных структур; обосновано, что основным качественным свойством территории является полиструктурность. В качестве выводов авторы отмечают, что в данной связи не может быть единого подхода к характеристике структуры для моделирования регионального развития. Апробация авторских подходов к структуризации региональной экономики выполнена на материалах Курской области. Она показала адекватность разработанных теоретических положений и позволила определить направления их дальнейшего развития для совершенствования региональной структурной политики.

Ключевые слова: структура региона, типы региональных структур, отраслевая структура, регион

Modeling of Regional Development Using a Structural Approach: Principles, Tools and Experience of Their Application

Yulia V. Vertakova*, Oksana S. Prokopenko

Southwest State University, Kursk, Russian Federation; *vertakova7@ya.ru

* Статья подготовлена в рамках госзадания Минобрнауки России № 26.3546.2017/ПЧ «Развитие фундаментальных основ анализа и прогнозирования структурно-динамических параметров региональной экономики на основе интеграции российского и мирового опыта управления территориальным развитием и современных научных доктрин».

ABSTRACT

To solve the priority task of the Russian Federation to ensure the effective socio-economic and sustainable development of the regions, it is necessary to carry out an adequate structural policy, the main purpose of which is to form a rational and balanced structure of the economy that can ensure the effective development of the region's economy. In this regard, the relevance of modeling regional development using a structural approach is beyond doubt. The purpose of the research is to substantiate the need for a close study of the specifics of the regional structure and the features of its modeling, taking into account General and specific principles, tools and practical experience of their application. Scientific novelty is the study of not only the basic laws, features, principles, tools for modeling the structure of the region, but also the experience of their application in determining the proportions and trends in the development of the region in order to conduct an adequate structural policy. The study used theoretical and empirical methods, in particular: literature review, logical and system analysis, methods of empirical data collection, description, modeling, forecasting and processing of research results.

As a result of the study, the authors obtained the following results: a comparative analysis of approaches to the definition of the concept of "region", "structure of the region"; justified that the structure gives the necessary integrity and defines the main characteristics of the region, allowing to consider it as a complete socio-economic system; classification of types of regional structures; justified that the main quality property of the territory is polystructural. As a conclusion, the authors note that in this regard, there can be no single approach to the description of the structure for modeling regional development. Approbation of the author's approaches to the structuring of the regional economy is made on the materials of the Kursk region. It showed the adequacy of the developed theoretical provisions and allowed to determine the directions of their further development for the improvement of regional structural policy.

Keywords: structure of the region, the types of regional structures, sectoral structure of the region

Введение

Актуальность моделирования регионального развития с использованием структурного подхода обусловлена необходимостью индивидуализации подходов к выстраиванию региональной и структурной государственной политики с учетом специфики региональной структуры.

Основная цель исследования состоит в обосновании необходимости пристального изучения специфики региональной структуры и особенностей ее моделирования с учетом общих и частных принципов, инструментов и практического опыта их применения. Научная новизна работы заключается в исследовании основных закономерностей, особенностей, принципов, инструментов моделирования структуры региона, а также опыта их применения при определении пропорций и тенденций в развитии региона и проведения адекватной структурной политики.

Региональная экономика (*Regional Economics*) анализирует «пространственное размещение и связанность экономической деятельности» [37] или «пространственную организацию экономических систем» [33]. Научную школу региональных исследований в некоторых источниках называют немецкой [32], так как в этой области существенный вклад был сделан немецкими учеными. Многие иностранные исследователи внесли существенный вклад в развитие теории региональной экономики [31; 34–36; 38–40].

Проведенный нами анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет утверждать об отсутствии четкости в определении терминов «регион» и «региональное развитие».

По мнению С. С. Шаталина [27] понятие «регион» характеризует определенный социально-экономический организм, структура которого должна обеспечить повы-

шение эффективности использования общественных фондов потребления, развитие социальной и производственной инфраструктуры.

Мы разделяем позицию многих авторов, которая состоит в том, что развитие региональной экономики представляется как процесс глубокого качественного изменения ее состава и связей, т. е. структуры ее подсистем, совместное функционирование которых определяет динамику и уровень развития региона. В этой связи изучение развития региона возможно только на основе структуризации, что вызывает повышенный интерес к пониманию структуры региона и проведению эффективной структурной политики.

Структура — (в переводе с лат. *structura* — строение) является совокупностью определенных устойчивых связей исследуемого объекта, которые обеспечивают ему некую целостность, сохраняя при этом основные свойства с учетом внутренних и внешних изменений [14]. Структура придает системе необходимую целостность и определяет характеристики, которые позволяют рассматривать регион как целостную социально-экономическую систему [11].

Советский экономик-географ Исаак Моисеевич Майергойз [15] заложил основы учения о территориальной структуре хозяйства. Г. Клейнер [12] рассматривал структуру региона с позиции системы устойчивых связей (отношений), выделяя в структуре региона три подсистемы: общество (население), бизнес (предприятия и организации), региональная власть (исполнительная, законодательная и судебная). У. Эшби отражал в своих работах тесную взаимосвязь между всеми подсистемами в структуре региона (общество, бизнес, региональная власть), полагая, что взаимодействие между элементами системы носит циклический характер [28].

Теоретико-методологические основы исследования

На сегодняшний день в экономической литературе не сложилось точного и однозначного определения структуры региона. В настоящее время выделяют различные подходы к определению исследуемой нами категории. Каждый автор видит структуру экономики региона по-своему, рассматривает ее с разных точек зрения: с экономической, социальной, духовной, отраслевой, территориальной, природно-ресурсной, институциональной, приводя разные классификационные признаки или их сочетания. В табл. 1 приведен обзор подходов различных авторов к определению понятия «структура региона».

Систематизировано авторами на основе обобщения литературных источников.

Приведенный в таблице перечень не исчерпывает многообразия приводимых разными авторами определений. По нашему мнению, структура региональной экономики представляет собой совокупность подсистем, определяющих процессы производства, распределения, обмена и потребления на территории сравнительно обособленного административно-территориального объединения, собственно и называемого регионом.

На основе вышеприведенного обзора можно выявить общие признаки, которые характерны для такого понятия, как «структура региона»:

- 1) полиструктурность (наличие в системе множества взаимосвязанных подсистем);
- 2) гетерогенность (наличие неравномерных частей в структуре); управляемость (регулирование всех элементов региональной системы); самостоятельность.

На основе этих признаков и их сочетаний могут быть построены различные классификации региональных структур. Заметим, при этом, что так же, как нет единого понимания понятия «региональная структура», остается дискуссионной и классификация видов региональных структур, но подчеркнем еще раз, что определяющим качественным свойством территории, рассматриваемой как сложная система, является множественность структурной организации (полиструктурность).

Альтернативные подходы к трактовке понятия «структура региона»

Table 1. Alternative approaches to interpretation of the concept "structure of the region"

Автор	Трактовка
Абалкин Л. И.	«Структура региона представлена в некоторой конкретно-исторической форме ее существования с учетом функционирования и развития производственных отношений, особенностями организации процессов производства и управления в конкретном регионе на этапе его развития» [1]
Быков В. П., Дембовская О. А., Лебедько Е. М.	«Структура региона — это экономическая независимость, позволяющая осуществлять контроль региональной власти за региональными ресурсами; стабильность и устойчивость региональной экономики, предполагающие защиту всех форм собственности; способность к саморазвитию и прогрессу — создание благоприятного инвестиционного и инновационного климата» [5]
Герасимов Б. И., Дьякова О. В.	«Структура региона — самостоятельно исследуемая и рассматриваемая система, обладающая определенными системными свойствами» [9]
Майергойз И. М.	«Структура региона — это совокупность расположенных определенным образом некоторых территориальных элементов, которые взаимодействуют друг с другом в народнохозяйственной системе» [15]
Невейкина Н. В.	«Структура региона — это совокупность социальной, экономической и экологической систем, совместно функционирующих и определяющих динамику развития региона» [17]
Петров Ю. А.	«Структура региона — это взаимоотношения элементов системы по поводу эффективного и рационального потребления ресурсов обществом для удовлетворения определенных потребностей населения, а также в вопросах эффективного национального производства и необходимости общественного развития в русле постиндустриальной экономики» [18]
Топорова В. Н.	«Структура региона — совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно отражается на остальных элементах» [21]
Ускова Т. В.	«Структура региона предполагает наличие природных ресурсов; населения; экономики (отрасли экономики, межотраслевые комплексы, финансы); социальной сферы здравоохранения, науки и образования; инфраструктуры; системы управления» [22]
Федулов С. П.	«Выделяет два подхода в определении структуры региона — «отраслевой» и «деятельностный». Структура региона при первом подходе является определенной совокупностью отраслей, предприятий, организаций и других структурных элементов системы. Структура региона при втором подходе есть некая система элементов, определяющих эффективное и устойчивое развитие региона» [23]

Автор	Трактовка
Харченко Е. В.	«Структура — некоторая совокупность элементов, обладающих определенными свойствами, находящимися друг с другом в неких внутренних элементарных отношениях, которые можно объединить в две группы, представленные отношениями и связями функционирования и развития всех элементов в данной системе; а также отношениями и связями управления системой» [25]
Шарипов А. Ю.	«Структура региона — это определенный набор (совокупность) отраслей, подотраслей народного хозяйства, а также различных видов деятельности для производства услуг и удовлетворения духовных потребностей населения региона» [26]
Юрьева Т. В.	«Структура региона представляет собой определенную организационную форму национального хозяйства, модель его организационного устройства» [29]
Ясин Е., Алексащенко С., Гавриленков Е., Дворкович А.	«Структура региона — совокупность постоянно меняющихся и развивающихся процессов: производственных, финансовых, трудовых, инновационных, технологических» [30]

В территориальной системе России в зависимости от критерия классификации можно выделить несколько однородных региональных структур [10]:

- 1) региональная структура, возникающая в результате реализации принципов национально-государственного устройства с учетом равноправия всех субъектов РФ;
- 2) региональная структура, отражающая территориально-административное устройство каждого субъекта федерации, что вызвано спецификой расселения населения и сложностью централизованного управления социально-экономическими процессами на обширной территории;
- 3) структура, предпосылками создания которой стали принципы экономического районирования и территориального разделения труда;
- 4) районы реализации региональных комплексных программ в соответствии с приоритетными направлениями в достижении целей, например формирование особых зон, таких как территории опережающего развития, свободные экономические зоны, кластеры и др.

Рассмотрим наиболее распространенные теоретические подходы к выделению классификационных признаков. Так, например, Н. В. Невейкина выделяет следующие виды региональных структур: территориально-административная структура (совокупность элементов — муниципальных образований); отраслевая структура (совокупность подсистем — отраслей); организационная структура (отражает уровень управления региональной экономикой) [17].

О. А. Растяпина и Г. С. Мерзликина выделяют такие виды региональных структур, как: инновационная структура (отражает уровень развития рынка интеллектуальной и инвестиционной собственности); рыночная структура (характеризует спрос, предложение); социальная структура (характеризует уровень развития социальной сферы региона); отраслевая структура (отражает соотношение различных отраслей и подотраслей между хозяйствующими элементами) [19].

О. Ю. Аюшева выделяет следующие виды структуры: воспроизводственная (характеризует возможности роста и эффективность экономики региона); технологи-

ческая (характеризует технологическую базу производства групп однотипных товаров и услуг); отраслевая; внешнеэкономическая (отражает процессы, происходящие в экономике; экспорт и импорт характеризуют данную структуру) [3].

С. Д. Резник в [20] выделяет следующие виды региональных структур:

- экономико-географическая структура. Данная структура является базовой. Большое влияние на экономико-географическую структуру региона оказывают такие факторы, как: географическое положение региона, климатические условия, наличие природных ресурсов, отрасли специализации региона;
- производственно-экономическая структура региона. Производственно-экономическая структура находится в тесном взаимодействии с другими структурами региона;
- социальная структура региона, характеризуется развитием социальной сферы, учитывает и оценивает оказываемые населению социально значимые услуги;
- структура собственности региона. Эта структура характеризуется соотношением между различными формами собственности. Структура собственности оказывает большое влияние на экономику региона, потому что определяет характер и сущность протекающих в ней процессов (производство, потребление, распределение);
- бюджетно-финансовая структура региона. Для данной структуры характерны такие показатели, как: региональный объем финансовых ресурсов, размер и направленность финансовых потоков.

Материалы и методы

Мы не ставим задачу привести в данной статье все многообразие имеющихся подходов к делению региональной структуры по соответствующим классификационным признакам. Мы разделяем позицию И. А. Козьевой [14], что в структуре экономики, как региональной, так и страны в целом, «следует выделять отраслевые, территориальные и межотраслевые соотношения».

В табл. 2 сведены основные виды региональных структур, используемые для анализа, прогнозирования и моделирования структурных сдвигов в регионе в процессе стратегического управления и реализации социально-экономической политики, в частности — структурной. При этом все приведенные разновидности структур взаимодополняют друг друга. Заметим, что приведенные выше теоретические положения не являются «самоценными», они обладают значительным потенциалом прикладного использования. Ведь в зависимости от их трактовки и понимания изменяются подходы к управлению региональным развитием, начиная от стратегического анализа социально-экономической системы региона (с выделением ее структурных компонентов) и позиционирования региона, заканчивая прогнозированием будущих характеристик, свойств, пропорций, выбором методов их целевой трансформации.

Моделирование регионального развития, по нашему мнению, должно осуществляться с использованием структурного подхода. Рассмотрим в этой связи некоторые виды структур региональной экономики в динамике на эмпирических данных одного из субъектов Федерации — Курской области, сопоставляя ее показатели со страной в целом.

Наиболее распространенным на практике является анализ отраслевой структуры экономики. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах определяли отраслевую структуру экономики как результат общественного разделения труда. Авторы выделяли в отраслевой структуре экономики три вида общественного разделения труда: общий (крупные производства), частный (распределение производства внутри крупных производств), единичный [16].

Разновидности отражения структур экономики региона
 Table 2. Kinds of reflection of region economy structures

Название	Содержание
Общеэкономическая структура	Рассмотрение структуры региональной экономики как взаимосвязи между секторами домашних хозяйств (спросом) и предпринимательским (предложением), в том числе с выделением внешних по отношению к региону хозяйствующих субъектов
Отраслевая (компонентная) структура	Отражает совокупность отраслей народного хозяйства, характеризующаяся определенными пропорциями и взаимосвязями, объединенными единством экономического назначения производимой продукции и услуг, однородностью потребляемого сырья, материалов и энергии, а также общностью технической базы и технологических процессов, особым профессиональным составом кадров и специфическими условиями труда
Функциональная или секторная отраслевая структура	Отражает совокупность отраслей, объединяемых по функциональному принципу. Например, материальный, фондо-создающий и потребительский секторы
Институциональная структура	Отражает распределение организаций по видам экономической деятельности, а также соотношения между различными формами собственности
Воспроизводственная структура	Отражает соотношения между спросом и предложением, накоплением и потреблением, чистой продукцией и внутренним потреблением, расходами на накопление и конечное потребление домашних хозяйств и другие соотношения. Отражает возможности роста и эффективности экономики региона
Структура собственности	Деления региональной экономики на определенные сектора, отличающиеся главенствующими формами собственности, которые находятся между собой в органичной взаимосвязи. Обычно выделяют государственный и частный сектора региональной экономики
Пространственная структура	Отражает, как размещено производство по территории региона. В пространственной структуре выделяют ряд элементов: точка, центр, ядро, промышленный узел, транспортный узел, агломерация, кластер, полюса роста
Размерная структура	Отражает уровень концентрации производства в регионе. Характеризуется размером расположенных предприятий, локализацией
Административная структура	Определяется составом муниципальных образований, функционирующих в регионе
Территориальная структура	Деление по территориальным ячейкам, так называемым таксонам, к которым следует относить такие территориальные элементы, как зоны, разноранговые районы, промышленные узлы, центры, пункты и др.
Межотраслевая структура	Группы отраслей, влияющих друг на друга за счет разделения труда и кооперации при формировании цепочек добавленной стоимости, формирующих межотраслевые комплексы

Составлено авторами на основе обобщения литературных источников.

А. Н. Азраилян определял отраслевую структуру экономики как совокупность предприятий, для которых характерна общность выпускаемой продукции. Он, как и большинство других авторов, придерживавшихся марксистской парадигмы, склонялся к выделению в отраслевой структуре двух сфер: сфера материального производства (сельское хозяйство, лесное хозяйство, транспорт и связь), непроизводственная сфера (наука, образование, медицина) [2].

О. Ю. Красильников характеризует отраслевую структуру экономики отношением вкладов отраслей в создание совокупного продукта [13].

А. Б. Фиалшев, Т. Х. Созаева, А. Ю. Кайгермазова в своих работах отраслевую структуру экономики интерпретируют как совокупность отраслей и подотраслей, исторически сложившихся в результате общественного разделения труда [24].

Таким образом, из вышепредставленных точек зрения можно сделать вывод, что отраслевая структура экономики региона представляет собой выделение в экономике отдельных подсистем, объединяемых по единству произведенных товаров и услуг, используемых сырья и материалов, производственно-технологических процессов, специфике труда и кадрового состава.

Одним из способов ее деления является такой признак, как сфера деятельности (производственная или непроизводственная; иначе — материальное и нематериальное производство) (рис. 1).

Рис. 1. Одна из разновидностей представления отраслевой структуры региона (базирующаяся на марксистской парадигме)

Fig. 1. One of representation of the region industry structure (based on a Marxist paradigm)

Составлено авторами на основе обобщения литературных источников.

В советский период органы государственной статистики группировали экономическую информацию на основе классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ). Этот классификатор использовали на протяжении 30 лет. Эта система классификации учитывала экономическую деятельность хозяйствующих субъектов по отраслям производства и делила экономику на семь отраслей сферы материального производства: промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, строительство, транспорт (производственный), связь (производственная), торговля, общественное питание, снабжение, сбыт, а также непроеизводственную сферу: жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, здравоохранение, физкультура и спорт, народное образование и просвещение, социальное обеспечение, наука и научное обслуживание, искусство и культура, кредитно-банковская система и система страхования, государственное управление, информационное обслуживание и пр. Именно такое деление совокупности данных о региональном развитии называли отраслевой структурой, и частично до сих пор продолжают ее использовать для целей долгосрочного прогнозирования и моделирования регионального развития.

Результаты исследования

В России с 01.01.2003 введенным новым общероссийским классификатором ОКВЭД группировка и предоставление статистической информации о структуре экономики производится по видам экономической деятельности. Достаточно часто деление валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности также называют отраслевой структурой, в связи с отсутствием других данных в официальной статистике (табл. 3). Некоторые авторы [4] предлагают подходы, позволяющие перераспределить современные виды экономической деятельности к старой отраслевой структуре по ОКОНХ.

Отраслевая структура экономики по группам видов экономической деятельности и ее трансформация с 2001 по 2016 гг. (применительно к Курской области) представлена в табл. 3.

Изучая данные таблицы, можно сделать вывод, что такие виды деятельности, как «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» и «транспорт и связь» преобладают в структуре экономики. Отраслевая структура хозяйства в Российской Федерации за рассматриваемый промежуток времени изменилась незначительно, но следует отметить падение доли такого вида деятельности, как «оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» в 2016 г. относительно 2001 г. на 4,9%, что свидетельствует о снижении позиций данных секторов экономики. В Курской области можно наблюдать существенную трансформацию структуры: «добыча полезных ископаемых», являющаяся важнейшей в 2001 г., в настоящее время уступила лидирующие позиции при формировании валовой добавленной стоимости. Удельный вес данного сектора снизился в 2 раза. В отраслевой структуре хозяйства Курской области пока по-прежнему сохраняются диспропорции: повышенное значение имеют ресурсные отрасли экономики; приоритетной остается отрасль «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», в то время как инфраструктурный комплекс испытывает серьезные трудности в своем развитии; сохраняется высокая концентрация производства в трех отраслях базовой специализации. Промышленность является базовой отраслью для большинства регионов РФ, во многом определяющей эффективность экономики в целом.

В табл. 4 приведена отраслевая структура добавленной стоимости в промышленности по регионам ЦФО и стране в целом в 2016 г.

**Структура валовой добавленной стоимости по видам деятельности
в Курской области и РФ в 2001, 2016 гг., %**

Table 3. Structure of gross added value on types of activity in Kursk region
and the Russian Federation in 2001, 2016, %

Вид экономической деятельности (отрасль экономики)	Российская Федерация		Курская область	
	2001 г.	2016 г.	2001 г.	2016 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,2	5,1	15,1	18,4
Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,3	0	0
Добыча полезных ископаемых	12,8	10,9	18	8,6
Обрабатывающие производства	18,5	17,3	11,9	20,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,8	3,9	17,9	7,6
Строительство	5,7	6,3	4	6,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	21,8	16,9	8,3	9,1
Гостиницы и рестораны	0,9	1,1	0,4	0,8
Транспорт и связь	10,6	9,5	8,5	5,7
Финансовая деятельность	1,1	0,5	0,2	0,3
Операции с недвижимым имуществом, аренды и предоставление услуг	9	14,6	3,7	7,8
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	2,9	4,9	4,6	5,5
Образование	2,8	3	3,5	4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,1	4	3	4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,5	1,7	0,9	1,1
Всего	100	100	100	100

Составлено с использованием данных Федеральной службы государственной статистики.
URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/11-04.htm.

Таблица 4 наглядно демонстрирует, что такой вид экономической деятельности, как «обрабатывающие производства» преобладает в отраслевой структуре добавленной стоимости в промышленности во всех субъектах ЦФО. Добыча полезных ископаемых преобладает в отраслевой структуре добавленной стоимости в промышленности Белгородской области (21,8%) и Курской области (18%). Также можно отметить, что «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» имеет значительный удельный вес в отраслевой структуре добавленной стоимости промышленности Курской области (17,9%) и Костромской области (10,1%).

**Отраслевая структура добавленной стоимости в промышленности
по регионам ЦФО в 2016 г., %**

Table 4. Industry structure of added value in the industry on regions of the CFD
in 2016, %

Регион	Виды экономической деятельности			
	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Всего промышленность
Белгородская область	21,8	23,1	3,3	48,2
Брянская область	0,1	21,7	4,8	26,6
Владимирская область	0,3	34,3	5,7	40,3
Воронежская область	0,4	20	4,7	25,1
Ивановская область	0,3	20,7	9,4	30,4
Калужская область	0,4	27,8	3,8	32
Костромская область	0,1	21,3	10,1	31,5
Курская область	18	11,9	17,9	47,8
Липецкая область	0,6	55,4	2,8	58,8
Московская область	0,2	25,2	6	31,4
Орловская область	0,1	23,7	5,3	29,1
Рязанская область	0,4	23,1	6	29,5
Смоленская область	0,5	22,3	9,1	31,9
Тамбовская область	0	14,9	5,3	20,2
Тверская область	0,1	22	7,3	29,4
Тульская область	0,3	36,6	4,3	41,2
Ярославская область	0,1	32,1	4,7	36,9
г. Москва	0	12,1	2,9	15
ЦФО	0,8	17,1	3,9	21,8
Российская Федерация	12,8	18,5	3,8	35,1

Составлено с использованием данных Федеральной службы государственной статистики.
URL: www.gks.ru.

В табл. 5 приведен фрагмент воспроизводственной структуры производства по отраслям для в РФ в целом в 2007 и 2016 гг.

Судя по данным табл. 5, воспроизводственная структура производства по видам экономической деятельности в РФ за рассматриваемый период изменилась незначительно, изменения произошли в промежуточном потреблении. «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное

Воспроизводственная структура производства по видам экономической деятельности в РФ в 2007, 2016 гг., %
 Table 5. Reproduction structure of production by types of economic activity in the Russian Federation in 2007, 2016, %

Производство по видам экономической деятельности	Ресурсы		Использование			
	Выпуск в основных ценах		Промежуточное потребление		Валовая добавленная стоимость	
	2007	2016	2007	2016	2007	2016
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,9	4,3	3,6	4,1	4,2	4,4
Рыболовство и рыбоводство	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	0,3
Добыча полезных ископаемых	7,3	7,3	4,7	5,1	10,1	9,4
Обрабатывающие производства	28,6	25,2	39,3	37,0	17,6	13,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,5	5,2	6,0	7,4	3,0	3,1
Строительство	6,8	6,6	7,9	7,1	5,7	6,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	15,8	13,6	11,6	11,1	20,2	16,0
Гостиницы и рестораны	0,9	0,9	0,9	1,0	1	0,8
Транспорт и связь	8,8	8,4	8,0	8,9	9,6	7,8
Финансовая деятельность	3,0	3,2	1,6	1,8	4,4	4,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8,4	12,5	6,0	7,7	10,9	17,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	5,2	5,9	5,3	3,8	5,1	7,9
Образование	1,9	1,7	1,2	0,7	2,7	2,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,7	3,2	2,1	2,5	3,3	3,8
Предоставление прочих коммунальных и персональных услуг	1,6	0,2	1,4	1,3	1,8	1,7
Деятельность домашних хозяйств	—	0,3	—	0,0	—	0,6
Итого	100	100	100	100	100	100

Составлено с использованием данных Федеральной службы государственной статистики.
 URL: www.gks.ru.

обеспечение» — для этого структурного подразделения показатель в 2016 г. увеличился в 1,4 раза относительно 2007 г.

Еще одним важным структурообразующим классификационным признаком для региональной экономики является размер действующих в регионе предприятий. Размерная структура определяется размером предприятий, расположенных на территории региона. В табл. 6 приведена размерная структура экономики рассматриваемого региона и страны в целом в 2001 и 2016 гг.

По данным табл. 6 можно заметить в Российской Федерации существенное увеличение числа малых предприятий — более чем в 3 раза в 2016 г. относительно 2001 г., это, по нашему мнению, положительное явление, так как свидетельствует о росте предпринимательской активности и способствует повышению гибкости регионального и национального рынка. Однако в Курской области мы можем отметить резкое сокращение количества малых предприятий в 2016 г. относительно 2001 г. По нашему мнению, это негативная тенденция, которая свидетельствует о том, что, несмотря на различные государственные меры поддержки, руководители малых предприятий все же испытывают трудности в развитии своего бизнеса. Распределение предприятий и организаций по видам экономической деятельности в РФ и Курской области представлено в табл. 7.

Таблица 6

Размерная структура экономики в динамике по количеству предприятий и организаций в Российской Федерации и Курской области, шт.

Table 6. Dimensional structure of economy in dynamics by the number of the enterprises and organizations in the Russian Federation and Kursk region, pcs

Размер предприятий и организаций	Российская Федерация		Курская область	
	2001 г.	2016 г.	2001 г.	2016 г.
Крупные и средние	2 750 837	2 542 483	18 148	12 467
Малые	843 000	2 222 000	2800	11 000
Всего	3 593 837	4 764 483	20 948	23 467

Составлено с использованием данных Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru.

Таблица 7

Распределение предприятий и организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации и Курской области, шт.

Table 7. Distribution of the enterprises and organizations for types of economic activity in the Russian Federation and Kursk region, pcs.

Виды экономической деятельности	Российская Федерация		Курская область	
	2007 г.	2016 г.	2007 г.	2016 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	261 487	133 140	2480	977
Рыболовство, рыбоводство	7832	8187	42	48
Добыча полезных ископаемых	14 806	18 187	19	39
Обрабатывающие производства	409 742	387 137	1817	1892
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	21 840	31 846	228	295
Строительство	351 751	497 836	1509	2213

Виды экономической деятельности	Российская Федерация		Курская область	
	2007 г.	2016 г.	2007 г.	2016 г.
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1 724 292	1 585 030	6164	6469
Гостиницы и рестораны	80 928	107 260	268	393
Транспорт и связь	193 474	325 268	871	1385
Финансовая деятельность	94 213	92 387	391	366
Операции с недвижимым имуществом, аренды и предоставление услуг	658 983	961 278	2352	3855
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	100 455	96317	1160	1109
Образование	167 525	141 726	1565	1235
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	73 263	85 893	1013	670
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	338 105	291 077	4481	2517

Составлено с использованием данных Федеральной службы государственной статистики.
URL: www.gks.ru

Анализируя табл. 7, можно сказать, что значительные изменения в распределении предприятий и организаций в РФ произошли по следующим видам экономической деятельности: число предприятий по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» в 2016 г. сократилось почти в 2 раза относительно 2007 г., количество предприятий по виду экономической деятельности «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» в 2016 г. относительно 2007 г. сократилось в 1,2 раза. Однако мы также можем заметить увеличение численности предприятий в 1,2 раза по виду экономической деятельности «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» в РФ в 2016 г. относительно 2007 г.

В Курской области предприятия и организации по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» за рассматриваемый период сократились численно в 2,5 раза. Также произошло значительное сокращение количества предприятий и организаций в 2016 г. относительно 2007 г. по следующим видам экономической деятельности: «Здравоохранение и предоставление социальных услуг»; «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг»; «Образование». Значительное увеличение числа предприятий и организаций в Курской области в 2016 г. относительно базового года произошло по следующим видам экономической деятельности: «Строительство»; «Транспорт и связь»; «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг». Распределение объема отгруженной продукции предприятиями по формам собственности представлено в табл. 8.

**Распределение объема отгруженной продукции предприятиями
по формам собственности, %**

Table 8. Distribution of volume of the shipped products by the enterprises
for forms of ownership, %

Вид экономической и форма собственности	Российская Федерация		Курская область	
	2007 г.	2016 г.	2007 г.	2016 г.
Добыча полезных ископаемых				
Частная собственность	80,1	69,4	80,0	100
Смешанная российская собственность	5,2	12	—	—
Совместная российская и иностранная собственность	7,9	18,5	—	0,0
Государственная собственность	5,9	0,1	20,0	0,0
Обрабатывающие производства				
Частная собственность	79,8	56,5	71,3	95,0
Смешанная российская собственность	5,6	15,7	9,3	2,7
Совместная российская и иностранная собственность	3,5	24,2	2,7	1,8
Государственная собственность	8,2	3,5	11,7	0,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды				
Частная собственность	42,7	44,3	38,1	5,0
Смешанная российская собственность	11,1	28,7	9,2	79,8
Совместная российская и иностранная собственность	3,3	12,4	1,5	10,2
Государственная собственность	11,6	6,4	10,6	1,3

Составлено с использованием данных Федеральной службы государственной статистики.
URL: www.gks.ru

Данные табл. 8 свидетельствуют о более высоком удельном весе частной формы собственности в промышленности РФ в 2007 г.: в добыче полезных ископаемых (80,1%), в обрабатывающих производствах (79,8%), в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (42,7%). Что касается Курской области, то мы можем заметить существенное увеличение удельного веса частной формы собственности в промышленности в добыче полезных ископаемых в 2016 г. относительно 2007 г. (100% — частные предприятия), в обрабатывающих производствах (95%). В табл. 9 приведена обобщенная структура собственности в 2007 и 2016 гг.

Анализируя динамику числа предприятий и организаций по формам собственности, можно отметить, что число предприятий и организаций государственной формы собственности сократилось как в целом по РФ на 27%, так и в Курской области на 43% в 2016 г. относительно 2007 г. За рассматриваемый период количество предприятий и организаций частной формы собственности увеличилось и РФ, и в Курской области. Произошло сокращение количества предприятий и организаций муниципальной формы собственности в РФ на 23% в 2016 г. относительно 2007 г. Что касается Курской области, то количество предприятий и организаций муниципальной формы собственности за рассматриваемый нами период тоже существенно сократилось — на 31,34%.

Распределение предприятий и организаций по форме собственности
Table 9. Distribution of the enterprises and organizations for form of ownership

Форма собственности	Российская Федерация		Курская область	
	2007 г.	2016 г.	2007 г.	2016 г.
Государственная	149 285	108 001	1824	1027
Частная	3 638 823	4 122 214	14 483	17 567
Муниципальная	264 317	203 043	4094	2811

Составлено с использованием данных Федеральной службы государственной статистики.
URL: www.gks.ru

Анализ и обсуждение результатов исследования

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что структура экономики региона может быть смоделирована различными видами структур, и с течением времени каждая из них меняется, меняя пропорции и определяя тенденции в развитии региона. При этом изменения разных структур происходят зачастую разнонаправленно, как внутри региона, так и в регионе на фоне его макроокружения (экономики макрорегиона или страны в целом). Это требует индивидуализации подходов к выстраиванию региональной и структурной государственной политики, с тем, чтобы учесть присущую региональным структурам специфику.

Еще одна сложность в регулировании регионального развития, с позиций применяемого нами структурного подхода, состоит в том, что структура экономики региона постоянно подвержена трансформациям (их анализу посвящен ряд публикаций [6–8 и др.]). При этом некоторые из изменений носят прогрессивный, а некоторые — регрессивный характер [8]. Это требует гибкости регулирования и постоянного мониторинга социально-экономических процессов в регионе.

Сегодня приоритетной задачей для Российской Федерации является обеспечение эффективного социально-экономического и устойчивого развития регионов, на основе проведения адекватной структурной политики. Основной целью проведения структурной политики является формирование рациональной и сбалансированной структуры экономики, способной обеспечить эффективное развитие экономики региона. В связи с этим становится необходимым дальнейшее изучение региональной структуры, закономерностей и тенденций ее трансформации, а также методов ее прогрессивного изменения.

Литература

1. Абалкин Л. И. Диалектика социалистической экономики. М. : Мысль, 1981.
2. Азраилян А. Н. Новый экономический словарь. М. : Институт новой экономики, 2009.
3. Аюшеева О. А. Особенности формирования экономических структур регионов // Вестник ИрГТУ. 2012. № 3(62). С. 123–127.
4. Бухсаев Ш. М. Управление секторальной структурой региональных хозяйственных комплексов // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 8. С. 16–21.
5. Быкова В. П., Дембовская О. А., Лебедько Е. Экономическая безопасность регионов и преодоление угроз в современных условиях. Брянск : БГИТА, 2014.
6. Вертакова Ю. В., Рисин И. Е., Трусова Н. С. Региональная социально-экономическая политика. М. : КНОРУС, 2018.
7. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Плотников В. А. Механизм структуризации социально-экономического пространства региона: кластерный подход. М. : РУСАЙНС, 2017.

8. *Вертакова Ю. В., Плотников В. А., Положенцева Ю. С.* [и др.] Инструментарий анализа и прогнозирования структурных параметров региональной экономики. Курск : ЮЗГУ, 2018.
9. *Герасимов Б. И., Дьякова О. В.* Экономический анализ региональной поляризации. Тамбов : ТГТУ, 2003.
10. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М. : ГУ ВШЭ, 2006. 221 с.
11. *Дибирдеев В. И.* К вопросу о понятии «регион» // Вопросы статистики. 2001. № 6. С. 30–32.
12. *Клейнер. Г., Петросян Д., Беченов А.* Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 25–41.
13. *Красильников О. Ю.* Структурные сдвиги в экономике. Саратов : СГУ, 2001.
14. *Кузьбожев Э. Н., Козьева И. А., Клевцова М. Г.* Экономическая география и регионалистика (история, методы, состояние и перспективы размещения производительных сил). М. : Юрайт, 2017.
15. *Майергойз И. М., Бандман М. К.* Территориальная структура хозяйства. Новосибирск : Наука, 1986.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. М. : Госполитиздат, 1960.
17. *Невейкина Н. В.* Внутренняя структура региона как системы // Российское предпринимательство. 2014. № 11. С. 22–27.
18. *Петров А. Ю.* Природа и экономическое значение социальной инфраструктуры в системе общественно национального производства. Н. Новгород : ВГИПА, 2014.
19. *Растяпина О. А., Мерзлякина Г. С.* Формирование корпоративной региональной структуры как основа развития региона // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2010. № 2. С. 177–182.
20. *Резник С. Д., Мебадури З. А., Духанина Е. В.* Введение в экономику. М. : ИНФРА-М, 2017.
21. *Топоров В. Н.* Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3–12.
22. *Ускова Т. В.* Управление устойчивым развитием региона. Вологда : Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2014.
23. *Федулов С. П.* Социальная инфраструктура современного российского города // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 122–125.
24. *Фиापшев А. Б., Созаева Т. Х., Кайгермазова А. Ю.* Роль территориально-отраслевых пропорций в модернизации и обеспечении устойчивого развития национальной экономики // Региональная экономика : теория и практика. 2010. № 6. С. 2–8.
25. *Харченко Е. В.* Концепция управления региональным хозяйственным комплексом: структурно-динамический подход : дис. ... д-ра экон. наук. Курск, 2012.
26. *Шарипов А. Ю.* Социальная инфраструктура в концепции ускорения. Новосибирск : НГУ, 2017.
27. *Шаталин С. С.* Тенденции и перспективы развития социальной инфраструктуры. М. : Наука, 1989.
28. *Эшби У. Р.* Введение в кибернетику. М. : Издательство иностранной литературы, 1959.
29. *Юрьева Т. В.* Социальная рыночная экономика. М. : Русская деловая литература, 1999.
30. *Ясин Е., Алексащенко С., Гавриленков Е., Дворкович А.* Реализация либеральной стратегии при существующих экономических ограничениях // Вопросы экономики. 2000. № 7. С. 4–20.
31. *Barro R., Sala-i-Martin X.* Economic Growth. Cambridge, MA : MIT Press, 1995.
32. *Brakman S., Garretsen H., Marrewijk C.* The new introduction to geographical economics. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
33. *Dicken P., Lloyd P.* Location in Space. New York : Harper & Row, 1980.
34. *Hoover E. M.* The Location of Economic Activity. New York : McGraw-Hill, 1948.
35. *Krugman P.* On the relationship between trade theory and location theory. Review of International Economics, 1993. Vol. 12. P. 110–122.
36. *Martin P., Ottaviano J.* Growth and agglomeration. London : Centre for Economic Policy Research, 1996.
37. *Nijkamp P., Mills E.* The Handbook of Regional and Urban Economics. Amsterdam : North-Holland, 1986.
38. *Porter M.* The Competitive Advantage of Nation. Basingstoke : Macmillan, 1990.
39. *Romer P. M.* The origins of endogenous growth. Journal of Economic Perspectives, 1994. Vol. 8. P. 3–22.
40. *Rutten R., Boekema F.* The Learning Region. Cheltenham : Edward Elgar, 2007.

Об авторах:

Вертакова Юлия Владимировна, заведующий кафедрой региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета (Курск, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; vertakova7@ya.ru

Прокопенко Оксана Сергеевна, младший научный сотрудник Юго-Западного государственного университета (Курск, Российская Федерация); reandm@rambler.ru

References

1. Abalkin L. I. Dialectics of socialist economy. M. : Thought, 1981. 153 p. (In rus)
2. Azrailyan A. N. New economic dictionary. M. : Institute of new economy, 2009. 1088 p. (In rus)
3. Ausheeva O. A. Features of formation of economic structures of regions // Messenger of IRSTU [Vestnik IrGTU]. 2012. N 3(62). P. 123–127. (In rus)
4. Bukhsaev Sh. M. Management of regional economic complexes of sectoral structure // Social and economic phenomenon and processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy]. 2016. N 8. P. 16–21. (In rus)
5. Bykovo Accusative, Dembovskaya O. A., Lebedko E. Economic security of regions and overcoming threats in modern conditions. Bryansk: BSITA, 2014. 248 p. (In rus)
6. Vertakova Yu. V., Risin I. E., Trusova N. S. Regional social and economic policy. M. : KNORUS, 2018. 276 p. (In rus)
7. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Polozhentsev Yu. S., Plotnikov V. A. Mechanism of structurization of social and economic space of the region: cluster approach. M. : RUSCIENCE, 2017. 294 p. (In rus)
8. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A., Polozhentsev Yu. S. [etc.] Tools of the analysis and forecasting of structural parameters of regional economy. Kursk: SWSU, 2018. 359 p. (In rus)
9. Gerasimov B. I., Dyakova O. V. Economic analysis of regional polarization. Tambov: TSTU, 2003. 116 p. (In rus)
10. Granberg A. G. Fundamentals of regional economy. M. : HSE, 2006. 221 p. (In rus)
11. Dibirdeev V. I. To a question of the concept "region" // Statistics Questions [Voprosy statistiki]. 2001. N 6. P. 30–32. (In rus)
12. Kleynner G., Petrosyan D., Bechenov A. Once again about a role of the state and public sector in economy // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2004. N 4. P. 25–41. (In rus)
13. Krasilnikov O. Yu. Structural shifts in economy. Saratov: SSU, 2001. 120 p. (In rus)
14. Kuzbozhev E. N., Kozyeva I. A., Klevtsova M. G. Economic geography and regionalistics (history, methods, state and prospects of placement of productive forces). M. : Urait, 2017. 537 p. (In rus)
15. Mayergoz I. M., Bandman M. K. Territorial structure of economy. Novosibirsk: Science, 1986. 303 p. (In rus)
16. Marx K., Engels F. Collected works. M. : Gospolitizdat, 1960. 907 p. (In rus)
17. Neveykina N. V. Internal structure of the region as system // Russian business [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]. 2014. N 11. P. 22–27. (In rus)
18. Petrov A. Yu. The nature and economic value of social infrastructure in the system of socially national production. N. Novgorod: VSEPU, 2014. 147 p. (In rus)
19. Rastyapina O. A., Merzlikina G. S. Formation of corporate regional structure as basis of development of the region // Bulletin of the Astrakhan State Technical University [Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta]. 2010. N 2. P. 177–182. (In rus)
20. Reznik S. D., Mebaduri Z. A., Dukhanina E. V. Introduction to economy. M. : INFRA-M, 2017. 224 p. (In rus)
21. Toporov V. N. From the field of theoretical toponomastics // linguistics Questions [Voprosy yazykoznaniya]. 1962. N 6. P. 3–12. (In rus)
22. Uskova T. V. Management of sustainable development of the region. Vologda: Institute of social and economic development of territories of RAS, 2014. 355 p. (In rus)
23. Fedulov S. P. Social infrastructure of the modern Russian city // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2016. N 4. P. 122–125. (In rus)
24. Fiapshhev A. B., Sozaeva T. H., Kaygermazova A. Yu. A role of territorial and branch proportions in modernization and ensuring sustainable development of national economy // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika : teoriya i praktika]. 2010. N 6. P. 2–8. (In rus)
25. Harchenko E. V. Concept of management of a regional economic complex: structural and dynamic approach: doctoral dissertation. Kursk, 2012. (In rus)

26. Sharipov A.Yu. Social infrastructure in the concept of acceleration. Novosibirsk: NSU, 2017. 112 p. (In rus)
27. Shatalin S. S. Trends and prospects of development of social infrastructure. M. : Science, 1989. 209 p. (In rus)
28. Ashbi W.R. An Introduction to cybernetics. M. : Publishing house of foreign literature, 1959. 432 p. (In rus)
29. Yuryeva T.V. Social market economy. M. : Russian business literature, 1999. 208 p. (In rus)
30. Yasin E., Aleksashenko S., Gavrilentov E., Dvorkovich A. Realization of the liberal strategy at the existing economic restrictions // Questions of economy [Voprosy ekonomiki]. 2000. N 7. P. 4–20. (In rus)
31. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth. Cambridge, MA : MIT Press, 1995.
32. Brakman S., Garretsen H., Marrewijk C. The new introduction to geographical economics. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
33. Dicken P., Lloyd P. Location in Space. New York : Harper & Row, 1980.
34. Hoover E.M. The Location of Economic Activity. New York : McGraw-Hill, 1948.
35. Krugman. P. On the relationship between trade theory and location theory. Review of International Economics, 1993. Vol. 12. P. 110–122.
36. Martin P., Ottaviano J. Growth and agglomeration. London : Centre for Economic Policy Research, 1996.
37. Nijkamp P., Mills E. The Handbook of Regional and Urban Economics. Amsterdam : North-Holland, 1986.
38. Porter M. The Competitive Advantage of Nation. Basingstoke : Macmillan, 1990.
39. Romer P.M. The origins of endogenous growth. Journal of Economic Perspectives, 1994. Vol. 8. P. 3–22.
40. Rutten R., Boekema F. The Learning Region. Cheltenham : Edward Elgar, 2007.

About the authors:

Yulia V. Vertakova, Head of the Chair of Regional Economy and Management of the Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; vertakova7@ya.ru

Oksana S. Prokopenko, Junior Researcher of the Southwest State University (Kursk, Russian Federation); reandm@rambler.ru

Парадоксы и противоречия теории принятия решений

*Рахаев Х. М., Тогузаев Т. Х. *, Гятов А. В.*

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет, Нальчик, Российская Федерация; *tahir07@mail.ru

РЕФЕРАТ

Прогресс в информатике, компьютерных технологиях, искусственном интеллекте, когнитивных науках в последнее время стимулировал растущий интерес к одной из центральных проблем управления и менеджмента — принятию решений. Осознается, что в условиях «динамично развивающегося мира» необходимы новые концептуальные положения в понимании природы выработки и принятия решений, учитывающие достижения современных наук и практики в различных отраслях жизни. Все это требует расширения и переформатирования существующей теоретико-методологической базы теории принятия решений за счет включения в ее контекст базовых положений современных когнитивных наук, системного анализа. Настоящее исследование использует нормативный и дескриптивный подходы. Результатом исследования является: уточнение понятия «управленческое решение», в контексте когнитивного подхода, которое рассматривается как вид объективного знания, выражающего сущностные признаки (принципы) функционирования управляемой системы. Предложено доказательство появления «плохого результата» при «гениальном решении» и «хорошего результата» при «тривиальном решении», которое связано с реализацией решения. Реализация решения рассматривается как установление последовательности микрорешений, которое менеджером ведется на основании критериев не только утилитарного и аксиологического характера, но и других факторов. Последовательность микрорешений в проекте реализации решения может оказаться детерминированной и случайной. Уточнено место и роль случайного в выработке и проектировании решений.

Ключевые слова: управленческие решения, объективное знание, последовательность микрорешений, проектирование и сборка, детерминированная последовательность, случайность

Paradoxes and Contradictions of the Theory of Decision-Making

Hadis M. Rakhaev, Takhir H. Toguzayev, Anzor V. Gyatov*

Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russian Federation; *tahir07@mail.ru

ABSTRACT

Progress in informatics, computer technologies, artificial intelligence, cognitive sciences stimulated the growing interest in one of the central problems of management and management recently — to decision-making. It is realized that in the conditions of “dynamically developing world”, the new conceptual provisions in understanding of the nature of development and decision-making considering achievements of modern sciences and practice in various industries of life are necessary. All this demands expansion and reformatting of the existing teoretiko-methodological base of the theory of decisions due to inclusion in its context of basic provisions of modern cognitive sciences, the system analysis. The real research uses standard and descriptive approaches. Is result of a research: specification of the concept “management decision”, in the context of cognitive approach which is considered as a type of the objective knowledge expressing intrinsic signs (principles) of functioning of the operated system. The proof emergence of “bad result” is offered at “the brilliant decision” and “good result” at “the trivial decision” which is connected with implementation of the decision. Implementation of the decision is considered as establishment of the sequence of micro-decisions which is conducted by the manager on the basis of criteria not only utilitarian and axiological character, but also other. The sequence of microdecisions in the project of implementation of the decision can be determined and accidental. The place and a role accidental in development and design of decisions is specified. Article can be useful to all who deals with issues of the theory and methodology of management.

Введение

Несмотря на значимость и частотность решений, на сегодня однозначного ответа на то, что собою представляет решение, какова его природа нет. Есть множество предложений, в которых предлагается то или иное понимание этого феномена. Впрочем, главное — сформирована целостная научная концепция — теории принятия решений, которая изложена в большом количестве работ научного и популярного характера [2; 5; 7; 8; 11; 14; 15]. Многие вопросы теории, методологии и практики принятия решений получили обстоятельное исследование зарубежными и отечественными специалистами в различных отраслях науки и практики. В то же время остается достаточно большое (и, главное, растущее) число вопросов, связанных, главным образом, с содержательной стороной принятия решений менеджерами, которые невозможно (или же сложно) разрешить в контексте существующего мейнстрима. В частности, почему одно и то же решение не может оказаться у двух менеджеров в одно и то же время; почему различные менеджеры (не связанные между собой) предлагают разные решения по одной и той же проблеме; почему последовательность одних и тех же микрорешений в одном решении оказывается разной у разных менеджеров и в разной ситуации и т. д. Полагаем, в этой связи, что перспективным направлением является формирующийся новый подход на базе когнитивных, компьютерных наук, искусственного интеллекта [3; 4; 10; 17; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. Речь в данном случае идет о принятии базового положения когнитивного подхода — человек имеет дело со знаниями и его структурами, которые выступают в виде фреймов, скриптов, ситуаций и т. д., а не с разрозненными элементами информации (в виде битов и т. п.). Стало быть, его мозг воспринимает и обрабатывает структуру знаний, а не разрозненные элементы информации. Отсюда следует, что принимающие решение лица (менеджеры и т. п.) обладают определенным набором структур знаний тех или иных ситуаций и логики их развития. Встречаясь с новой ситуацией, менеджер, по сути, должен всего лишь ассимилировать ее в имеющиеся структуры знания (фреймы, скрипты, ситуации и проч.).

Другая особенность существующего подхода к проблеме решений состоит в том, что все в этом процессе детерминировано: от выявления проблемы, сбора информации до выбора альтернатив. В нем нет места случайности, а если есть, то ее маргинализируют. В предлагаемом нами подходе случайность выступает основополагающим признаком «выработки» («выемки», «получения») решения. С нее начинается процесс «принятия» решения. Она же сопровождает «принятие» и «проектирование» решения. Впрочем, она не подменяет собой и «закономерное». Говоря проще, менеджеры всякий раз «случайно вытаскивают» решения из своеобразного «ящика», где находятся управленческие решения. (Доступ к «ящику решений» определяется способностями, навыками, знаниями и опытом менеджеров.) Затем наступает этап проектирования, который представляет собой своеобразный процесс сборки решения. В последнем случайное «соседствует» с закономерным. Менеджеры и специалисты проектируют решения путем последовательного присоединения одних микрорешений к другим. Здесь наблюдается интересное свойство самосборки или самоорганизации решений, проявляющееся в том, что последовательность решений — следование одного после другого — определяется самими решениями. Имеет место двоякий процесс. С одной стороны, микрорешения детерминируют друг друга; последующее, как правило, определяется (детерминируется) предыдущим (как в случае с марковскими процессами) или предыдущими (с немарковскими про-

цессами). С другой стороны, наблюдается появление случайного решения. Последовательность микрорешений, по крайней мере, на отдельных отрезках, не детерминируется, т. е. последующее не детерминируется предыдущим, но детерминирует последующее. Появление случайного в создании последовательности решения часто связывают с появлением своеобразной точки бифуркации на траектории проектирования микрорешений. Случайности как бы «берут в свои руки» дело проектирования решений, которое происходит уже по старому алгоритму: последующее детерминируется предыдущим и предыдущими. Когда мы имеем перед собой целостную последовательность решения, то можно «задним числом» определить также и точки бифуркации и то, где случайность взяла на себя ответственность в проектировании решения. До этого, по-видимому, сделать это будет сложно. Конечно, если бы мы знали количество микрорешений, которое входит в проектирование решения, тогда, используя различные методы (например, метод Монте-Карло), можно было бы определить появление случайных событий и, соответственно, их влияние на траекторию решения, используя индекс генерации случайной величины. По-видимому, такую информацию можно было бы получить, изучая решения, которые принимали исторические личности.

Таким образом, целью настоящего исследования является уточнение отдельных положений теории и методологии принятия решений, позволяющее объяснять существующие парадоксы и противоречия в практике принятия и реализации решений. В соответствии с целью формулируются следующие задачи: а) выявить наиболее значимые недостатки в существующей теории и методологии принятия решений; б) выдвинуть положения, формируемые когнитивными, компьютерными науками, а также науками в области искусственного интеллекта, позволяющие объяснять природу и характер принятия решений; в) объяснить парадокс несоответствия (отклонения) принятого решения и результата.

Теоретико-методологические положения

Теоретико-методологическую базу исследования составляют фундаментальные положения теории систем, управления и менеджмента, изложенные в работах классиков и признанные каноническими. Данные положения дополняются теоретическими и методологическими положениями когнитивных, компьютерных наук. С учетом указанной теоретико-методологической базы, в работе введено несколько положений, на которых строится вся доказательная база.

Первое — управленческое решение — особый вид объективного знания (аналогичный математическим, физическим и проч. знаниям), который выражает принципы функционирования управляемой системы. Второе — менеджеры (как и выдающиеся полководцы, государственные деятели и т. п.) не разрабатывают в традиционном понимании решения, а «изымают» («получают») их из некоего континуума решений с помощью определенных структур знаний (фреймов, скрипов и проч.). Третье — изъяв решение (принципы функционирования управляемой системы) из континуума, менеджер осуществляет его реализацию или проектирование, которое заключается в формировании последовательности микрорешений. В результате образуется траектория принятия решения, как устойчивая последовательность микрорешений, которые связаны с той или иной задачей. Микрорешения детерминируются, т. е. последующие вытекают из предыдущих, одно следует за другим. Четвертое — на той же траектории действуют также и случайности, т. е. появление нового микрорешения на том или ином месте не вытекает из сложившейся последовательности, но при этом это случайное детерминирует последующие. Случайности создают на траектории решений флуктуации. Проблема флуктуаций имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Ее разрешение носит аксиологический характер, а потому

возможно за счет использования сильной и слабой аксиом предпочтения. Правда, интерпретировать их следует в контексте квантовой теории. Предлагается путем квантового формализма решить некоторые парадоксы, которые встречаются при принятии решений, а использование квантовой интерпретации результатов позволяет избежать тривиальностей.

Эмпирическая база и методы исследования

Фактологическую базу настоящего исследования составили научные статьи и трактаты (монографии), а также исторические повествования, мемуары исторических и политических деятелей, а также GEO компаний. Отдельный блок исходных данных представляют обследования решений, которые предпринимали директора средних и крупных предприятий в СССР (в качестве объекта выступили промышленные, сельскохозяйственные предприятия РСФСР, Украины, Киргизии общей численностью свыше 30 единиц) и GEO в России.

Имеющаяся эмпирическая (фактологическая) база, цели и задачи определили предпочтение нормативному и дескриптивному методам, которые были включены в контекст системного.

Результаты и обсуждения

С середины 1980-х и по настоящее время авторами проводились опросы вначале директоров советских предприятий, а затем менеджеров средних и крупных отечественных компаний, собственников кооперативов различных отраслей. Кроме того, обобщались и анализировались опросы других исследователей, а также мемуарная литература, в которой «красные директора», руководители министерств и ведомств, председатели правительств, а также GEO описывают свой опыт управления народным хозяйством, отраслями, предприятиями. Одним из базовых вопросов, который задавался и который анализировался в литературе, явился вопрос: как вы принимали решение (решения) в особо значимой ситуации? Ответ большинства опрошенных состоял в неопределенности. Но главное, все они отвергали традиционный путь, который предлагается в учебниках по принятию решений. Все они заявляли, что решение приходило как бы «свыше», «само собой», в виде некоего «озарения». Причем приходило «сразу цельным». Лишь после, когда наступало время «обоснования», в ход пускалась та самая процедура принятия решений, которая описывается в большинстве учебников. Но само решение приходило задолго до этого и в ином виде, чем затем представало в «отчетах о проделанной работе».

Подтверждение упомянутого порядка мы находим в мемуарах и «исторических записках» выдающихся полководцев древности и современности, а также государственных и общественных деятелей, в вопросах «принятия» ими так называемых «судьбоносных» решений. Общий вывод: решение не разрабатывается, оно дается. Это так называемый эмпирический вывод, который основывается на обобщении практики. Попытаемся объяснить его.

Согласно существующим взглядам [7; 11], процесс принятия (и исполнения) решений — сложный творческий процесс, содержащий анализ ситуации, оценку вариантов и т. д., «творческое, волевое действие субъекта управления, которое основывается на знании объективных законов в сфере функционирования управляемой системы и анализе информации об ее функционировании» [15]. Центральной фигурой в этом процессе выступает менеджер, который осуществляет анализ проблемы, сбор информации, ее анализ, выработку вариантов решений, выбор альтернатив, верификацию и т. д. Иными словами, менеджеры всякий раз разрабатывают (= изобретают) новые решения. Алгоритм и др. процедурные и непроцедурные вопросы

принятия решений в контексте данного положения достаточно полно и адекватно изложены в современной научной и учебной литературе [7; 8; 11; 15; 18], что избавляет нас от повторений. Однако практика показывает, что часто изложенные в учебных пособиях положения «не стыкуются». Наблюдаются отклонения от признанных норм. На практике эти несоответствия разрешаются путем разного рода добавлений и уточнений в существующую процедуру. В результате, как нам представляется, образуется ситуация, которую можно охарактеризовать как своеобразные «поправки к Конституции», характерные для всякого нормативного института. Когда поправок немного (единица или единицы), тогда ситуация не носит драматического характера, т. е. общество живет по Конституции, а не по поправкам. Но когда количество поправок растет и превышает количество статей Конституции, тогда наступает очередь замены Конституции. Мы не можем утверждать, что теория и практика принятия решений в настоящее время испытывают аналогичное состояние, но если не провести концептуальные изменения в данном вопросе, тогда ситуация рано или поздно окажется такой, как описано выше.

Примем отличное от традиционного¹ новое базовое положение: управленческое решение представляет собой объективное знание, выражающее принципы функционирования управляемой системы. Это знание, как всякое другое объективное знание (математическое, физическое и проч.), во-первых, не зависит от тех, кто им пользуется (менеджеров), во-вторых, находится в «особом мире» (как у Платона, Поппера, Дильтея и др.), в-третьих, занимает в нем особый (специальный) таксон, называемый нами континуум управленческих решений, в-четвертых, предстает в виде определенных структур знания (фреймов, скриптов и проч.) [19].

Таким образом, для нас решения не разрабатываются/вырабатываются подобно тому как это описывается в методических указаниях, например, по повышению уровня оплаты труда на предприятии, а существуют изначально в виде объективных знаний, «отражающих» принципы функционирования управляемой системы. Это знание независимо от того, знает о нем менеджер или не знает. Оно объективно.

Но в этой связи возникает вопрос — как менеджер «получает» решение? В традиционном варианте менеджер разрабатывает решение, и оно ему принадлежит на праве того, что он затратил на него свою физическую и психическую энергию или, выражаясь современным языком, на праве интеллектуальной собственности. (А для собственника средств производства — потому, что тот затратил деньги на привлечение менеджера.) На сей счет существует достаточно большой объем литературных источников, в котором с позиций классической «теории принятия решений» подробно изложены вопросы «получения» менеджером эффективных решений. Однако практика показывает, что такое если и бывает, т. е. менеджер «вычисляет», «разрабатывает» решение, то крайне редко и то, когда речь идет о чем-то рутинном, реально же менеджер «получает решение». Как он его «получает»? Этот вопрос, как правило, носит индивидуальный характер, на что указывает мемуарная литература и наши опросы. Исходя из этого, он рассматривается в психологии выработки и принятия решений [2; 12; 16; 17]. (Что, кстати, и делается чаще всего авторами методических рекомендаций и указаний² [13]).

¹ Традиционная теория принятия решений исследует знания в субъективном смысле, т. е. в том смысле, что управленческие решения как принципы функционирования управляемой системы есть знания (свод, комплекс, набор и проч.), которые вырабатывают менеджеры. Стало быть, это знания менеджеров. Изучая этот род управленческих решений, исследователи фактически изучают «состояние ума», «диспозиций действовать определенным образом». Например, ала Форд, Рокфеллер, Якокка, Уэлч и др.

² Если же использовать попперовскую классификацию (см. [13]), то менеджерские решения следует поместить в так называемый второй попперовский мир.

Однако такое решение проблемы представляется ошибочным. Новое и, на наш взгляд, корректное решение рассматриваемой проблемы дается в когнитивных науках [3; 10]. Правда, в указанных источниках отсутствует один важный момент. А именно, что решение есть объективное знание, которое не зависит от субъекта. Но здесь возникает вопрос: как менеджеры получают эти объективные знания, выражающие принципы функционирования управляемой системы? Ответ дают когнитивные науки, и заключается он в использовании различных структур знаний (фреймов, скриптов и проч.). С помощью последних менеджеры «достают» из континуума знаний нужное решение сразу и цельно. Конечно, этому способствуют их образование, навыки, опыт, размышление, изучение ситуации, изучение литературы, общение, дискуссии и проч., что объединяется общим форматом — «работа над проблемой». (Феномен человеческого «получения» объективного знания описан в литературе, что избавляет нас от дальнейших описаний этого феномена.) Последнее составляет предмет уже индивидуального или субъективного знания (по Попперу) [13].

Однако получить «гениальное решение» и реализовать его — не одно и то же. Решение становится гениальным только после того, как оно гениально реализовано. Эту особенность описывает вся мемуарная литература; причем в области менеджмента ее не меньше, чем в области военной или государственной. Приведенный вывод подтверждают и наши опросы и обследования. Общий вывод будет таким: недостаточно получить гениальное решение, необходима не менее гениальная реализация его¹. Она достигается тождеством субъективного знания с объективным. На практике это принимает характер проектирования решения.

Традиционный подход, описанный в уже приведенных источниках, предполагает проектирование решения на основании определенных критериев [17]. Речь идет о том, что менеджеры проектируют решения на основании компоновки микрорешений. При этом сами микрорешения «собираются» менеджерами в зависимости от стоящих задач и на основании критериев, которыми руководствуются менеджеры, т.е. проектирование решений — рукотворный процесс, в котором каждое новое микрорешение присоединяется к предыдущему и детерминирует последующее.

Традиционная теория принятия решений утверждает, что менеджеры изначально разрабатывают всю линейку решений, выраженную в бизнес-плане. Иными словами, после того, как определено решение, разрабатывается вся совокупность микрорешений, их следование одного за другим, с результатами на каждом этапе. Все микрорешения и их последовательность подчинены главному (основному) решению. Сформированная последовательность представляет собой как бы развертывание в деталях главного решения. Следовательно, последовательность оказывается, во-первых, детерминированной начальным решением, во-вторых, служит его реализации.

Описанный алгоритм проектирования решений и логичен, и практичен. Но практика не стыкуется с описанным алгоритмом. На практике наблюдаются отклонения от описанного алгоритма. Например, часто два менеджера, имеющие одинаковую школу и даже опыт управления, получают разные проекты одного и того же решения. Поэтому у одного получается, например, конкурентный продукт, а у другого убыточный [6]. Другой пример. На отдельных отрезках траектории решения, соседние микрорешения не детерминируются, т.е. появление нового микрорешения в последовательности не объясняется предыдущим и даже предыдущими. (Кстати, наши обследования показали, что и сами менеджеры не могут дать рационального объяснения тому, почему и как появилось данное микрорешение в данном месте последовательности.) Оно как бы выходит из общего контекста принятия

¹ Можно усилить данный пункт таким образом: «Гениальное решение потому гениально, что имеет гениальную реализацию. Без гениальной реализации гениальное решение превращается в тривиальное».

решений, но лежит в тренде последовательности, т.е. не разрушает траекторию решения. По общему определению оно носит случайный характер. Но при этом вовсе не маргинальный, так как после него траектория решения не разрушается, а может носить еще более устойчивый и эффективный характер. Объяснить эти и им подобные ситуации с помощью описанного выше алгоритма сложно (так как потребует всякий раз вносить «дополнения»), а то и вовсе невозможно. Поэтому предлагается новый подход.

Традиционная теория принятия решений признает наличие случайных решений и случайности в принятии решения, но отводит им ничтожное (маргинальное) значение с точки зрения принятия решений (хотя по влиянию на результат оно может быть весьма значимым. Причем как с положительной, т.е. дохода, так и отрицательной, т.е. убытков, стороны) либо признает ошибочным. Главное — она не считает появление случайного решения закономерным и, стало быть, не признает случайность признаком фундаментального характера.

Проектирование решения есть процесс формирования последовательности микрорешений, приближающих достижение поставленных целей. Процесс проектирования решений начинается с решения, определяющего траекторию реализации. Базовое решение не изобретается (или, используя принятую терминологию, разрабатывается), а изымается менеджерами из континуума решений, представляющего об объективных принципах функционирования управляемой системы, при помощи определенных структур знаний (фреймов, скриптов и т.д.), которыми владеет менеджер. Базовое решение задает тренд в проектировании решения, который представляет собой последовательность микрорешений, принимаемых менеджером для реализации базового решения. Последовательность решений определяется детерминированием предыдущими решениями последующих. Для изучения данного явления рекомендуется использовать «теорию» предпочтений в контексте двух аксиом: слабой и сильной. Будем считать, что отношение предпочтения формализуется выражением: $a > b > c > \dots > z$ (читается как «решение a » предпочитается «решению b », «решению b » — «решению c » и т.д.). Чаще всего и согласно классическому пониманию предпочтения, предпочтение решения формируется определенными критериями, которыми руководствуется менеджер. Считается [5; 9; 17], что формировать рядоположенность решений, например, экономический агент может исходя из: 1) соображения доходности (повышение доходности с каждой сделки); 2) соображения убытка (снижение размера убытка или неполучение убытка на сделке); 3) ряда других критериев, в том числе не только сугубо утилитарных и аксиологических.

В проектировании решения, а также формировании траектории его развития важное место занимают случайные процессы. Они, во-первых, не только корректируют сформировавшуюся траекторию решения, создавая на ней определенные флуктуации, но, во-вторых, могут ее менять за счет образования «сильных трендов». В этой связи следует определить относительно «случайного решения». Отличие случайного решения от детерминированного состоит в том, что оно не обусловлено ни одним из предыдущих решений, но при этом, как и детерминированные, обуславливает последующее. Можно усилить определение «случайного» и «детерминированного» решения. Случайное решение — такое решение, которое не обусловлено ни отдаленным прошлым, ни близким настоящим решением, а существует само по себе, и знаем мы его только потому, что знаем предыдущее, которое не связано с ним и не обуславливает его, и последующее, которое обусловлено им. Случайное решение — не маргинальное решение.

Появление случайного решения на траектории решения связано с образованием точки бифуркации, т.е. такого состояния в принятии (реализации) решения (в проектировании решения), когда проектирование последовательности решений путем

детерминированного механизма оказывается «бессильным»; последовательность «не знает» куда дальше следовать; критерии, которые работали раньше и формировали последовательность микрорешений, оказываются «на распутье», тогда-то и появляется случайность, которая начинает определять дальнейший тренд реализации решения. Поэтому «случайное решение» не маргинально по своему статусу. Его значимость определяется тем, что оно может изменить траекторию решения за счет того, что определяет новый порядок последовательности микрорешений.

В практическом плане значимость выстроенной последовательности определяется, во-первых, скоростью достижения конечного результата, во-вторых, затратностью пути, в-третьих, оригинальностью (неповторимостью) и проч. выгодами экономического и иного характера. Что касается теоретической значимости, то она определяется выявлением механизма проектирования цепочек микрорешений. Используемые в литературе объяснения [1; 11; 18], в которых присутствует явный детерминизм, представляются несколько примитивными. Тем более, что такой подход сталкивается с достаточно большим числом противоречий и парадоксов со стороны практики. Например, если «переписать» последовательность принятых некогда менеджером решений для достижения поставленной цели и попросить его повторить эту последовательность заново, то, оказывается (на что указывают имеющиеся у нас обследования, а также мемуары военачальников, политиков и менеджеров компаний), что «новая последовательность» сильно отличается от «оригинала». Анализируя и обобщая имеющиеся примеры, мы пришли к выводу, что в данном случае имеет место известное в квантовой теории состояние суперпозиции.

Мы исходим из того, что всякий менеджер при проектировании решения имеет «доступ» ко всей совокупности решений, находящихся в континууме решений. Это означает, что он может «вынуть» любое, т.е. в том числе самое лучшее решение из континуума решений. И эта возможность для него существует до тех пор, пока он не сделает окончательного выбора, т.е. не предпочтет одно решение всем остальным. Как только он делает выбор в пользу какого-либо одного решения, так утрачивает возможность выбрать другое. (Кстати, это относится не только к так называемым «хорошим» решениям, но также и к «плохим».) Правда, выбор одного решения перед множеством совершенно не влияет на траекторию решения, так как всякое новое микрорешение будет следовать за другим и оказываться перед третьим. Будет ли ухудшаться результат, зависит не от суперпозиции решений, а от «плохого» или «очень плохого» решения.

Обобщим различия между традиционным и предлагаемым подходами к решениям в табл.

Таблица

Сопоставление традиционного и нового взглядов на базовые положения теории принятия решений*

Table. Comparison of traditional and new views on basic provisions of the theory of decision-making

Базовое положение	Традиционная формулировка	Предлагаемая формулировка
Положение о природе и характере управленческого решения	Управленческие решения выражают способность менеджеров оказывать влияние на поведение управляемой системы. Выработка и принятие решений — творческий процесс, связанный с выявлением менеджером закономерностей	Управленческие решения — вид объективного знания, не зависящего от того, знает об этом менеджер или нет и выражающего принципы функционирования управляемой системы. Менеджеры не вырабатывают управленческие решения, а лишь «выбирают», «получают» их, путем про-

Базовое положение	Традиционная формулировка	Предлагаемая формулировка
	функционирования управляемой системы и направленный на достижение поставленных целей и задач	никновения в континуум решений с помощью различных структур знаний (фреймов, скриптов, ситуаций и проч.) за счет способностей, обучения, навыков
Положение о механизме реализации решения	Реализация решения — комплекс операций, выраженных в формировании последовательности микрорешений, направленных на достижение целей и задач, которые осуществляют менеджеры в соответствии с определенными критериями. В основе реализации решения лежат взгляды и оценки менеджеров, разрабатывающих и принимающих решение	Реализация решения — проект решений, выражающий последовательность микрорешений, формируемых менеджерами на основании определенных критериев и случайности. Для получения «хорошего» результата недостаточно иметь «гениальное решение», необходима не менее «гениальная реализация». Реализация управленческого решения — комплекс действий, направленных на формирование тренда решения, представляющего собой проект решения, содержащий последовательность микрорешений
Положение о случайном решении в принятии и реализации решения	Случайные решения не являются решениями в подлинном смысле слова. Они представляют собой нечто несущественное, маргинальное и ошибочное. Появление «случайного решения» носит случайный характер и чаще всего может быть следствием невнимательности, усталости, недостаточного знания менеджера	Случайное решение — точно такое же решение, как и всякое иное. Его отличие от обычных решений заключается в том, что оно не связано с предыдущими решениями, но при этом может формировать самостоятельный тренд решения, определяя последовательность решений после себя. Природа случайного решения — отсутствие доминирующего закономерного решения. Случайное решение имеет фундаментальный характер и появляется тогда, когда в последовательности решения обрывается точка бифуркации
Положение о верификации случайного в принятии и реализации решения	Поскольку случайное решение воспринимается как ошибка и как маргинальное, то его верификация должна рассматриваться как обратное от положительного решения. Стало быть, к его оценке применима вероятность ошибки, но с точки зрения менеджера. Поэтому степень верификации ненадежна и недостаточна. С точки	Случайные решения являются фундаментальными, т. е. объективными решениями, не зависящими от субъекта, принимающего решение. Их верификация и аппроксимация могут быть получены после того, как окончательно создан проект решения (путем соотнесения всех имеющихся вариантов между собой) или (и) путем оценки генерирования случайной величины в данном контексте. В первом случае можно

Базовое положение	Традиционная формулировка	Предлагаемая формулировка
	зрения практической речи идет о минимизации ошибки; убрать, исключить ее совершенно невозможно, но стремиться к минимизации можно и нужно	использовать марковские цепи, во втором — метод Монте-Карло и др.

*Составлено авторами.

Выводы

Существующий взгляд на управленческие решения (процесс их принятия и исполнения) как на творчество менеджеров, по-видимому, завершен. Всякое новое исследование данного вопроса лишь перебирает предыдущие, приправляя их «обязательной» критикой. Ни в теоретическом, ни в прикладном плане эти исследования, по мнению авторов, не дают ничего нового, кроме указания на кризис в этой области исследования. Что касается познаний природы и характера решений, то, мы полагаем, что возможности традиционного подхода исчерпаны, а перспективы ограничены. Все это говорит об объективной потребности перехода к новой системе воззрений на управленческие решения. С точки зрения теоретико-методологических основ это означает включение в существующий теоретико-методологический континуум достижений когнитивных наук, информатики, компьютерных технологий, искусственного интеллекта.

Анализ ситуаций с «принятием решений» в различных областях человеческой деятельности (от управления бизнесом до военного дела и политики) показал, что если рассматривать управленческие решения как вид объективных знаний о принципах функционирования управляемой системы, которые не зависят от менеджеров и управленцев (политиков, полководцев), то это позволит по-иному рассматривать как сам процесс выработки решений, так и их реализацию. Во-первых, менеджеры не «разрабатывают» решения, а «получают», «изымают» их из континуума решений при помощи различных структур знаний (фреймов, скриптов и проч.), в чем большое значение имеют образование, навыки и проч. интенции субъективного знания менеджеров. «Получают» решения менеджеры случайно, причем целью, хотя при этом и затрачивают психическую энергию на изучение ситуации, поиск проблем и решений, а равно иные операции, связанные с реализацией своего опыта, способностей и образования. Во-вторых, «получить» решение еще не означает, что оно окажется «хорошим» или «плохим». Качество решения определяется его реализацией, т.е. будет решение «хорошее» или «плохое», зависит от его проекта, который представляет собой реализацию решения — формирование последовательности микрорешений. Сам процесс проектирования решения — формирование последовательности микрорешений, который создают определенные критерии, — представляет собой последовательность детерминированных и случайных микрорешений, формирующих определенную траекторию. В этом процессе менеджеры принимают участие наряду с самими решениями, а также случайными процессами. И если «участие менеджеров» в этом процессе определяется механизмом предпочтения, то «участие случайных процессов» — генератором случайных событий.

Предложенные теоретико-методологические положения позволяют, во-первых, исследовать природу управленческого знания в более широком когнитивном контексте, во-вторых, изучить природу, характер и механизмы получения менеджера-

ми этих знаний, в-третьих, изучить реализацию управленческих знаний на практике. Конечно все указанные «достижения» требуют проверяемости базисных положений, которая должна носить неконвенциональный характер.

Литература

1. *Андрейчиков А. В.* Анализ, синтез, планирование решений в экономике. М. : Финансы и статистика, 2001.
2. *Анохин П. К.* Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Избранные труды: кибернетика функциональных систем / под ред. К. Судакова. Сост. В. Макаров. М. : Медицина, 1998.
3. *Величковский Б. М.* От исследований сознания к разработке когнитивных технологий // Субъективный мир в свете вызовов современной когнитивной науки. М. : Аквилон, 2017. С. 37–57.
4. *Канеман Д.* Думай медленно... Решай быстро! М. : АСТ, 2014.
5. *Кини Р. Л.* Принятие решений при многих критериях: предпочтения и замещения / под ред. И. Шахнова. М. : Радио и связь, 1981.
6. *Креймс Дж.* 7 уроков величайших менеджеров, или Что знают GEOs / Пер. с англ. В. Н. Егорова. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004.
7. *Лазарев В. Н.* Управленческие решения. Ульяновск : УлГТУ, 2011.
8. *Литвак Б. Г.* Разработка управленческого решения. М. : Дело, 2004.
9. *Мышкис А. Д.* Лекции по высшей математике. Изд. третье. М. : Наука, 1973.
10. *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. М. : Прогресс, 1981.
11. *Орлов А. И.* Принятие решений. Теория и методы разработки управленческих решений : учеб. пособие. М. : МарТ, 2005.
12. *Пенроуз Р.* Тени разума: в поисках науки о сознании. М., Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2005.
13. *Поппер К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д. Г. Лахути ; отв. ред. В. Н. Садовский. М. : Эдиториал УРСС, 2002.
14. *Розен В. В.* Математические модели принятия решений в экономике. М. : Книжный дом «Университет», Высшая школа, 2002.
15. *Смирнов Э. А.* Разработка управленческих решений: учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
16. *Соколов Е. Н.* Очерки по психофизиологии сознания. М. : Издательство МГУ, 2010.
17. *Солнцева Г. Н.* Принятие решения и решение проблем: соотношение понятий и психологических закономерностей // Мир психологии. 2016. № 4. С. 89–99.
18. *Терелянский П. В.* Теория и методы принятия решений : учеб. пособие / П. В. Терелянский; ВолгГТУ. Волгоград, 2016.
19. *Терехов М. Д.* Философско-методологические аспекты фреймового подхода : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016.
20. *Холодная М. А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2002.
21. *Chalmers D. J.* The Conscious Mind. Oxford University Press. NY, 1996.
22. *Dennett D.* Consciousness Explained, Little. Brown and Co. Boston, 1992.
23. *Kotov A. A.* "A Computational Model of Consciousness for Artificial Emotional Agents" // Psychology in Russia: State of the Art, 2017. Vol. 10 (3). P. 57–73.
24. *Tononi G.* The Integrated Information Theory of Consciousness: An Updated Account // Archives Italiennes de Biologie, 2012. Vol. 150 (2/3). P. 56–90.
25. *Valitutti A., Trautteur G.* "Providing Self-aware Systems with Reflexivity", Lecture Notes in Computer Science, 2017. 10640 LNCS. P. 418–427.

Об авторах:

Рахаев Хадис Магомедович, профессор кафедры управления Кабардино-Балкарского ГАУ, (Нальчик, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; r3bizengin@mail.ru

Тогузаев Тахир Хаятович, профессор кафедры экономики Кабардино-Балкарского ГАУ, (Нальчик, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; tahir07@mail.ru

Гятов Анзор Вячеславович, доцент кафедры управления Кабардино-Балкарского ГАУ, (Нальчик, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; anzorgiatov@mail.ru

References

1. Andreychikov A. V. The analysis, synthesis, planning of decisions in economy / A. Andreychikov, O. Andreychikova. M. : Finance and statistics, 2001. 368 p. (In rus)
2. Anokhin P. K. A decision-making problem in psychology and physiology // Chosen works: cybernetics of functional systems / under the editorship of. K. Sudakov. Collection: V. Makarov. M. : Medicine, 1998. 400 p. (In rus)
3. Velichkovsky B. M. From consciousness researches to development of cognitive technologies // Subjective world in the light of calls of modern cognitive science. M. : Aquilon, 2017. P. 37–57. (In rus)
4. Kaneman D. Think slowly ... Decide quickly! M. : AST, 2014. (In rus)
5. Keeney R. L. Decisions with Multiple Objectives: Preferences and Value Tradeoffs / translation from English; under the editorship of. I. Shakhnov. M. : Radio and communication, 1981. 560 p. (In rus)
6. Krames J. 7 lessons of the greatest managers or What the Best CEOs Know / translation from English V. N. Egorov. M. : FAIR-PRESS, 2004. 256 p. (In rus)
7. Lazarev V. N. Management decisions. Ulyanovsk: UISTU, 2011. 56 p. (In rus)
8. Litvak B. G. Management decision-making. M. : Business, 2004. 392 p. (In rus)
9. Myshkis A. D. Lectures on the higher mathematics. Third edition. M. : Science, 1973. 641 p. (In rus)
10. Neisser U. Cognition and reality. Sense and the principles of cognitive psychology / Translation from English. M. : Progress, 1981. 232 p. (In rus)
11. Orlov A. I. Decision-making. Theory and methods of development of management decisions: tutorial. M. : March, 2005. 496 p. (In rus)
12. Penrose R. Shadows of the mind: a search for the missing science of consciousness. Moscow — Izhevsk: Institute of computer researches, 2005. 688 p. (In rus)
13. Popper K. R. Objective knowledge. An Evolutionary approach / translation from English. D. G. Lakhuti; ex. edition V. N. Sadovsky. M. : Editorial URSS, 2002. 384 p. (In rus)
14. Rosen V. V. Mathematical models of decision-making in economy. M. : Book house "University", Higher school, 2002. 228 p. (In rus)
15. Smirnov E. A. Management decision-making: the textbook for higher education institutions. M. : UNITY-DANA, 2000. 271 p. (In rus)
16. Sokolov E. N. Sketches on consciousness psychophysiology. M. : MSU publishing house, 2010. 255 p. (In rus)
17. Solntseva G. N. Decision-making and solution of problems: ratio of concepts and psychological regularities // World of psychology [Mir psikhologii]. 2016. N 4. P. 89–99. (In rus)
18. Terelyansky P. V. Theory and methods of decision-making: tutorial / P. V. Terelyansky; VolSTU. Volgograd, 2016. 94 p. (In rus)
19. Terekhov M. D. Philosophical and methodological aspects of frame approach: dissertation abstract. M. : Moscow Lomonosov State University, 2016. (In rus)
20. Kholodnaya M. A. Psychology of intelligence: research paradoxes. 2nd ed. SPb. : Piter, 2002. 226 p. (In rus)
21. Chalmers D. J. The Conscious Mind. Oxford University Press. NY, 1996.
22. Dennett D. Consciousness Explained, Little. Brown and Co. Boston, 1992.
23. Kotov A. A. "A Computational Model of Consciousness for Artificial Emotional Agents" // Psychology in Russia: State of the Art, 2017. Vol. 10 (3). P. 57–73.

24. Tononi G. The Integrated Information Theory of Consciousness: An Updated Account // Archives Italiennes de Biologie, 2012. Vol. 150 (2/3). P. 56–90.
25. Valitutti A., Trautteur G. “Providing Self-aware Systems with Reflexivity”, Lecture Notes in Computer Science, 2017. 10640 LNCS. P. 418–427.

About the authors:

Hadis. M. Rakhaev, Professor of Chair of Management of Kabardino-Balkarian SAU (Nalchik, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; r3bizengin@mail.ru

Takhir. H. Toguzayev, Professor of Chair of Economics of Kabardino-Balkarian SAU (Nalchik, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; tahir07@mail.ru

Anzor. V. Gyatov, Associate professor of Chair of Management Kabardino-Balkarian SAU (Nalchik, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; anzorgiatov@mail.ru

Обобщенная методика оценки потенциала развития региона на основе анализа дисбалансов*

Григорьев В. Ю.* , Беляков С. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *grigorev-vy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Авторы развивают свой подход к оценке потенциалов роста показателей эффективности образовательной деятельности регионов Российской Федерации путем обобщения предложенной методики с целью создания более универсальной модели, позволяющей перейти к стадии формулировки необходимых управленческих решений.

Ключевые слова: комплекс управленческих решений, повышение эффективности образовательных систем, факторный анализ, оценка параметров региональных систем, дисбаланс региона

The Generalized Methodic of Assessment of Potential of Regional Development Based on the Disbalance Analysis

Valery Yu. Grigorev, Sergei A. Belyakov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *grigorev-vy@ranepa.ru

ABSTRACT

The authors develop their approach to assessing the growth potential of the educational performance indicators of the regions of the Russian Federation. For this purpose, the proposed methodology is generalized in order to create a more universal model, which allows one to go to the stage of formulating the necessary managerial decisions.

Keywords: An interrelated management consulting, analysis of the calculated statistical indicators, factor analysis, improving regional education systems, regional imbalance

В нашей предыдущей работе [1] мы предложили подход к оценке потенциалов роста показателей эффективности образовательной деятельности регионов Российской Федерации, позволяющий перейти к стадии формулировки необходимых управленческих решений.

Рассматривая выполненный анализ доступности дошкольного образования в качестве частного примера, выполним обобщение предложенной методики с целью создания более универсальной модели. Для этого первоначально зафиксируем некоторые известные и использованные понятия, а также введем новые.

Прежде всего, отметим тот факт, что существует изменяющийся по годам, но определенный Конституцией Российской Федерации иерархический набор территориальных единиц — федеральные округа, субъекты Российской Федерации, автономные округа, одновременно и сами по себе являющиеся субъектами РФ и входящие в состав других субъектов РФ, для которых выполняется анализ эффективности той или иной составляющей образовательной деятельности.

Для оценки эффективности какого-либо компонента образовательной деятельности региона используется либо одиночный расчетный показатель, либо совокуп-

*Статья подготовлена по материалам НИР АААА-А18-118013090268-5.

ность таких расчетных показателей. В свою очередь, для вычисления расчетного показателя используется некоторое множество исходных показателей статистики. Множество источников данных для исходных статистических показателей, используемых авторами, представлено прежде всего, но не исчерпывается: единой межведомственной информационно-статистической системой¹, официальным сайтом Федерального казначейства России², официальным сайтом Федеральной службы государственной статистики России³, официальным сайтом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации⁴, официальным сайтом Министерства просвещения Российской Федерации⁵, официальным сайтом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор)⁶.

Обозначим анализируемый расчетный показатель RA . Тогда RA — суть некоторая функция от одномерного массива статистических параметров:

$$RA = f(A), \quad (1)$$

где $A = \text{Array}[M_1](d_i)$ — массив исходных показателей статистики, влияющих на анализируемый расчетный показатель; M_1 — размерность массива исходных показателей статистики A ; d_i — i -й исходный показатель статистики, при этом i принимает значения от 1 до M_1 .

Для данного анализируемого расчетного показателя RA существует экспертный или нормативный целевой показатель, который характеризует «удовлетворительность» положением дел в рассматриваемом сегменте образовательной деятельности в конкретном регионе в определенный год. Будем обозначать его ЦП.

Кроме того, для определенного анализируемого расчетного показателя RA существует направление «позитивности» — должно ли быть вычисленное значение RA в регионе не менее или не более ЦП. Если ЦП определяет минимальную «границу качества», будем считать, что анализируемый расчетный показатель «возрастающий» — $RA \uparrow$ (чем больше достигнутое значение — тем лучше). В обратном случае, если ЦП определяет максимально допустимую величину показателя, будем считать, что анализируемый расчетный показатель «нисходящий» — $RA \downarrow$ (чем меньше достигнутое значение — тем лучше).

Из всего множества исходных показателей статистики $\text{Array}[M_1](d_i)$ один или несколько показателей являются аргументами, для которых существуют дополнительные ограничивающие факторы. Будем называть однопараметрическим факторным анализом анализ, в котором присутствует один такой аргумент, и двухпараметрическим факторным анализом — анализ, в котором соответственно присутствует два таких аргумента. Тогда будем обозначать аргумент для однопараметрического анализа — x , а аргументы для двухпараметрического анализа — x и y .

Для указанных аргументов x и y также существуют направления «позитивности» — является ли ограничивающий фактор для аргумента границей сверху или

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 21.04.2019).

² Официальный сайт Федерального казначейства России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goskazna.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

³ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

⁴ Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

⁵ Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

⁶ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в области образования и науки (Рособрнадзор) [Электронный ресурс]. URL: <http://obrnadzor.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

снизу. Если ограничивающий фактор создает границу сверху — будем считать, что данный аргумент «позитивный» — $x \uparrow$. При этом на данном этапе для нас не имеет значения — хорошо это или плохо с точки зрения эффективности образовательной деятельности. Здесь важно только то, что с ростом аргумента x возрастает значение самого анализируемого расчетного показателя RA . В обратном случае, если ограничивающий фактор создает границу снизу — будем считать, что данный аргумент «негативный» — $x \downarrow$. И в данном случае мы также пока не выполняем качественную оценку влияния аргумента, а фиксируем факт, что с ростом аргумента x значение самого анализируемого расчетного показателя RA уменьшается.

Сами ограничения, в свою очередь, зависят от некоторого набора исходных показателей статистики:

$$B = \text{Array}[M_2](d_i), \quad (2)$$

где B — массив исходных показателей статистики, определяющих набор ограничений для аргументов анализируемого расчетного показателя; M_2 — размерность массива исходных показателей статистики B ; d_i — i -й исходный показатель статистики, при этом i принимает значения от 1 до M_2 .

Применим операцию объединения двух множеств и будем дальше оперировать с новым массивом, содержащим все необходимые исходные показатели:

$$C = A + B. \quad (3)$$

В итоге:

$$C = \text{Array}[M](d_i), \quad (4)$$

где $C = \text{Array}[M](d_i)$ — объединенный массив исходных показателей статистики; M — размерность объединенного массива исходных показателей C ; d_i — i -й исходный показатель статистики, при этом i принимает значения от 1 до M .

Будем считать, что для произвольного аргумента x существует K ограничений, и обозначим само ограничение для аргумента как:

$$O_j = f_j (\text{Array} [M] (d_i)), \quad (5)$$

где O_j — j -е ограничение аргумента; f_j — функция, описывающая j -е ограничение аргумента; j — переменная, принадлежащая одномерному K -размерному массиву (1, 2, 3, ..., K).

Обозначим через O_1 ближайшее ограничение аргумента. Очевидно, что будет ли оно наименьшим или наибольшим из массива O_j зависит как от направления позитивности RA и от направления позитивности аргумента x .

Выделим из общего массива ограничителей для конкретного аргумента x два «специальных» ограничителя. Первый специальный ограничитель — финансовый ограничитель, связанный с объемом финансирования исследуемого сегмента образовательной деятельности. Обозначим финансовый ограничитель — OF .

Второй специальный ограничитель — *ключевой* или базовый. По своему содержанию он фактически определяет максимум возможности роста основного анализируемого показателя, и, как следствие, — по нему можно оценивать целесообразность всех остальных ограничителей. Обозначим ключевой ограничитель как OK .

Остальные (предметные или сущностные) ограничители будем обозначать OS_j . Очевидно, что количество обычных ограничителей будет равняться $K - 2$.

Будем считать, что для каждого j между парой « $OS_j - OF$ » существует специфическая для каждого региона и исследуемого календарного года, но предопределенная зависимость.

Вернемся теперь в контексте введенных понятий к анализу доступности дошкольного образования. В данном случае:

$$RA = d_1 / (d_1 + d_2), \quad (6)$$

где d_1 — численность воспитанников дошкольных образовательных учреждений; d_2 — количество детей, ожидающих распределения для посещения дошкольных образовательных учреждений.

Или, что то же самое:

$$RA = d_1 / (d_3 * n_o), \quad (7)$$

где $d_3 = N_{1-6}$ — численность населения в возрасте 1–6 лет; n_o — процент населения в возрасте 1–6 лет, желающих посещать организации дошкольного образования.

Принципиальное отличие формулы (6) от формулы (7) заключается в том, что в первом случае используются исключительно исходные статистические показатели. Однако при отсутствии необходимых данных (например, при недоступности исходных показателей по количеству детей, ожидающих распределения для посещения дошкольных образовательных учреждений) возможно использование второго варианта с применением прогнозных значений на основе интерполяционных данных.

В таком случае основные характеристики модели для анализа доступности дошкольного образования приобретают следующий вид:

- имеет место однопараметрический факторный анализ;
- аргументом, на который накладываются ограничения, является показатель объекта статистики d_1 — численность воспитанников дошкольных образовательных учреждений, таким образом $x = d_1$;
- анализируемый расчетный показатель RA является возрастающим, таким образом зона удовлетворительной доступности находится выше или на уровне целевого показателя.

Общее количество ограничителей в рассмотренном примере равно четырем:

- $O_1 = N_{\text{дем}}$ — численность воспитанников в условиях действия демографических факторов:

$$O_1 = (d_3 * n_o) = d_1 + d_2. \quad (8)$$

$O_2 = N_{\text{МТВ}}$ — численность воспитанников в условиях действия ограничения по числу мест в организациях дошкольного образования:

$$O_2 = (d_4 * m_n), \quad (9)$$

где $d_4 = M_{\text{до}}$ — число мест в организациях дошкольного образования; m_n — коэффициент нагрузки на места в организациях дошкольного образования; $O_3 = N_{\text{ПП}}$ — численность воспитанников в условиях действия ограничения по численности педагогических работников в организациях дошкольного образования:

$$O_3 = (d_5 * p_n), \quad (10)$$

где $d_5 = P_{\text{до}}$ — численность педагогических работников в организациях дошкольного образования; p_n — коэффициент нагрузки на педагогического работника в организациях дошкольного образования; $O_4 = N_{\text{ФИН}}$ — численность воспитанников в условиях действия ограничения по объему бюджетного финансирования дошкольного образования:

$$O_4 = (d_6 / f_{\text{до}}), \quad (11)$$

где $d_6 = F_{\text{до}}$ — объем бюджетного финансирования дошкольного образования; $f_{\text{до}}$ — объем бюджетного финансирования в расчете на одного воспитанника дошкольного образования.

Ключевым ограничителем в данном проекте является «численность воспитанников в условиях действия демографических факторов», т. е.:

$$OK = O_1. \quad (12)$$

Финансовым ограничителем является «численность воспитанников в условиях действия ограничения по объему бюджетного финансирования дошкольного образования», таким образом:

$$OF = O_4. \quad (13)$$

В результате в проекте остается два «обычных» ограничителя. Это соответственно:

- OS_1 — «численность воспитанников в условиях действия ограничения по числу мест в организациях дошкольного образования»:

$$OS_1 = O_2; \quad (14)$$

- OS_2 — «численность воспитанников в условиях действия ограничения по численности педагогических работников в организациях дошкольного образования»:

$$OS_2 = O_3. \quad (15)$$

Выполним теперь анализ зависимости анализируемого расчетного показателя от аргумента x . В математическом смысле возможно два варианта. Первый (экспертный) — мы понимаем, что общее количество детей в регионе, заинтересованное в услугах дошкольных образовательных учреждений, константно. Тогда наш анализируемый расчетный показатель преобразуется к виду:

$$RA = x/Const. \quad (16)$$

То есть имеет место линейный пропорциональный рост анализируемого расчетного показателя при росте x .

Во втором случае (формальном) мы полагаем неизменным d_2 . Тогда основная функциональная зависимость преобразуется к виду:

$$RA = x/(x + Const) \quad (17)$$

В общем случае при положительном x значения RA непрерывно возрастают, в пределе стремясь к единице. Характер зависимости нас в данном случае не интересует, важно, что, как и в первом случае, аргумент является «позитивным» — $x \uparrow$. Таким образом, любые ограничения будут создавать границу сверху. И следовательно — задача заключается в нахождении минимума из множества ограничений:

$$O_1 = \text{Min} (\text{Array} (O_j)). \quad (18)$$

Продолжая обобщение, рассмотрим другой частный случай. Предположим, что по-прежнему имеет место однопараметрический анализ, т. е. в функциональной зависимости присутствует единственный аргумент, на который накладываются ограничения, однако анализируемый расчетный показатель обратно пропорционален данному аргументу. То есть аргумент — «негативный» ($x \downarrow$).

В таком случае ограничения будут создавать границу снизу. И, следовательно, — задача заключается в нахождении максимума из множества ограничений:

$$O_1 = \text{Max}(\text{Array} (O_j)). \quad (19)$$

При дальнейшем обобщении рассмотрим теперь вариант двухпараметрического факторного анализа — из всего множества исходных показателей статистики два показателя являются аргументами — x и y , для которых существуют дополнительные ограничивающие факторы. Одновременно наложим ограничения на детерминированность зависимости между аргументами и анализируемым расчетным показателем. В таком случае возможны следующие сочетания:

- оба аргумента — позитивные — $x \uparrow$ и $y \uparrow$, например:

$$RA = k \cdot x \cdot y, \quad (20)$$

где k — обобщающий коэффициент.

При таком сочетании пара ближайших ограничителей будет представлять собой множество:

$$O_1 = \{\text{Min}(\text{Array}(O_{jx})), \text{Min}(\text{Array}(O_{jy}))\}, \quad (21)$$

где $\text{Array}(O_{jx})$ — массив ограничителей для аргумента x ; $\text{Array}(O_{jy})$ — массив ограничителей для аргумента y .

- первый аргумент — позитивный, второй аргумент — негативный — $x \uparrow$ и $y \downarrow$, например:

$$RA = k \cdot x/y. \quad (22)$$

В таком случае пара ближайших ограничителей будет состоять из:

$$O_1 = \{\text{Min}(\text{Array}(O_{jx})), \text{Max}(\text{Array}(O_{jy}))\}, \quad (23)$$

- первый аргумент — негативный, второй аргумент — позитивный — $x \downarrow$ и $y \uparrow$, например:

$$RA = k * y/x \quad (24)$$

В результате получим:

$$O_1 = \{\text{Max}(\text{Array}(O_{jx})), \text{Min}(\text{Array}(O_{jy}))\}, \quad (25)$$

оба аргумента — негативные — $x \downarrow$ и $y \downarrow$, например,

$$RA = k/(x * y). \quad (26)$$

В последнем случае искомая пара ближайших ограничителей будет представлять собой:

$$O_1 = \{\text{Max}(\text{Array}(O_{jx})), \text{Max}(\text{Array}(O_{jy}))\}, \quad (27)$$

В самом общем случае зависимость между аргументами и анализируемым расчетным показателем может быть не так однозначна. Например, даже при такой несложной функциональной зависимости в ситуации с одним аргументом:

$$RA = (x + \text{Const})/(x - \text{Const}), \quad (28)$$

влияние единственного аргумента x на анализируемый расчетный показатель (в плюс или в минус) будет зависеть от значения самого аргумента. В одном диапазоне значений аргумента x с ростом x значение RA будет возрастать, а в другом, наоборот — падать.

В таком случае представляется, что существует три подхода к решению задачи нахождения ближайших ограничителей.

Первый — сугубо экспертный. Область его применения — достаточно простые зависимости, когда эксперт-аналитик имеет возможность самостоятельно определить и задать вектор влияния аргумента на анализируемый расчетный показатель. В таком случае задача сведется к одному из рассмотренных выше случаев.

Второй подход — экспертно-автоматизированный. Суть его заключается в предположении, что реальные значения показателей, используемых для вычислений, лежат в относительно узком диапазоне значений, и, таким образом, существует ненулевая вероятность, что на всем этом интервале фактических значений вектор влияния аргумента на анализируемый расчетный показатель не меняется. Ответ на этот вопрос может быть получен путем выполнения специализированной процедуры.

Третий подход — полностью автоматизированный. В этом случае необходимо рассчитать всю многомерную матрицу сочетаний массивов $\text{Array}(O_{jx})$ и $\text{Array}(O_{jy})$ и определить обобщенное множество ближайших ограничителей:

$$O_1 = \text{Min}(\text{Array}[K_x, K_y](O_{jx}, O_{jy})), \quad (29)$$

где K_x — размерность массива $\text{Array}(O_{jx})$; K_y — размерность массива $\text{Array}(O_{jy})$.

Для методологии оценки параметров региональных систем образования введем несколько новых понятий.

Прежде всего, разделим оценку текущего состояния уровня исследуемого сегмента образовательной деятельности и оценку возможностей достижения целевых значений.

Критерии, оценивающие состояние региона в разрезе исследуемого года, будем называть «текущими». По своей природе эти критерии отражают потенциал роста анализируемых показателей.

Критерии же, которые оценивают возможность достижения заданных целевых показателей, будем называть «производными». По своей природе они отражают потенциал возможности достижения заданных целевых показателей.

Представляется целесообразным выделить следующие базовые текущие критерии:

- 1) «Общий текущий дисбаланс региона», который представляет собой разницу между максимальным и минимальным значением из множества величин, состоящих из аргумента x и вычисленных ограничений, отнесенную к минимальному значению из этого же множества и выраженную в %:

$$\text{ДБОТ} = (\text{Max}(\text{Array}(O_j, x)) - \text{Min}(\text{Array}(O_j, x))) / \text{Min}(\text{Array}(O_j, x)) \cdot 100\%. \quad (30)$$

Общий дисбаланс региона показывает уровень общей несбалансированности (гармоничности) региона в контексте исследуемого сегмента образовательной деятельности.

Учитывая, что направление «позитивности» общего дисбаланса всегда предопределено — чем меньше — тем лучше, введем понятие «допустимого уровня общего дисбаланса региона» и обозначим его ДДБО. Если фактические значения уровня общего дисбаланса ДБО больше ДДБО, то регион существенно не гармоничен (разбалансирован). Имеем при этом в виду, что допустимый уровень общего дисбаланса — общее свойство для анализируемого расчетного показателя.

- 2) «Текущий дисбаланс региона по j -му ограничителю», который представляет собой разницу между j -м ограничением и значением аргумента, отнесенную к значению аргумента и выраженную в %:

$$\text{ДБКТ}_j = (OS_j - x) / x \cdot 100\%. \quad (31)$$

Текущий дисбаланс региона по j -му ограничителю показывает уровень расхождения между фактическими значениями аргумента и значениями, вычисленными по j -му ограничителю. Например, данный критерий показывает, насколько фактическое количество педагогов в дошкольных образовательных организациях региона соответствует необходимому количеству, определенному на основе реального количества воспитанников. Очевидно, что для каждого исследуемого сегмента образовательной деятельности существует несколько текущих дисбалансов региона по j -му ограничителю — на единицу меньше, чем общее количество ограничителей. В рассмотренном нами примере их три:

- текущий дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по числу мест в организациях дошкольного образования»;

- текущий дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по численности педагогических работников в организациях дошкольного образования»;
- текущий дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по объему бюджетного финансирования дошкольного образования».

Поскольку величина текущего дисбаланса региона по j -му ограничителю может принимать как положительные, так и отрицательные значения, будем называть абсолютным текущим дисбалансом региона по j -му ограничителю величину текущего дисбаланса региона по j -му ограничителю, взятую по модулю:

$$\text{ДБКТА}_j = \text{ABS}(\text{ДБКТ}_j). \quad (32)$$

Тогда, текущий дисбаланс региона по j -му ограничителю, при котором значение обычного ограничения меньше значения ключевого, будем называть отрицательным дисбалансом региона по j -му ограничителю. Данное обстоятельство означает, что в регионе наблюдается нехватка по тем значениям, по которым вычисляется дисбаланс. Например, если текущий дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по численности педагогических работников в организациях дошкольного образования» отрицателен, в регионе не хватает педагогов для текущего количества воспитанников.

И наоборот, текущий дисбаланс региона по j -му ограничителю, при котором значение обычного ограничения больше значения ключевого, будем называть положительным ключевым дисбалансом региона. Данное обстоятельство означает, что в регионе наблюдается избыток по тем значениям, по которым вычисляется дисбаланс. Например, если текущий дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по числу мест в организациях дошкольного образования» имеет значения больше нуля, в регионе есть резерв мест.

Аналогично допустимому уровню общего дисбаланса введем понятие допустимого уровня дисбаланса региона по j -му ограничителю — ДДБК_j . И в общем случае будем полагать, что величина ДДБК_j является свойством, зависимым от конкретного ограничителя.

Теперь добавим производные критерии, которые оценивают возможность достижения заданных целевых показателей:

- 1) «Общий производный дисбаланс региона», который представляет собой разницу между максимальной и минимальной величиной из множества, состоящего из значений рассчитанных ограничений и значения аргумента x , вычисленного для заданной величины целевого показателя, отнесенную к минимальному значению из этого же множества и выраженную в %:

$$\text{ДБОП} = (\text{Max}(\text{Array}(O_j, X_{\text{ЦП}})) - \text{Min}(\text{Array}(O_j, X_{\text{ЦП}})) / \text{Min}(\text{Array}(O_j, X_{\text{ЦП}})) * 100\%, \quad (33)$$

где $x_{\text{ЦП}}$ — значение аргумента x , вычисленное исходя из заданной величины целевого показателя для исследуемого сегмента образовательной деятельности.

В частном случае, когда $\text{ЦП} = 100\%$, общий производный дисбаланс региона будет представлять собой разницу между максимальным и минимальным ограничением, отнесенную к минимальному ограничению и выраженную в %:

$$\text{ДБОП} = (\text{Max}(\text{Array}(O_j)) - \text{Min}(\text{Array}(O_j)) / \text{Min}(\text{Array}(O_j)) * 100\%. \quad (34)$$

Таким образом, общий производный дисбаланс региона показывает уровень общей несбалансированности (гармоничности) региона в контексте исследуемого сегмента образовательной деятельности при заданном значении целевого показателя.

Аналогично общему текущему дисбалансу направление «позитивности» общего производного дисбаланса региона также всегда предопределено: чем меньше — тем лучше. Поэтому к нему также применимо понятие «допустимого уровня общего дисбаланса региона» ДДВО.

2) «Производный дисбаланс региона по j -му ограничителю», который представляет собой разницу между j -м ограничением и значением аргумента x , вычисленного для заданной величины целевого показателя, отнесенную к значению аргумента x и выраженную в %:

$$\text{ДБКП}_j = (OS_j - x_{\text{ЦП}})/x_{\text{ЦП}} \cdot 100\%. \quad (35)$$

В частном случае, когда ЦП = 100%, производный дисбаланс региона по j -му ограничителю будет представлять собой разницу между j -м обычным ограничением и ключевым ограничением, отнесенную к ключевому ограничению и выраженную в %:

$$\text{ДБКП}_j = (OS_j - OK)/OK \cdot 100\%. \quad (36)$$

Производный дисбаланс региона по j -му ограничителю показывает уровень расхождения между фактическими значениями аргумента по j -му ограничителю и значениями аргумента, вычисленного для заданной величины целевого показателя. Например, данный критерий показывает, насколько фактическое количество педагогов в дошкольных образовательных организациях региона соответствует их необходимому количеству, определенному на основе гипотетического количества воспитанников, определенного при условии выполнения регионом по целевому показателю доступности дошкольного образования.

Очевидно, что для каждого исследуемого сегмента образовательной деятельности и для каждой величины целевого показателя существует несколько производных дисбалансов региона по j -му ограничителю — на единицу меньше, чем общее количество ограничителей. В рассмотренном нами примере их три:

- производный дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по числу мест в организациях дошкольного образования»;
- производный дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по численности педагогических работников в организациях дошкольного образования»;
- производный дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по объему бюджетного финансирования дошкольного образования».

Поскольку величина производного дисбаланса региона по j -му ограничителю может принимать как положительные, так и отрицательные значения, будем называть абсолютным производным дисбалансом региона по j -му ограничителю величину производного дисбаланса региона по j -му ограничителю, взятую по модулю:

$$\text{ДБКПА}_j = \text{ABS}(\text{ДБКП}_j). \quad (37)$$

Тогда, производный дисбаланс региона по j -му ограничителю, имеющий значение менее нуля, будем называть отрицательным дисбалансом региона по j -му ограничителю. Данное обстоятельство означает, что в регионе будет наблюдаться нехватка по тем значениям, по которым вычисляется дисбаланс. Например, если производный дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по численности педагогических работников в организациях дошкольного образования» отрицателен, в регионе будет не хватать педагогов для текущего количества воспитанников.

И наоборот, производный дисбаланс региона по j -му ограничителю, имеющий значение более нуля, будем называть положительным ключевым дисбалансом ре-

гиона. Данное обстоятельство означает, что в регионе будет наблюдаться избыток по тем значениям, по которым вычисляется дисбаланс. Например, если производный дисбаланс региона по ограничителю «Численность воспитанников в условиях действия ограничения по числу мест в организациях дошкольного образования» имеет значения больше нуля, в регионе будет резерв мест.

Аналогично текущему дисбалансу региона по j -му ограничителю для производного дисбаланса региона по j -му ограничителю также применимо понятие допустимого уровня дисбаланса региона по j -му ограничителю — ДДБК $_j$. При этом, также в общем случае будем полагать, что величина ДДБК $_j$ является свойством, зависимым от конкретного ограничителя.

В следующей работе авторы планируют показать результаты апробации предложенной методологии на примере нескольких регионов РФ.

Литература

1. *Беляков С. А., Григорьев В. Ю., Бедарева Л. Ю.* Оценка параметров региональных систем образования как инструмент выработки управленческих решений // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 79–89.

Об авторах:

Григорьев Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; grigorev-vy@ranepa.ru

Беляков Сергей Анатольевич, главный научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент

References

1. Belyakov S. A., Grigorev V. Yu., Bedareva L. Yu. Assessment of Parameters of Regional Education Systems as Instrument of Managerial Decisions Development // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 7. P. 79–89. (In rus)

About the authors:

Valery Yu. Grigorev, Leading researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPa (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Sciences, Associate Professor; grigorev-vy@ranepa.ru

Sergei A. Belyakov, Chief Researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPa (Moscow, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy), Associate Professor

Реальное качество жизни vs завышенные представления о собственной изысканной внешности

Цацулин А. Н.^{1, *}, Цацулин Б. А.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vash_64@mail.ru

² Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Актуальность. Статья посвящена рассмотрению вопроса, казалось бы, чисто медико-философского характера, когда человек, под агрессивным воздействием и изошренным давлением средств массовой информации, выбирает такой паттерн своего пищевого поведения, который заметно отличается от общепринятого, называемого нормальным. Придерживаясь избранного способа пищевого поведения, потребитель доводит свой организм до известных степеней обессиливания, психического истязания и с диагнозом «нервная орторексия» превращается в пациента специализированных клиник реабилитации, становится подопечным мозгоправов. Для любого организма последствия такого диагноза носят, как правило, разрушительный характер.

Цели работы. Авторы статьи пытаются исследовать генезис этой малоизученной проблемы и обнаружить какие-либо связи с уровнем и качеством жизни россиян последних лет, с качеством потребляемых пищевых продуктов и с общим психологическим состоянием социума в период его испытания избыточно долгим кризисом.

Методики и выборка. В качестве методов исследования были использованы диагностические пакеты, тестирование функционального состояния пациентов по схемам *Donini&Marsili*, ORTO-15 и клинические опросы их уже в качестве респондентов. Большая статистическая выборка онлайн-опроса представлена 612 респондентами разного пола и разных возрастных групп. Для оценки уровня жизни и заболеваемости нервной орторексией использованы статистические методы измерения связи Спирмена, Пирсона, структурных средних и пр.

Результаты. Обнаружено, что нервной орторексии присущ феномен *избегающего поведения*, входящего в группу неспецифических пищевых расстройств пациента.

Выводы. Полученные результаты ретроспективного периода подтверждают рабочую гипотезу о существовании статистически значимой связи между снижением уровня жизни городского населения Северо-Западного федерального округа и частотой заболевания нервной орторексией в разных ее проявлениях.

Ключевые слова: жизненные стандарты, уровень благосостояния, черта бедности, качество жизни, качество продуктов питания, нервная орторексия, расстройство пищевого поведения, обсессивно-компульсивное расстройство, черно-белое мышление

Real Quality of Life vs Extended Representations of Your Own Clear Exterior

Alexander N. Tsatsulin^{a, *}, Boris A. Tsatsulin^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; vash_64@mail.ru

^b National Research University ITMO, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance. The article is devoted to the consideration of a question that would seem to be of a purely medical and philosophical nature, when a person, under aggressive influence and sophisticated pressure of the media, chooses a pattern of his eating behavior that differs markedly from

the generally accepted behavior, called normal. Adhering to the chosen method of eating behavior, the consumer brings his body to a certain degree of weakening, mental torture and with a diagnosis of "Nervous orthorexia" turns into a patient of specialized rehabilitation clinics, becomes the ward of doctors for the treatment of white brain. For any organism, the consequences of such a diagnosis are usually destructive.

Objective. The authors of the article are trying to investigate the genesis of this little-studied problem and find any connection with the level and quality of life of Russians in recent years, with the quality of food consumed and with the general psychological state of society during its testing with an excessively long crisis.

Methods. Diagnostic packages, testing of the functional state of patients according to *Donini&Marsili*, ORTO-15 and their clinical surveys are already as respondents. A large statistical sample of the online survey is represented by 612 respondents of different sexes and different age groups. To assess the standard of living and morbidity by Nervous orthorexia, statistical methods were used to measure the relationship of Spearman, Pearson, structural averages, etc.

Results. Nervous orthorexia has been found to be characterized by the phenomenon of *avoidant behavior* that is included in the group of nonspecific eating disorders of the patient.

Conclusion. The results of the retrospective period confirm the working hypothesis about the existence of a statistically significant relationship between the decline in the standard of living of urban population in the Northwestern Federal District and the incidence of Nervous orthorexia in its various manifestations.

Keywords: standard of living, welfare level, poverty line, quality of life, food quality, Nervous orthorexia, eating disorder, obsessive personality type, black and white thinking

Здоровых людей нет — есть недообследованные пациенты.

Из наблюдений врачей общей практики

Введение

Если уровень жизни как социально-экономическая категория выражает сложившуюся меру удовлетворения среднего индивидуума в материальных и культурных потребностях, а также степень обеспеченности потребительскими благами того же индивидуума, то жизненный стандарт, как правило, характеризуется и описывается количественными технико-экономическими показателями, которые соотносят и определяют нормативный, политически задаваемый или желаемый уровень потребления благ всех видов в конкретной общественной формации. И параметры этого стандарта могут заметно отличаться как в ту, так и в другую сторону от фактического размера потребления экономических благ членов конкретной общественно-экономической формации.

В западной традиции и в методологии международной гармонизированной статистики жизненный стандарт определяется как набор счетных характеристик объема и структуры потребляемых благ, который усредненные представители сложившейся социально-демографической группы населения принимают в качестве ориентира потребления, в том числе по позициям понесенных расходов семейного бюджета на питание, одежду, жилье, транспорт, медицинские, образовательные, бытовые услуги и пр.

Возмездную стоимость этого ориентира (периодически пересматриваемого и официально нормируемого стандарта) государство, со своими институтами, и гражданское общество, со своими рупорами, должны конституционно, т. е. неукоснительно, гарантировать каждому гражданину. Но лапидарно понятый патернализм немедленно сталкивается с проблемой *неопределенности*, которую следует признать как данность текущего момента, и многие россияне понимают это, отдают себе отчет о происходящем.

Однако любая неопределенность, касающаяся будущего людей, немедленно пробуждает эмоциональные волнения и порождает тревожное состояние психики, которые многих не отпускают уже никогда. Тем не менее, такого рода неопределенность следует принимать достаточно спокойно и, по существу, смириться с осознанием этого. И одновременно необходимо подвергать непрерывному мониторингу такие специализированные счетные характеристики, как коэффициенты концентрации и дифференциации населения по уровню дохода, с опаской озираясь на колеблемость доходных групп населения, возле так называемой *черты бедности*.

В конце XIX в. британские экономисты, статистики и социологи Чарлз Бут (*Booth Ch.*) и Бенджамин Сибом Раунтри (*Rowntree B. S.*) провели ряд предметных исследований по бедности на местных статистических материалах городов Лондона и Йорка. Оба исследователя правомерно считаются основоположниками дефиниций и понятийного аппарата в области понимания уже упомянутой *черты бедности*. За исходную же точку отсчета англичане первоначально принимали возможности индивидуума удовлетворить свои насущные потребности триадой благ — пища, одежда, жилище. «Бедные — это те, чьи нужды не удовлетворяются в соответствии с обычными стандартами жизни в данной стране» [7].

Б.С. Раунтри пошел в своих исследованиях гораздо дальше коллеги. Так, изучая в динамике семейные бюджеты потребительских панелей за ряд лет, он пришел к выводу, что фактически складываются два вида бедности — первичная и вторичная. Бедность *первичная* характеризует семьи с недостаточным объемом средств для удовлетворения первоочередных нужд даже при рациональном использовании денежных доходов. Бедность *вторичная* распространяется на те типы семей, где основные потребности не покрываются соответствующими экономическими благами, но в связи с неразумной и не оптимальной тратой располагаемых семьями доходов [20].

Исследователь добился ясности в том, что не получалось ни у кого до него, а именно — разделить тех, кто действительно был беден, и тех, кто был просто расточителен. Отсюда, по Раунтри, проистекает разделение ответственности за случившуюся у индивидуума бедность на *личную* и *социальную*. При статистическом анализе исследователь стремился определить массив фактической численности нуждающихся, связав уровень той и иной бедности с такими признаками-факторами, как состояние рынка труда и безработицы, размер заработной платы, качество жилищных условий и критериальные параметры *черты бедности*. Подобные расчеты осуществлялись ученым в ходе всех трех его масштабных исследований 1899, 1935 и 1951 гг.

Означенную черту бедности Б.С. Раунтри определял, исходя из уровня дохода семьи, необходимого лишь для удовлетворения основных потребностей по позициям упомянутой триады благ. Такой уровень принимался за абсолютную черту бедности, которую, тем не менее, можно регулировать не только путем изменения цен на продовольственные, непродовольственные товары и тарифов на приобретаемые услуги, но и независимо от размера и порядка распределения располагаемых семейных доходов.

Сформулированные концепция, принципы и предложенные методы измерения британских социально-экономических статистиков оказали заметное влияние на характер последующего изучения категории бедности. Некоторые известные специалисты хотя и пытались позднее вносить какие-либо изменения в инструментарий, но напрямую лишь копировали их [16].

Измеряемая капитализация человеческого потенциала, развитие и накопление компонентов человеческого капитала в общественном пространстве и времени включают в себя такие составляющие капитала, как состояние здоровья, продолжительность жизни и смертность, реальный уровень образованности, культуры, сформированность профессиональных компетенций, а также, с экономической точки зрения, поддержку способностей населения к расширенному воспроизводству

общественного капитала и воспроизводство самого работника как экономического субъекта рынка труда. Авторы данной статьи крепки в своем убеждении, что именно все перечисленное на самом деле образует наиболее важные тренды мирового макроэкономического процесса в условиях глобализации и турбулентности постиндустриальной экономики.

Формулирование проблемы

Россия не чужда этому процессу, многие позиции из перечисленного образуют текущую повестку работы кабинета министров РФ. Из самых последних доказательств активности руководства страны можно назвать утверждение Президентом России Стратегии развития здравоохранения в стране до 2025 года¹. Документ вступил в силу со дня его опубликования — 07. 06. 2019 г. Но понижение уровня реальных доходов россиян в последние пять лет заметно отразилось не только на объемах и структуре их потребления. Желание многих представителей молодого (и не только) поколения соотечественников выглядеть в общественной жизни внешне несколько лучше, чем удастся жить при понижении располагаемых возможностей, обладать высокой степенью когнитивной ориентации на высокие социальные результаты имеет свою негативную, более того, зловещую сторону.

К подобным проявлениям и последствиям понижения уровня и качества жизни россиян можно отнести заметное ухудшение физического и психического здоровья нации на фоне вызывающего искреннее сожаление развала системы отечественного здравоохранения. Но именно забота государства о своих согражданах, его таргетированный патернализм, призванный стоять на страже психического здоровья человека и общества в целом, позволяет каждому человеку в отдельности и социуму не чувствовать себя потерянным в пространстве и во времени. Вспышка алкоголизма, наркомании, рост суицидных проявлений, угрожающая динамика ВИЧ-инфицированности по регионам РФ, фактической инвалидизации населения — это все то, что начинает серьезно беспокоить властные структуры лишь в последние два года.

Но специалисты отечественного здравоохранения и социологи, придерживающиеся строгого эпистемологического подхода к точному и достоверному знанию, уже давно отмечают алармистский рост психических отклонений и девиантного поведения у представителей разных возрастных групп и социальных слоев населения. Так, например, в психолого-психиатрической сфере наблюдений это проявляется в виде дрейфа социума в сторону оккультизма, различных деструктивных верований, так называемых «приступов массового психоза» [5], расцвета маргинальных субкультур и иных форм социально-психологического саморазрушения личности.

Такого рода проявления индивидуума связаны с тем, что медицина по своей природе дуалистична и, наряду с естественно-научной, включает в себя также гуманитарную компоненту. Другими словами, отдельная человеческая особь, рассматриваемая философской теорией человека и современной медициной, одновременно принадлежит двум разным мирам — миру земному, телесному (явленная материальная необходимость + биологическая закономерность) и миру неземному, психического существования (мир сверхчувственного + духовная умпостигаемая сущность + психологические закономерности). В соответствии с воззрениями академика В. И. Вернадского на природу человека, на его существование в двух мирах, «ум, сознание, дух, способность создавать новое, небывшее, — все это унаследовано человеком из мира сверхчувственного, умпостигаемого» [1, с. 12].

¹ Путин одобрил программу развития здравоохранения до 2025 года [Электронный ресурс] // Новости России. URL: <https://news.ru/obshchestvo/putin-odobril-programmu-razvitiya-zdravoohraneniya-do-2025-goda/> (дата обращения: 09.06.2019).

Так, выдающийся русский терапевт Григорий Антонович Захарьин (1829–1897/1898) еще в 1886 г. требовал от своих коллег-врачевателей при осуществлении терапевтических мероприятий прибегать к фиксации двойственного диагноза — *diagnosis morbi et diagnosis aegroti* (латынь), т. е. *диагностику заболевания и диагностику пациента*, и призывал лечить больного, а не его болезнь [2]. Это тем более справедливо, что имплицитные мотивы возникают подсознательно, ведут к эмоциональным предпочтениям и к имплицитным поведенческим импульсам человека, пытающегося нащупать себя в конкретной социальной среде.

В этом смысле убедительной иллюстрацией служит обнаружение сравнительно недавно и сравнительно нового заболевания сугубо психической природы, но, по существу, рукотворного, спровоцированного и отягощенного социально-экономическими реалиями. Нервная орторексия (*Orthorexia nervosa*, от греч. ὀρθός — прямой, непосредственный и ὄρεξις — непреодолимый позыв к еде, уровень аппетита) — широко исследуемое в последнее время расстройство пищевого поведения во всех возрастных группах, независимо от половой принадлежности индивидуума, но наблюдаемое преимущественно у женщин.

В соответствии с базовыми положениями био-психо-социальной концепции психических расстройств (Grant P. M., 2009 [14]), возникновению психической патологии способствуют три агрегированных фактора с разными пропорциями воздействия: биологический, включая генетический признак-фактор¹; а также психологический (информационная перегрузка, состязательный процесс, угроза социальному статусу, самооценке, ближайшему окружению и т. д.) и социально-экологический, которые актуализируют предрасположенность индивида к психическим расстройствам.

Поведение человека характеризуется крайним или чрезмерным его стремлением к особому типу ментальности и отдельному способу физического существования в среде фактически ограниченного набора пищевых продуктов. Идеологией и основным принципом подобного бытия является зацикленность на так называемом «здоровом и правильном питании», что ведет к осознанным и значительным, уже персональным ограничениям в выборе продуктов питания, в их групповом ассортименте, объемах и энергетической ценности, в характере обработки и в технологии их потребления.

Все это, так или иначе, но теснейшим образом связано с плюрализмом видения возникшей сравнительно свежей медико-психологической проблемы и с валидностью трактовки понятийного аппарата, который собственно и должен характеризовать набор интегральных оценок признаков-факторов и идентифицированных обстоятельств существования обсуждаемого термина в форме психосоматического заболевания — нервная орторексия (НО).

А при поиске механизма причинно-следственных связей возникновения подобного недуга важно располагать достоверной информацией о периодически уточняемом содержании понятия *качество жизни*, по которому не утихают дискуссии исследователей, представляющих многие специальности и научные направления. В этом смысле представляет специальный интерес и заслуживает особого внимания деятелей социально-экономического научного сообщества острота последних обсуждений вокруг мема и контента «доказательная медицина» [3] с учетом особенностей собираемых аудиторий.

Во-первых, тех настоящих специалистов, что проявляют повышенный интерес к построению надежной, универсальной и сбалансированной системы технико-экономических показателей, которые призваны достоверно отразить материальную сторону жизни и усредненного человека, и общества в целом, а также зафиксиро-

¹ Согласно эпигенетическим представлениям, экспрессия генов зависит от стрессовых воздействий (от англ. stress — напор, гнет, напряжение), т. е. является неспецифическим раздражителем, вызывающим у индивида состояние стресс-ситуации.

вать реальную степень обеспеченности социума материальными, натурально-вещественными и социально-экономическими благами.

Во-вторых, тех многочисленных оппонентов подобному, т. е. изложенному выше, взгляду на суть понятия *качество жизни*, что придерживаются принципиально иной социологической ориентации на построение альтернативной группы неких комплексных показателей метафизической сущности бытия, социальной и иной удовлетворенности населения страны в конкретных разрезах и аспектах существования, и социума в целом в рамках агностического или безусловно религиозного восприятия реальности, т. е. бытия. Иллюстрацией такого своеобразного подхода могут служить разнообразные попытки властных структур построить официальные статистические индексы «счастья», коэффициенты «удовлетворенности» населения всем и вся, индикаторы «социального оптимизма» и пр.

Высказанное экстрактно позволяет авторам статьи в качестве рабочей гипотезы попытаться предельно корректно сформулировать в онтологическом и/или социально-политическом ключе два крайне актуальных, комплексных по составу элементов, непростых, с точки зрения понимания механизма причинно-следственных связей, и одновременно интересных вопроса, связанных с достижением цели проводимого авторами исследования:

- могут ли конкретные случаи расстройства пищевого поведения отдельных индивидов в форме НО быть связаны с понижением в последние, начиная с 2012 г., кризисные годы уровня качества жизни россиян, резким ухудшением качества потребляемых продуктов питания **и/или**, соответственно, с обострением девиантного поведения в среде подростковых (пубертатного периода) и юношеских возрастных групп?
- является ли принявший нестандартные и болезненные формы проявления феномен так называемого *здорового и правильного питания* новой разновидностью какой-либо болезни из общепринятого перечня медицинской симптоматики (например, психиатрический недуг) **или же** это просто наблюдаемый в последнее время особый вариант социально-культурного поведения, в рамках установленных и выделенных фокус-групп, выявленных и идентифицированных профессиональной социологией субкультур?

Методы

Для исследования явления НО авторами данной статьи были изучены официально подтвержденные медицинскими показаниями факты, анамнез и отобраны в большую репрезентативную выборку лица (162 пациента — 111 женщин, 51 мужчина), обладающие четко диагностированным *обсессивно-компульсивным расстройством* (ОКР) типа личности [21] или имеющие соответствующие предпосылки для самостоятельного внесения в свою жизнь необходимых *диетических ограничений* [4]. Цель подобных ограничений декларируется необходимостью укрепить здоровье. Но именно обращение к разнообразным спорным диетам парадоксальным образом влечет за собой прямые серьезные негативные психосоматические последствия для физического здоровья и/или психологического состояния индивида. Так, по информации Роберта Лихи (*Leahy R. L.*), порядка 2,5% американцев когда-то имели ОКР, что на момент актуализации сведений составило, в оценке авторов, примерно 7,67 млн человек [4].

Зафиксированные авторами данной статьи проявления наблюдались, например, в форме искусственной социальной изоляции, состояния повышенной тревожности, потери способности питаться согласно установленным традиционным/культурным моделям диет, снижения уровня рационально ориентированного поведения в целом ряде полезных для здоровья человека видов экономической деятельности.

Критериальные признаки-факторы диагностики и симптоматики тревожного явления НО с ее невнятной этиологией находят свое отражение в концепции *ритуализма* как специфического вида поведения личности, основой которого служит, в свою очередь, значимость и важность конкретного персонального действия, вне зависимости от выявленной эффективности этого действия. В известных, по литературным источникам, фактах, правда, в достаточно редких, к счастью, случаях, выбранный новый образ жизни наблюдаемых лиц с подобным целеполаганием не только создавал угрозы их здоровью, но и приводил даже к летальным исходам¹.

В качестве специального медицинского термина понятие *орторексия* впервые было введено в научный оборот американским врачом Стивеном Братманом в 1997 г. [8]. В журнале «*Yoga Journal*» указанный автор уточнил и дополнил термин уже как *нервная орторексия* — НО (*ortho*, орто — правильный/верный и *orexis*, όρεξις — присутствующий аппетит), что, по его мнению, буквально означало *правильный аппетит*, или же применительно к общепринятой практике — *правильное питание*, как это пространно, но убедительно трактуется в работе [9], а с элементами дискуссии — также в [19]. Представляется правомерным не смешивать нарождающийся недуг НО с классической *нервной анорексией* (Дж. Торенс Уилсон; Кэтлин М. Пайк), основной синдром которой заключается в полном отсутствии аппетита (с вариантами его принудительного подавления) при объективной потребности пациента в полноценной еде [6, p. 487].

На данный момент не существует каких-либо строгих диагностических критериев НО, и ее диагноз не включен в классификаторы *DSM-V* (диагностическое и статистическое Руководство по психическим расстройствам) и *МКБ-10* (Международный классификатор болезней). Соответственно, такой диагноз не может быть поставлен официально, однако специалисты в области психиатрии и медицинской психологии широко используют термины видовых *орторексий* при клиническом описании данного расстройства пищевого поведения индивида в качестве уже пациента клиники или при его амбулаторном наблюдении. К настоящему времени на данную тему были опубликованы в различных рецензируемых журналах международного авторитетного уровня, в поисковых платформах *Scopus*, *Web of Science* и в других системах четыре специальных тематических доклада и более 35 научных статей [13].

Согласно данным предыдущих исследований, опубликованных в период 2011–2017 гг., из 111 случаев голландских пациентов с заявленным расстройством пищевого поведения специалисты полагают, что в 74 случаях (т.е. в 66,67% по выборке) в своей клинической практике они наблюдали четко выраженный синдром НО. Тем не менее, официально Американская психиатрическая ассоциация вообще не признает *орторексию* расстройством приема пищи, ссылаясь при этом на комментарии к документам *DSM-III*, *DSM-IV*, а также на мнения авторитетных специалистов, занимающихся прикладной психиатрией, но исключительно на территории США [22].

Авторы настоящей статьи в табл. 1 формулируют свое представление о наличии существенных различий по избранным критериям в отношении трактовки принципов традиционного питания и феномена так называемого *здорового и правильного питания* при НО в качестве одной из рабочих гипотез.

Однако известными итальянскими учеными были проведены предварительные исследования, показавшие, что данный диагноз НО выставлять можно официально, поскольку он достаточно специфичен и отражает реально существующие клинические проявления и процессы, протекающие в организме пациента [12]. Еще раньше,

¹ Fatal Orthorexia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthorexia.com/original-orthorexia-essay/fatal-orthorexia/> (дата обращения: 14.02.2019),

**Сравнение НО (так называемого здорового и правильного питания)
и традиционного питания**

Table 1. Comparison of orthorexia nervosa (*healthy and proper nutrition*)
and traditional nutrition

№ п/п	Критерий	Нервная орторексия (НО)	Традиционное питание
1	Выбор пищи	Потребляется, по мнению индивидуума, «исключительно правильная, натуральная и здоровая» пища	Критерий выбора: привычка, вкусовые предпочтения индивидуума. Ест то, что «хочется» и что удовлетворяет его персональную пищевую потребность
2	Вид пищи	Очень узкий, вплоть до одного единственного, но «проверенного» поставщика-вендора	Широкий спектр продуктов, не боится пробовать новое и неизвестное
3	Сравнение пищи	По критерию «полезности» осуществляет дихотомический выбор: овощи лечат рак, а мясо, дрожжи — это яд*	По интуитивному персональному ощущению респондента: «хочу — не хочу», «нравится — не нравится»
4	Социальные контакты	Чувство превосходства над другими и желание навязать им свой стиль питания. Выбирает соответствующее социальное окружение (сторонников диеты). Ограничивает общение с теми, кто не соблюдает установленный пищевой паттерн, как с «лицами неправильными»; избегает «неправильных» ресторанов, мест и друзей	«Каждый ест так, как хочет». Нет проблем с потреблением непривычной пищи. Пища не влияет на выбор социального окружения, потребление пищи в компании приветствуется. Прием пищи рассматривается как способ наладить новые социальные контакты, в том числе полезные, включая даже карьерные соображения
5	«Срывов» с диеты нет	Повышенная самооценка, чувство превосходства, ощущения жесткого самоконтроля	Не отмечается при разумно и сознательно выстроенных диетах, включая медицинские рекомендации
6	Есть «срывы» на диете	Гипертрофированное чувство вины, паника, самообвинения, «самокопание» и иной алармизм по данному поводу	Изменение стиля питания редко рассматривается в аспекте «вред здоровью». Чаще всего под воздействием привходящих обстоятельств
7	Финансовая составляющая потребляемой пищи	Выраженные финансовые расходы на «правильную» пищу; навязчивые мысли о еде более трех часов в день; тревога при отсутствии финансовой возможности обеспечить себя «здоровой» пищей	Выбор продуктов осуществляется исходя из личного финансового благополучия, индивидуальных пищевых предпочтений и традиционного рациона
8	Удобство питания	Отнимает много времени	Экономит время на еду
9	Планирование рациона	Строгий подсчет макроэнергетического состава пищи (калории — нарастающим итогом), жесткое меню на день, на неделю, на месяц вперед и даже, заглядывая дальше	Прием пищи осуществляется с учетом физической активности и реального аппетита, чувства голода, рациональных соображений и здравого смысла

№ п/п	Критерий	Нервная орторексия (НО)	Традиционное питание
10	Цель изменения способа питания	Взять свою жизнь под строгий контроль, улучшить состояние здоровья и внешнее обличье по меркам, стандартам конкретной «мега-звезды»	Пища служит утилитарным и гедонистическим целям, потребностям в социальных контактах
11	На что обращает внимание индивид	Мнение знаменитых авторитетов, модные книги, бестселлеры, гуру, целители и прочие «властители дум»	Мнение медицинских организаций. Физический комфорт, удобство, объективные физиологические изменения

*<https://www.youtube.com/watch?v=rC2ZITmlG8w> (дата обращения: 23.02.2019).

Источник: составлено авторами.

в 2009 г., Урсула Филпот (*Ursula Philpot*), председатель Британской диетологической ассоциации и профессор Городского университета Лидса, описала пациентов с НО в журнале «The Guardian» как лиц, исключительно обеспокоенных качеством принимаемой пищи, основным критерием выбора которой является соответствие продуктов достаточно виртуальным категориям *чистых* или *правильных* [11].

Тест, который предложили исследователи *L. M. Donini & D. Marsili*¹, для диагностики НО (ORTO-15), показал хорошую прогностическую способность при пороговом значении в 40 баллов (эффективность 73,8%, чувствительность 55,6% и специфичность 75,8%) и может использоваться в практике диагностики пациентов с расстройствами, используя сведения из табл. 2 по 15 специализированным вопросам. Однако дальнейшее изучение этого вопроса, по мнению авторов статьи, необходимо продолжить и верифицировать на российских материалах, а также при проведении специального обследования по регионам страны и крупным городам-миллионникам.

Авторами был проведен онлайн-опрос пользователей социальных сетей, интересующихся вопросами здорового образа жизни и питания, оценена их активность на порталах и сайтах указанных сетей, проанализированы особенности пищевого поведения и специфические симптомы нервной орторексии с помощью опросника ORTO-15. Как представляется, методологический дизайн подобного исследования может быть использован и в будущих исследованиях с аналогичными целями, а полученная информация послужит ценной накапливаемой базой изучения переживаний людей, страдающих от дистресса, а также для дальнейшего уточнения диагностических критериев НО.

Приведем перечень вопросов комплексного теста *Donini&Marsili*, используемого при диагностике НО. При этом предлагаются четыре варианта ответа на каждый из вопросов: «Всегда», «Часто», «Иногда», «Никогда»:

1. Думаете ли Вы о калорийности пищи во время еды? 2. Чувствуете ли Вы замешательство, когда идете в продуктовый магазин? 3. Беспокоят ли Вас мысли о еде в последние три месяца? 4. Обусловлен ли выбор пищи беспокойством о состоянии вашего здоровья? 5. Является ли вкус пищи более важной характеристикой, нежели ее качество, когда Вы оцениваете еду? 6. Готовы ли Вы потратить

¹ Orthorexia nervosa: Validation of a diagnosis questionnaire [Электронный ресурс]. URL: <https://orthorexia.com/wp-content/uploads/2010/06/Donini-Orthorexia-Questionnaire.pdf> (дата обращения: 14.02.2019).

Таблица выставления баллов для теста ORTO-15 при диагностике НО
 Table 2. The scoring table for the ORTO-15 test in the diagnosis of *orthorexia nervosa*

Группы вопросов-идентификаторов п/п	№ вопроса теста ORTO-15	Варианты ответов по тесту			
		всегда	часто	иногда	никогда
1	2-5-8-9	4	3	2	1
2	3-4-6-7-10-11-12-14-15	1	2	3	4
3	1-13	2	4	3	1

больше денег, чтобы есть здоровую пищу? 7. Волнуют ли Вас мысли о еде в течение более трех часов в день? 8. Позволяете ли Вы себе какие-нибудь нарушения в режиме питания (условно — пищевые грехи)? 9. Как Вы полагаете, Ваше настроение влияет на пищевое поведение? 10. Считаете ли Вы, что убеждение есть только здоровую пищу повышает Вашу самооценку? 11. Как Вы думаете, употребление здоровой пищи повлияло на Ваш образ жизни (частота питания, друзья, другое)? 12. Вы думаете, что употребление здоровой пищи может улучшить Ваш внешний вид? 13. Чувствуете ли Вы вину при нарушениях в режиме питания (условно — пищевые грехи)? 14. Думаете ли Вы, что в продаже есть еще и нездоровая пища? 15. В настоящее время Вы употребляете пищу в одиночестве?

Результаты

Если уже отмеченные выше исследователи расстройств пищевого поведения Дж. Торенс Уилсон и Кэтлин М. Пайк наглядно различали причины возникновения и симптоматику *нервной анорексии* от *нервной булимии* [6], то, по мнению также упомянутого британского диетолога У. Филпот [17] и других авторитетных авторов, главным отличием орторексии от других распространенных видов расстройств пищевого поведения пациента является беспокойство последнего об отклонениях качественных характеристик принимаемых продуктов питания от указанных выше рамочных категорий (здоровые и/или нездоровые продукты). Именно это обстоятельство, как отмечает А. Хилл (*Amelia Hill*), позволяет отличать НО от *анорексии* и *булимии*, при которых основное внимание пациент уделяет, во-первых, объемам съеденного пищевого продукта (количественные, физические характеристики натурально-вещественного состава) и, во-вторых, надежно измеряемым мерам калорийности и энергетической ценности пищевых ингредиентов [15]. Авторы данной статьи полностью разделяют такой подход А. Хилл к идентификации и диагностике НО.

Активное использование авторами социальных сетей как источника актуальных данных было связано с тем обстоятельством, что их пользователи располагают наиболее полным набором рисков и обладают наибольшей угрозометрией в отношении НО, с которой ни так называемый индекс массы тела, ни возраст респондентов не имеют, как обнаружили авторы, какой-либо заметной связи. Распространенность нервной орторексии среди исследуемой условной *net*-популяции составила чуть более 49%, что, однако, значительно выше, нежели в общем массиве популяции — около 1%.

Наши результаты показывают, что присутствие в интернет-сообществах дискуссионных панелей по здоровому питанию повышает шансы распространенности

симптоматики НО у сетевых пользователей, поскольку воздействие на них той или иной медийной «знаменитости», властителя дум в условиях миллионной аудитории подписчиков и десятков миллионов просмотров имеет решающее значение. И это влияние имеет своеобразные микс-последствия — как клиника развития НО, так и длительный процесс восстановления расстройств пищевого поведения.

В отношении участников онлайн-опроса устанавливалось: их возраст (полные годы), половая принадлежность / самоидентификация (по выбору респондента), национальная и конфессиональная принадлежность, район проживания, рост (см), вес (кг), а также среднедушевой доход в данной семье. Собранная информация по росту и весу оказалась не полной (3,57% от объема выборки). В ходе онлайн-опроса авторами также установлено, что для индивида, страдающего нервной орторексией, в общепринятой коннотации образа жизни принцип «здорового питания» становится настолько важным, что озабоченность этим вопросом не оставляет места для каких-либо иных интересов и увлечений в его жизни. В этой ситуации пищевой рацион индивида определяется уже исключительно по критерию *предельной полезности (marginal utility)* съедаемого продукта. При этом вкусовые индивидуальные предпочтения самого потребителя им же, как это не покажется странным, во внимание вообще не принимаются.

Кроме того, авторами обнаружено, что НО присущи феномены так называемого *охранительного и избегающего поведения*, входящих в группу неспецифических и панических пищевых расстройств, изолированных фобий и даже агорафобии, т.е. намеренное исключение из персонального рациона очевидно «вредных» или заведомо «запрещенных» продуктов питания, страхи принятия пищи в публичных местах, еды в грязных условиях, присутствия испорченных продуктов и прочее [10].

В случае нарушения диеты употребление этих самых запрещенных (в рамках персонального диетического перечня) продуктов вызывает ощущение заметной тревожности, серьезного возбуждения и сильное, даже гипертрофированное чувство вины, боязнь проявления собственных эмоций и непредвиденных действий. Весь перечисленный набор компульсий корреспондирует с широко известной, как стилистическая фигура речи в риторике, аллюзией — «Я — грязная», а также иных вариантов возможного восприятия порушенных для индивида самоограничений и аскезы. Статистические результаты онлайн-опроса показаны в табл. 3.

Статистический анализ проводился в *Microsoft Excel 2014* и *SPSS Version-18*. Поскольку данные об использовании социальных сетей были непараметрическими, для определения взаимосвязей между показателем ORTO-15 и использованием социальных сетей рассчитывался коэффициент корреляции рангов Ч. Спирмена. К стохастическому же распределению баллов по схеме ORTO-15 применялась статистика связи К. Пирсона, и, соответственно, оценивались коэффициенты парной корреляции между балльными характеристиками как результативным признаком-фактором и учтенными признаками-факторами — возрастом, ИМТ и других характеристик респондентов на уровне 1,25% статистической значимости различий.

Что касается специфических особенностей социально-психологического поведения пациентов с расстройствами пищевого поведения в виде НО, то они испытывают большую, нередко чрезмерную, потребность быть любимым и чувствовать себя защищенным в самом широком смысле. В большинстве случаев эти лица чувствуют себя неудачниками, слабыми, и они зачастую испытывают длительное и мучительное смешанное чувство стыда и вины. Пациенты с расстройствами пищевого поведения склонны к самоуничтожению и заниженной самооценке личности. Они, согласно результатам проведенного авторами опроса, часто утверждают в наборе сентенций будто бы: «чувствуют, что не могут есть», или «если поедят, то ощущают себя виноватыми, как будто сделали что-то такое, чего не должны были делать», или «взяли что-то некое, чего они не заслужили».

Сводные результаты статистического анализа большой выборки онлайн-опроса по отдельным признакам-факторам

Table 3. Summary results of statistical analysis of a large sample online survey on individual signs-factors

№ п/п	Признак-фактор, оцениваемый по выборочной совокупности участников онлайн-опроса	Доверительный интервал выборочного среднего с вероятностью утверждения в $p = 95,40\%$, $t = 2$
$k \quad \overline{1, K}$	x_k	$\overline{x_k^{\max}} \geq \overline{x_k} \pm \mu_{x_k} \times t \geq \overline{x_k^{\min}}$
1	Возраст, полных лет	25,37 ± 6,92
2	Индекс массы тела (ИМТ), %	22,14 ± 3,89
3	Число съеденных видов продуктов из предложенного перечня $j = 1, m$; $m = 20$, ед.	12,65 ± 4,12
4	Оценка ORTO-15, баллы	37,28 ± 3,16
5	Рацион питания по видам пищевого поведения, % объема выборки	а) веганы — 22,84; б) всеядные — 35,47; в) вегетарианцы — 10,21; г) прочие — 31,48
6	Район проживания респондента, %	а) г. Санкт-Петербург — 54,45; б) Ленинградская область — 27,14; в) другие субъекты РФ — 18,41

Источник данных: авторский онлайн-опрос в период 01.09.2018 — 30.12.2018; число респондентов $n = 612$.

Также важной особенностью социально-психологического поведения больного НО, принятой авторами к изучению, является упомянутый выше «ритуализм» как особый тип поведения личности, подчеркивающий важность и значимость самой рутины как ритуала, вне зависимости от исхода ритуального поведения¹. Известно, что ритуальное поведение в общественной жизни несет в себе специфическую социально-психологическую функцию. Согласно мнению американского исследователя образа жизни Роберта Мертона, лицо, исполняя какой-либо ритуал, даже сакральный по своему содержанию, чувствует себя вполне спокойным и достаточно защищенным даже при полной уверенности, что никогда, тем не менее, не достигнет намеченной конкретным ритуалом вожденной цели [18].

Законченная убежденность в том, что представляет собой образ «здорового питания», часто формируется под воздействием различных, подчас скандальных и двусмысленных, авторских диетических теорий и сомнительных практик вроде сыроедения, экстремальных диет, фитнес-диет, веганства и пр., пр., пр. А плоды реализации большинства популярных и известных диет сводятся к снижению пациентом собственного веса. Но единственным известным научному сообществу, достоверным, надлежащим, а также безвредным способом снижения веса соб-

¹ Social Structure and Anomie [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/2084686> (дата обращения: 15.02.2019).

ственного тела является соблюдение *сбалансированной гипокалорийной диеты*. Именно такой способ не противоречит сложившимся представлениям о *качестве жизни* и не понижает ее достигнутый в предыдущий период уровень.

Но свой значительный вклад в образ мыслей различных фокус-групп населения разных стран вносят и средства массовой информации (СМИ). Совокупный информационный эффект оказывается настолько явным и заданным, что отдельные исследователи предполагают — подобное психологическое давление со стороны сверстников и шаблоны восприятия идеализированных форм применительно к собственному телу, навязываемые в медиапространстве, являются значимыми паттернами, новыми детерминантами и традиционными факторами потребительских стереотипов и поведения индивидуума в любой как развитой, так и развивающейся стране мирового сообщества [9].

У достаточно большого числа респондентов из опроса (24,31%), страдающих НО, также присутствуют психические и физиологические заболевания, такие как депрессия, беспокойство, навязчивое поведение, злоупотребление психоактивными и психотропными препаратами, сердечно-сосудистые и неврологические нарушения, а, кроме того, в ходе опроса обнаружены нарушения в физическом развитии. Те же, кто надолго попал в поле воздействия так называемых *странных циклов* расстройства питания и спорных диет, может окончательно потерять естественное и физиологическое умение видеть, как питаются другие представители *модальных* статистических групп населения страны.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Афанасенко И. Д. Россия в изменяющемся мире. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. 338 с.
2. Захарьин Г. А. Клинические лекции и избранные статьи. М. : «Печатня» А. И. Снегиревой, 1910. 557 с.
3. Зорин Н. А. Введение в доказательную медицину // Эстетическая медицина. 2009. Т. VIII. № 4. С. 377–383.
4. Лихи Роберт Л. Свобода от тревоги. Справься с тревогой, пока она не расправилась с тобой / Пер. с англ. А. Соломиной. СПб. : Питер, 2017. 368 с.
5. Незнанов Н. Г., Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Кризис естественнонаучного и гуманитарного подходов в психиатрии // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2019. № 1. С. 8–15.
6. Уилсон Торенс Дж., Пайк Кэтрин М. Расстройство пищевого поведения. Глава 8 // Клиническое руководство по психическим расстройствам / под ред. Д. Х. Барлоу. 3-е изд. СПб. : Питер, 2008. 912 с. С. 487–516.
7. Booth Ch. Life and labor of the people in London. London — New York, 1892. 33 p.
8. Bratman S. What is Orthorexia? M. S. of Public Health, Medical College of Wisconsin, Madison WI, 1997.
9. Bratman S. Health Food Junkie // Yoga Journal 1997; September/October. — pp. 42–50.
10. Brewerton Timothy D. “Eating Disorders, Trauma, and Comorbidity: Focus on PTSD”, Eating Disorders: The Journal of Treatment & Prevention 15, N 4 (2007). 285 p.
11. Cockfield A., Philpot U. (2009) Symposium 8: Feeding size 0: The challenges of anorexia nervosa Managing anorexia from a dietitian's perspective. In: American Journal of Medicine, pp. 281–288 / <https://doi.org/10.1017/S0029665109001281>.
12. Donini L., Marsili D., Graziani M., Imbriale M., Cannella C. Orthorexia nervosa: a preliminary study with a proposal for diagnosis and an attempt to measure the dimension of the phenomenon. Eat Weight Disord 9(2), 2004. pp. 151–157.
13. Dunn T.M & Bratman S. 2016. On orthorexia nervosa: A review of the literature and proposed diagnostic criteria. Eating Behaviors, 21. pp. 11–17.
14. Grant P. M. Defeatist beliefs as a mediator of cognitive impairment, negative symptoms and functioning in schizophrenia / P. M. Grant, A. T. Beck // Schizophrenia Bull. 2009. Vol. 35. pp. 798–806.

15. Hill Amelia (16 August 2009). "Healthy food obsession sparks rise in new eating disorder". *The Guardian*. London. Retrieved 16 October 2010.
16. Patterson J. T. America's struggle against poverty 1970–1980. Cambridge : Harvard Univ, 1981. pp. 6–9.
17. Philpot U. (2013). Eating disorders in young people with diabetes: Development, diagnosis and management. *Journal of Diabetes Nursing*, vol. 17 (6), p. 228–232.
18. Robert K. Merton. Social Structure and Anomie. Harvard University. *American Sociological Review*. Vol. 3, N 5 (Oct., 1938), pp. 672–682.
19. Rochman B. Orthorexia: Can Healthy Eating Be a Disorder?; *Bratman, Steven*. What is Orthorexia? 4 June 2009.
20. Rowntree B. S. Poverty: A Study of Town Life. 3d ed. L. : MacMillan, 1902. Ch. 5-P. 252 p.
21. Taylor S. "Cognition in Obsessive Compulsive Disorder: An Overview", in *Cognitive Approaches to Obsessions and Compulsions: Theory, Assessment and Treatment*, eds. Randy O, Frost and Gail Steketee. New York : Pergamon, 2002. pp. 1–14.
22. Vandereycken W. (2011). Media hype, diagnostic fad or genuine disorder? Professionals' opinions about night eating syndrome, orthorexia, muscle dysmorphia, and emetophobia. *Eating Disorders*, 19(2). pp. 145–155.

Об авторах:

Цацулин Александр Николаевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; vash_64@mail.ru; tsatsulin-an@ranepa.ru

Цацулин Борис Александрович, магистрант направления подготовки «Научная коммуникация» Национального исследовательского университета ИТМО (Санкт-Петербург, Российская Федерация); tsatsan@yandex.ru; сайт: <http://cmtscience>

References

1. Afanasenko I. D. Russia in a changing world. SPb. : SPbUE publishing house, 2019. 338 p. (In rus)
2. Zakhariin G. A. Clinical lectures and selected articles. M. : "Printing" A. I. Snevireva, 1910. 557 p. (In rus)
3. Zorin N. A. Introduction to evidence-based medicine // *Aesthetic medicine [Esteticheskaya meditsina]*. 2009. Vol. VIII. N 4. P. 377–383. (In rus)
4. Leahy Robert L. Anxiety free: Unravel Your Fears Before They Unravel You / translation from English A. Solomina. SPb. : Piter, 2017. 368 p. (In rus)
5. Neznanov N. G., Kotsubinsky A. P., Kotsubinsky D. A. Crisis of Natural Science and Humanitarian Approaches in Psychiatry // *Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V. M. Bekhterev [Obozrenie psikiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva]*. 2019. N 1. P. 8–15. (In rus)
6. Wilson T. G., Pike Kathleen M. Eating Disorder. Chapter 8 // *Clinical Manual of Mental Disorders / ed. D. H. Barlow*. 3rd ed. SPb. : Piter, 2008. 912 p. P. 487–516. (In rus)
7. Booth Ch. Life and labor of the people in London. London — New York, 1892. 33 p.
8. Bratman S. What is Orthorexia? M. S. of Public Health, Medical College of Wisconsin, Madison WI, 1997.
9. Bratman S. Health Food Junkie // *Yoga Journal* 1997; September/October. — pp. 42–50.
10. Brewerton Timothy D. "Eating Disorders, Trauma, and Comorbidity: Focus on PTSD", *Eating Disorders: The Journal of Treatment & Prevention* 15, N 4 (2007). 285 p.
11. Cockfield A., Philpot U. (2009) Symposium 8: Feeding size 0: The challenges of anorexia nervosa Managing anorexia from a dietitian's perspective. In: *American Journal of Medicine*, pp. 281–288 / <https://doi.org/10.1017/S0029665109001281>.
12. Donini L., Marsili D., Graziani M., Imbriale M., Cannella C. Orthorexia nervosa: a preliminary study with a proposal for diagnosis and an attempt to measure the dimension of the phenomenon. *Eat Weight Disord* 9(2), 2004. pp. 151–157.
13. Dunn T. M. & Bratman S. 2016. On orthorexia nervosa: A review of the literature and proposed diagnostic criteria. *Eating Behaviors*, 21. pp. 11–17.
14. Grant P. M. Defeatist beliefs as a mediator of cognitive impairment, negative symptoms and

- functioning in schizophrenia / P.M. Grant, A. T.Beck // Schizophrenia Bull. 2009. Vol. 35. pp. 798–806.
15. Hill, Amelia (16 August 2009). "Healthy food obsession sparks rise in new eating disorder". The Guardian. London. Retrieved 16 October 2010.
 16. Patterson J. T. America's struggle against poverty 1970–1980. Cambridge : Harvard Univ., 1981. pp. 6–9.
 17. Philpot U. (2013). Eating disorders in young people with diabetes: Development, diagnosis and management. Journal of Diabetes Nursing, vol. 17 (6), p. 228–232.
 18. Robert K. Merton. Social Structure and Anomie. Harvard University. American Sociological Review. Vol. 3, N 5 (Oct., 1938), pp. 672–682.
 19. Rochman B. Orthorexia: Can Healthy Eating Be a Disorder?; Bratman, Steven. What is Orthorexia? 4 June 2009.
 20. Rowntree B. S. Poverty: A Study of Town Life. 3d ed. L. : MacMillan, 1902. Ch. 5–P. 252 p.
 21. Taylor S. "Cognition in Obsessive Compulsive Disorder: An Overview", in Cognitive Approaches to Obsessions and Compulsions: Theory, Assessment and Treatment, eds. Randy O, Frost and Gail Steketee. New York : Pergamon, 2002. pp. 1–14.
 22. Vandereycken W. (2011). Media hype, diagnostic fad or genuine disorder? Professionals' opinions about night eating syndrome, orthorexia, muscle dysmorphia, and emetophobia. Eating Disorders, 19(2). pp. 145–155.

About the authors:

Alexander N. Tsatsulin, Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; vash_64@mail.ru; tsatsulin-an@ranepa.ru

Boris A. Tsatsulin, Undergraduate of the "Scientific Communication" training area of the National Research University ITMO (St. Petersburg, Russian Federation); tsatsan@yandex.ru; site: <http://cmtscience>

Управленческая структура редакции: функции и назначение

Ким М. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kim-mn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются коллегиальные и персонализированные формы управления редакционным коллективом. По мнению автора, в современных редакциях управленческое звено издания подвержено постоянным изменениям и поискам. Здесь все зависит не только от количественного состава редакции, но и от тех управленческих задач, которые стоят перед руководством издания. Какая модель управления наиболее предпочтительна в современных условиях? Какие управленческие задачи стоят перед руководством редакции? Какие функциональные роли они выполняют? Вот те немногие вопросы, на которые автор попытался дать ответы в данной статье. Целью настоящего исследования является определение основных функций коллегиальных и персонализированных субъектов управления, от которых во многом зависит успешность деятельности редакционного коллектива. В современной редакции управленческие функции могут выполнять как коллегиальные органы (редакционная коллегия, секретариат), так персонализированные лица (главный редактор, ответственный секретарь и др.). Свои регулятивные функции они могут выполнять через принципы директивности, регламентации и нормативности. Чтобы показать, как на практике реализуются данные принципы, автор обращается к анализу опыта отечественных СМИ в сфере редакционного менеджмента.

Ключевые слова: редакционная коллегия, секретариат, функции, директивность, регламентация, нормативность, редакционный менеджмент

Managerial Structure of Editorship: Functions and Purposes

Maksim N. Kim

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; kim-mn@ranepa.ru

ABSTRACT

In the article the author considers collective and personalized forms of management of the editorial staff. In the author's opinion, in the modern editions the administrative link of the edition is subject to constant changes and searches. It all depends not only on the quantitative composition of the editorial board, but also on the management tasks ahead for the leadership of the publication. What is the model of management the most preferable in modern conditions? What are administrative tasks of editorial management? What functional roles do they play? These are the primary issues that the author tried to answer in this article. The primary research objective of this project is the determine the main functions of collegial and personalized subjects of management, on which the success of the editorial team mainly depends. In the modern edition, management functions can be performed collegial bodies (editorial board, secretariat) as well as by personalized persons (editor-in-chief, Executive Secretary, etc.). They can perform their regulatory functions through the principles of directive, regulation and normativity. The author appeals to the analysis of domestic media experience in the field of editorial management, to show how these principles are put into practice.

Keywords: editorial board, secretariat, functions, directive, regulation, normativity, editorial management

Введение

Управленческие функции в редакционном коллективе осуществляют, с одной стороны, коллегиальные органы управления (редакционная коллегия, редакторат), а с другой — ответственные за выпуск издания медиаменеджеры (главный редактор, заместитель редактора, выпускающий редактор, шеф-редактор, ответственный секретарь, бильд-редактор, заведующий отдела, руководитель проектной группы и т. д.). В современных редакциях управленческое звено издания подвержено постоянным изменениям и поискам. Здесь все зависит не только от количественного состава редакции, но и от тех управленческих задач, которые стоят перед руководством издания. Коллегиальные формы управления, как правило, создаются в крупных изданиях. Члены редколлегии участвуют не только в выработке редакционной политики издания, но и в решении различных управленческих задач, связанных с продвижением издания на внешние рынки сбыта. В их задачи входит:

- разработка перспективных и текущих планов работы;
- контроль за исполнением наиболее важных для редакции мероприятий;
- организация выбора главного редактора;
- участие редакции в различного рода акциях и мероприятиях, и мн. др.

В отсутствие коллегиальных органов управления всю ответственность за выпуск медийного продукта несет главный редактор, который одновременно может выступать и в качестве учредителя издания. В этом случае он единолично определяет всю редакционную и информационную политику издания. Какая модель управления наиболее предпочтительна в современных условиях? Какие управленческие задачи стоят перед редакционным менеджментом? Какие функциональные роли они выполняют? Вот те немногие вопросы, на которые мы попытались найти ответы в настоящей статье.

Гипотезой настоящего исследования является тот факт, что старая система управления редакционным коллективом отживает по нескольким причинам: во-первых, работая в рыночных условиях, многие редакционные коллективы вынуждены ориентироваться на законы спроса и предложения; во-вторых, неизменно расширяются сферы редакционного менеджмента; в-третьих, в принятии наиболее важных управленческих решений непосредственное участие принимают члены редакционного коллектива. Все это в своей совокупности кардинальным образом меняет функциональный характер управленческих органов редакции.

Целью настоящего исследования является определение основных функций коллегиальных и персонализированных субъектов управления, от которых во многом зависит успешность деятельности редакционного коллектива.

Материалы и методы

Для достижения необходимых результатов в данной работе использованы элементы ситуационного и сравнительного анализа, а также метод глубинного интервью. Для оценки текущего положения мы обратились к анализу опыта отечественных СМИ в сфере редакционного менеджмента.

Коллегиальные формы управления особенно необходимы в крупных медиапредприятиях и медиахолдингах, объединяющих в своей структуре несколько изданий. Коллективные органы управления создаются практически во всех крупных федеральных и региональных изданиях. Среди них особенно можно выделить: редакционную коллегию, в состав которой, как правило, входят представители учредителя,

издателя, государственных и общественных организаций; члены редактората (главный редактор, зам. редактора, ответственный секретарь), а также приглашенные эксперты и специалисты из различных сфер деятельности. Как видим, в редакционную коллегию входят очень компетентные специалисты, которые способны решать самые разные вопросы: финансовые, производственные, творческие и др.

В каких случаях необходим столь представительный коллегиальный орган управления? По мнению наших опрошенных экспертов¹, редакционные коллегии, как правило, создаются в крупных федеральных и региональных изданиях с большим количеством штатных творческих и технических сотрудников, наличием корпунктов не только внутри страны, но и за рубежом. В маленьких редакциях от трех до пяти человек наличие коллегиальных органов нецелесообразно, потому что все производственные и творческие вопросы решаются на уровне главного редактора или его заместителя.

Суть любого коллегиального обсуждения состоит в нахождении согласованных позиций по любому сложному вопросу. Даже тогда, когда мнения членов редакционной коллегии расходятся. Сочетание принципов единоначалия и коллегиальности в принятии важных для редакции решений наиболее распространенный подход в управленческой деятельности редакции. При этом коллегиальность предполагает открытое или тайное голосование по любому спорному вопросу. Решение в данном случае принимается простым большинством голосов. Стратегия большинства хороша тем, что она довольно проста и очевидна. Коллегиальность подразумевает не только учет разных мнений, но и дискуссионное обсуждение проблем, и мозговую атаку, и совместный поиск наиболее приемлемых для всех решений. Такое предварительное обсуждение позволяет не только прийти к определенному консенсусу, но и принять соответствующие документы: приказы и распоряжения, исполнение которых является уже обязательным для всех членов редакционного коллектива.

Каким образом выстраивают свою работу коллегиальные органы управления редакции, что входит в спектр их полномочий?

Во многих редакционных уставах, как показал наш сравнительный анализ, четко регламентируются функциональные задачи, стоящие перед данным коллегиальным органом управления. Для примера рассмотрим основные типовые функции редакционной коллегии журнала.

«Редакционная коллегия:

- разрабатывает, обсуждает и утверждает текущие и перспективные редакционные планы, контролирует их выполнение;
- предлагает новые направления деятельности Редакции;
- рассматривает вопросы творчества, журналистской этики и профессиональной самостоятельности Редакции;
- обеспечивает создание в коллективе благоприятной атмосферы, способствующей наиболее полной реализации творческих возможностей каждого сотрудника;
- определяет методы и способы проведения газетных кампаний, выпуска специальных полос и номеров, принимает решения по введению новых рубрик и снятию устаревших;
- выносит мнение по судьбе спорных материалов, предложенных к публикации;
- заботится о повышении профессионального мастерства журналистов, улучшении условий труда и быта сотрудников Редакции;
- поддерживает связи с другими периодическими изданиями, творческими союзами и организациями;

¹ Экспертный опрос главных редакторов газет, учредителей изданий и членов редакционных коллегий проводился в 2017–2018 гг. методом глубинного интервью. Всего в опросе приняли участие более 20 человек.

- принимает решения об участии в творческих конкурсах и объявлении их от имени Редакции;
- обсуждает кандидатуры и рекомендует их на занятие вакансий должностных лиц, творческих работников Редакции»¹.

Из данного спектра полномочий видно, что редакционная коллегия, по сути, может на свои обсуждения выносить любые вопросы, касающиеся деятельности редакционного коллектива. Столь широкие возможности в рассмотрении и принятии управленческих решений делает этот орган не только самым авторитетным и влиятельным в издании, но и постоянно действующим рабочим органом. В чем это проявляется? Во-первых, в непосредственном участии редакционной коллегии в предварительном обсуждении и анализе каждого выпуска издания; во-вторых, в создании портфеля редактора; в-третьих, участие в повседневной жизни редакции. Вопросы, связанные с обсуждением готовящихся к публикации материалов, являются самыми важными в деятельности редакционной коллегии. На подобных заседаниях решаются планы выпусков очередных номеров относительно их общественной необходимости, актуальности, соответствия профилю издания и информационным ожиданиям аудитории. Здесь же могут быть проанализированы материалы вышедшего в свет номера. Такой анализ помогает выявить членам редколлегии наиболее слабые и неэффективные материалы, отметить лучшие, предложить рекомендации по улучшению дизайна и стиля издания и т.п. На такого рода совещания могут быть приглашены и рядовые сотрудники редакции, которые участвовали или участвуют в выпуске издания. Участие членов редколлегии в подготовке и выпуске издания может быть связано и с формированием редакторского портфеля. С одной стороны, сами эксперты, входящие в состав данного органа управления, могут выступать в качестве авторов, а с другой — помогать редакции в формировании авторского актива в той области, в которой они работают. Какие плюсы видятся от такой деятельности? Во-первых, действующие члены редколлегии могут иметь свою авторскую рубрику или колонку и выступать в них на постоянной основе или же по необходимости. Мнение экспертов всегда ценно для редакции, так как они обладают не только глубинными знаниями по обсуждаемой ими проблеме, но и высокую степень профессиональной компетентности, что позволяет им делать взвешенные оценки и выводы. Во-вторых, благодаря своим связям в реальной жизни, эксперты могут сформировать вокруг редакции авторский актив, который также будет в дальнейшем работать на портфель редактора.

Участие членов редколлегии в повседневной жизни редакции может быть связано с рецензированием журналистских и авторских публикаций; с разработкой каких-либо редакционных документов или проектов; участием на различных научных и общественно-политических мероприятиях, где требуется авторитетное представительство редакции, и мн. др.

Как видим, деятельность членов редколлегии не ограничивается только рамками запланированных совещаний и заседаний. Они являются активными участниками редакционной жизни, выступая в ней и как коллегиальный орган управления, и как самостоятельные творческие единицы.

Следующей не менее значимой, чем редакционная коллегия, управленческой структурой редакции является секретариат, который по образному выражению журналистов называют «штабом газеты». Именно в недрах данного подразделения находят материальное воплощение все журналистские замыслы и идеи, дизайнерские и художественно-изобразительные находки, оригинальные фоторепортажи и коллажи, необычные графические решения и диаграммы, словом, все то, из чего складывается оформительская модель издания. И не только. Секретариат

¹ Устав редакции журнала [Электронный ресурс]. URL: <https://uristhome.ru/document/24/ustav-redaktsii-zhurnala> (дата обращения: 26.02.2019).

является конечным пунктом сборки не только всех оформительских, но и содержательных элементов газеты. Именно из этого «сборочного цеха» готовый макет издания отправляется в типографию, а потом и к читателям.

С внедрением компьютерных технологий в редакционную работу многое изменилось и в работе сотрудников секретариата (появились специальные программы верстки и редактирования газеты, благодаря которым легче стало с компоновкой макетов полос, с редактированием материалов и многим другим), но, несмотря на все эти технические новшества, неизменным осталась управленческая функция работников секретариата. Если в компетенцию редакционной коллегии в основном входит решение стратегических задач, то перед секретариатом стоят — тактические.

Штатная структура секретариата зависит от типа издания. В небольших редакциях (например, в муниципальных газетах) может вообще отсутствовать данное звено управления. Таким редакциям проще заказывать верстку газеты на стороне. Роль ответственного секретаря в данном случае выполняет сам редактор, который в одном лице исполняет как творческие, так и технические функции. В больших редакциях федерального или регионального уровня без отдела секретариата не обойтись. Но и в этом случае данные подразделения в отличие от прежних времен состоят из нескольких человек: ответственного секретаря, художника-дизайнера, верстальщика, бильд-редактора, корректора, фотокорреспондента. Иногда некоторые из этих функциональных ролей могут замещаться одним человеком. Допустим, художник-верстальщик может заниматься версткой и макетированием газеты, а бильд-редактор одновременно выступать и в качестве фотокорреспондента. Все в данном случае зависит от уровня квалификации специалиста и его реальной производственной загруженности. Решение большей части управленческих задач в части выпуска издания в свет лежит на плечах ответственного секретаря. Здесь, как показал наш опрос, он несет персональную ответственность не только за организацию всего процесса по сборке газеты, но и за его конечный продукт. Возможно, именно в работе ответственного секретаря коллегиальные формы управления должны гибко сочетаться с персонализированными, потому что именно ему приходится принимать не только стратегические, но и тактические решения по выпуску издания в свет. При этом, как считают наши эксперты, функциональная роль ответственного секретаря подверглась кардинальным изменениям. Если в советские времена его задача заключалась в подготовке макетов полос и газеты в целом, в курировании работы верстальщиков и типографических работников, в редактировании и сокращении материалов, в организации работы корректоров и фотокорреспондентов и мн. др., то теперь многие из этих функций перешли профильным специалистам. Основная задача ответственного секретаря теперь заключается, с одной стороны, в контроле за работой автоматизированных систем подготовки издания в свет, а с другой — в организации работы журналистского коллектива. Вот как описывает современную работу ответственного секретаря Ю. О. Гринева: «Процесс сдачи номера сильно автоматизировался. Тем не менее, ответственному секретарю приходится выполнять много кропотливой работы, связанной именно с этой автоматизацией. Теперь секретарь в процессе производства как бы дублирует компьютерную систему. Он передает каждому из участников процесса ту информацию, которую нельзя передать посредством машины, контролирует правильность запущенного процесса, проверяет его результаты. Он сокращает или дописывает заметки. Проверяет, прошел ли каждый материал, идущий в газету, нужное количество проверок и утверждений; видела ли корректура сверстанные полосы, читала ли тексты, после того, как журналист вносил свои изменения прямо на верстке, перед выходом полосы и т. д.»¹.

¹ Гринева Ю. О. Секретариат газетной редакции: история и наши дни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/267> (дата обращения: 26.02.2019).

Только на первый взгляд кажется, что работа ответственного секретаря слабо структурирована. Но это, конечно, не так. К наиболее значимым управленческим функциям ответственного секретаря отнесем: координационную, контрольную и творческую.

Координационная работа ответственного секретаря заключается в обеспечении взаимодействия не только между всеми творческими и техническими подразделениями, но и между всеми членами редакционного коллектива в процессе выпуска издания в свет. Как видим, по своим функциональным обязанностям он является своеобразным связующими звеном между различными частями редакции. К его основным задачам можно отнести:

- обеспечение согласованности действий сотрудников редакции по всей технологической цепочке;
- разумное распределение обязанностей между членами секретариата во времени;
- синхронизация действий технических служб и творческих подразделений;
- установление четких графиков сдачи материалов в секретариат, верстки издания и сдачи готового макета газеты в типографию;
- упорядочивание усилий всех членов коллектива по выпуску издания.

За счет каких механизмов может быть достигнута такая координирующая работа ответственного секретаря?

1. Выработка и формулирование конкретных целей и задач для каждого редакционного подразделения на определенный период:

- для творческого отдела — выпуск тематической полосы на заданную тему к определенному сроку;
- для рекламного отдела — разработка и внедрение модульной рекламной полосы;
- для верстальщика — составление макета газеты относительно утвержденного графика;
- для бильд-редактора — подборка изобразительного ряда на заданную тему и т. д.

2. Установление *коммуникационных связей* между различными структурными подразделениями редакции и ее членами за счет информационных ресурсов: электронной почты, электронных досок объявлений, рабочих групп в социальных сетях и т. п. За счет данных коммуникационных систем становится возможным оперативный обмен информацией внутри редакции и, что немаловажно, за ее пределами. Компьютерные сети позволяют быстро распространять любую информацию: планы, отчеты, редакционные задания, решения редколлегии, снимки, корректуру текстов, макеты полос и т. д. Особой заботой ответственного секретаря является налаживание обратной связи, в ходе которой могут быть уточнены задачи, стоящие перед сотрудниками, даны разъяснения по поводу того или иного решения, наконец, выслушаны мнения самих членов редакционного коллектива. С этой целью ответственный секретарь может проводить открытые видеоконференции и вебинары с целью согласования действий сотрудников редакции, организовывать рабочие совещания и оперативные летучки.

По своему характеру координирующая деятельность ответственного секретаря может быть:

- *превентивной*, т. е. направленной на предвидение проблем и трудностей;
- *устраняющей*, т. е. предназначенной для устранения перебоев, возникающих в системе;
- *регулирующей*, т. е. способствующей сохранению существующей схемы работы.

В своей практической деятельности ответственным секретарям, работающим в ежедневных газетах, часто приходится сталкиваться с превентивными производственными задачами. К примеру, запланированный в номер материал может быть

вовремя не сдан в секретариат из-за объективных причин: отмены мероприятия, переноса сроков визита важного государственного деятеля в регион, задержки сдачи какого-нибудь строительного объекта и т. д. Задача ответственного секретаря во всех этих случаях минимизировать риски при нарушении сроков сдачи материалов. У него всегда должны быть в запасе готовые для верстки статьи в том объеме, которые требуются для выпуска номера.

Заботясь о ритмичности выпуска издания, ответственному секретарю все время приходится заниматься координационной работой устранивающего характера. Связано это с особенностью творческого труда журналистов. Перебои в выполнении тематического плана могут иметь у сотрудников редакции субъективный характер. Считается, что «профессия журналиста находится в списке 10 самых стрессовых профессий. Журналисты работают в условиях многозадачности, оперативности и постоянных контактов с людьми, жестких дедлайнов. Творческая деятельность журналиста: аналитика, очеркиста, публициста — это высоко интеллектуальная работа, когда каждый текст должен быть максимально оригинальным и авторским. У любого журналиста рано или поздно возникает трудность в выборе темы или героя материала, журналист банально может не знать, с чего начать материал»¹.

В журналистской профессии никто не застрахован от творческих кризисов. Во всех подобных случаях ответственному секретарю необходимо лично разбираться с каждой конкретной ситуацией. Творческий кризис — явление психологическое и, как правило, носит временный характер. Опытный ответственный секретарь действует во всех этих нестандартных случаях как тонкий психолог: с кем-то обсуждает новые творческие идеи и проекты, кого-то направляет на выполнение технических заданий, кому-то поручает редактирование авторских материалов и т. п. Учет продуктивных (творческих) и репродуктивных (технических) начал журналистского труда позволяет ему устранить возможные сбои в работе редакционной системы.

Чтобы всячески содействовать сохранению существующей схемы редакционной работы, ответственному секретарю необходимо постоянно регулировать не только производственные, но и межличностные отношения. Функция регулирования реализуется преимущественно за счет административных методов управления. Властные полномочия ответственного секретаря, как правило, фиксируются в его должностных обязанностях, в которых указано, что он должен:

- 1) организовывать и контролировать внутриредакционную работу, касающуюся планирования, своевременной и качественной подготовки материалов к печати;
- 2) вместе с редакторами отделов разрабатывать проекты очередных и перспективных планов газеты (журнала), представлять их на рассмотрение главному редактору, редколлегии;
- 3) организовывать своевременную и качественную подготовку и сдачу в производство всего печатного материала согласно графику;
- 4) отбирать материалы в газету (журнал);
- 5) контролировать выполнение графика поступления публикаций, рубрик, полос, подборок;
- 6) руководить работой всех отделов газеты (журнала) и контролировать выполнение ими текущих планов;
- 7) руководить подготовкой оригинал-макета номера газеты (журнала);
- 8) обеспечивать соблюдение стандартов, технических условий и других нормативных документов при работе над оригиналом;
- 9) подготавливать договоры и соглашения с организациями, авторами, переводчиками, рецензентами, спец. редакторами и научными консультантами;

¹ Конюхневич М. Журналист vs творческий кризис. Реанимируем стремление писать [Электронный ресурс]. URL: <http://arh-smi.ru> (дата обращения: 26.02.2019).

- 10) отвечать за выполнение сдачи материала в набор, контролировать прохождение номера, вносить по мере необходимости коррективы, осуществлять связь с типографией;
- 11) организовывать работу по размещению в газете (журнале) объявлений и рекламы;
- 12) координировать работу по подготовке текстов рекламных объявлений;
- 13) организовывать профессиональную учебу редакционного персонала¹.

Столь широкие полномочия, предоставленные ответственному секретарю, направлены на регулирование всего редакционного процесса по выпуску издания в свет. В этой связи данному должностному лицу всегда необходимо быть в курсе выполнения всех производственных заданий. Контрольные функции, возложенные на ответственного секретаря, позволяют ему принимать экстренные административные меры в случае срыва сроков сдачи материала; перераспределять задания между сотрудниками редакции, если в этом есть необходимость; корректировать или уточнять редакционные задания; наконец, **вносить на рассмотрение редакции предложения по совершенствованию работы**. Как видим, в своей совокупности функция регулирования заключается в своевременном предотвращении всех нежелательных сбоев в работе редакции по выпуску издания. Находясь в условиях постоянных изменений, ответственный секретарь функцию регулирования осуществляет за счет корректировки редакционных планов, оперативной замены одних заданий на другие, внесением различных дополнений и уточнений. Без такой быстрой реакции на новые события газета может отстать от своих конкурентов. В организационной сфере ответственный секретарь, выполняя регулятивные функции, может реорганизовывать существующие редакционные структуры, создавая вместо традиционных отделов творческие рабочие или проектные группы; менять технологические подходы в макетировании издания, если это необходимо по производственным причинам; наконец, вносить свои предложения по совершенствованию структуры управления редакцией. В целях повышения мотивации труда сотрудников редакции, ответственный секретарь может вносить свои изменения в существующую систему материального и морального стимулирования. Как видим, функция регулирования в отличие от планирования, организации и мотивирования, осуществляется ради совершенствования существующей системы управления.

Результаты

В рамках данной работы получены следующие результаты.

Проанализировав работу коллегиальных и персонализированных форм управления, мы увидели, что эффективное регулирование деятельности редакции осуществляется за счет строгого соблюдения трех принципов: директивности, соблюдения регламентов и нормативности.

Принцип директивности подразумевает принятие и исполнение в редакции принятых решений. Такая задача в основном стоит перед коллегиальными формами управления, которые имеют, исходя из редакционного устава, соответствующие полномочия. Это наиболее жесткая форма регулирования реакционных процессов, которая, с одной стороны, предполагает своевременное принятие соответствующих решений по поводу тех или иных ситуаций или возникших перед редакцией задач, а с другой — неукоснительное их исполнение. В случае невыполнения принятых решений руководство может применить административные меры.

¹ Должностная инструкция ответственного секретаря редакции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kaus-group.ru/knowledge/duty/material/641> (дата обращения: 26.02.2019).

Принцип соблюдения регламентов устанавливает определенный порядок прохождения и утверждения журналистских материалов, составления макета издания, сдачи газеты в типографию и т. д. Любое нарушение регламента сдачи материала в номер может сказаться на ритмичности выпуска газеты. Как показал наш анализ, управляет всеми этими рабочими процессами по выпуску издания в свет ответственный секретарь.

Принцип нормативности предполагает выработку определенных производственно-технических и редакторских стандартов при подготовке газеты в печать. Это могут быть различные нормы и правила, касающиеся текстового набора рукописей, соблюдения корректорских знаков, шрифтового оформления газеты, верстки и макета издания, порядка размещения таблиц и других иллюстраций на полосе и т. д. За соблюдением всех этих норм четко следят все сотрудники секретариата, выполняя тем самым контрольные функции управления.

Заключение

Таким образом, в современной редакции управленческие функции могут выполнять как коллегиальные органы (редакционная коллегия, секретариат), так и персонализированные лица (главный редактор, ответственный секретарь и др.). Регулятивные функции реализуются в редакции через принципы директивности, регламентации и нормативности. Только за счет этого становится возможным четкое упорядочивание работы всего редакционного коллектива, структурирование их деятельности по определенным параметрам, что в конечном счете сказывается на ритмичности и эффективности работы всей редакции.

Об авторе:

Ким Максим Николаевич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук; kim-mn@ranepa.ru

About the author:

Maksim. N. Kim, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology); kim-mn@ranepa.ru

Восприятие человека и антропологическая идеология в развитии философской мысли

Фурман Ф. П.

Санкт-Петербург, Российская Федерация; furman-feliks@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В истории человечества многое указывает на то, что понимание человека и познание его природы связано с социально-историческим положением человека и уровнем развития, а также способом осуществления человеческого самосознания. Автор статьи придерживается позиции, согласно которой философия прямо или косвенно является антропологическим исследованием, т. е. она осуществляет напрямую, имея в качестве объекта изучения непосредственно человеческую природу, либо опосредованно, изучая какие-либо другие проявления в свете человека и антропного принципа. Мир соразмерен человеку, и через исследование человеческой природы, способов взаимодействия с мирозданием может быть внесен существенный вклад в понимание сути человека. Если осуществлять рассмотрение человека как культурного существа, которое ориентировано, в первую очередь, на развитие собственных ценностей, посредством осмысления и практического применения философской мысли, постепенно может быть изменен достаточно узкий горизонт философии сознания. В статье приводится попытка определить самосущность человека, ее взаимосвязь с национальной идентичностью и идеей.

Ключевые слова: философия восприятия, национальная идентичность, национальная идея, восприятие, антропология, человек, воззрения, метафизика, репрезентация, философский контекст

Human Perception and Anthropological Ideology in the Development of Philosophical Thought

Feliks. P. Furman

Saint-Petersburg, Russian Federation; furman-feliks@yandex.ru

ABSTRACT

In the history of mankind, much indicates that the understanding of man and the knowledge of his nature is associated with the socio-historical situation of man and the level of development, as well as the way of realization of human consciousness. The author of the article adheres to the position that philosophy is directly or indirectly anthropological research, i.e. it carries out directly, having as an object of study directly human nature, or indirectly, studying any other manifestations in the light of man and the anthropic principle. The world is proportional to man, and through the study of human nature, the ways of interaction with the universe, can be made a significant contribution to the understanding of the essence of man. If we consider a person as a cultural being, which is focused primarily on the development of their own values, through the understanding and practical application of philosophical thought, can be gradually changed rather narrow horizon of philosophy of consciousness. The article presents an attempt to determine the self-existence of a person, to determine its relationship with national identity and idea.

Keywords: philosophy of perception, national uniqueness, national idea, perception, anthropology, person, views, metaphysics, representation, philosophical context

Человек — это не только познающее мир вокруг себя существо, но и активно переживающее за все изменения этого мира, саморазвивающаяся и самоисследуемая система. Философия выражает высшие и специфические качества человека, по-

могая ему развивать и осуществлять обогащение его динамической и творческой сущности, обращая внимание на специфику проявления национальной идеи в восприятии и деятельном развитии человека и общества в целом.

Философское знание о человеке отличается тем, что в нем естественным образом соединяются непреходящее, вневременное и неизменно актуальное. Можно объяснить это фактом, согласно которому центром философского знания о человеке выступают непоколебимые проблемы человеческого бытия.

Философия представляет собой познание человеком своей сущности во всех ее проявлениях, а также исходя из потребностей времени. Исторически человек осуществляет осмысление своего бытия средствами метафизического размышления, что находит свое проявление в философии.

Философское знание представляет собой знание, которое имеет сущностно-человеческий подтекст. Философия способствует развитию двойной рефлексии: «снимает» рефлексию человека, а также является осознанием того, что действительность должна быть дана в неких продвижениях сознания человека. Собственно рефлексивный (аналитический) характер философского знания представляет собой значимую черту развития философской мысли.

Философия в классическом проявлении не знает и не репрезентует всю полноту человеческой субъективности. Развитие метафизики с точки зрения гносеологии развивает два понятия «объект» и «субъект».

Природа и сущность человека в достаточной степени различается с природой и сущностью любой другой вещи. Сущность человека при этом не может быть статичной, она находится в постоянных динамических изменениях. Значимой чертой сущности человека является самосозидание, самосовершенствование и самодетерминация. По мнению П. Куртца, примечательным в человеческом роде является именно это. Сущность человека не имеет никаких ограничений от фиксированной человеческой природой, что создает условия и возможность для определения его каждый раз с новыми основаниями [4].

Создавать себя самого, заниматься собственным саморазвитием, рефлексировать — все это составляет характерные черты человеческой сущности. При этом в равной мере это может быть направлено как на конкретного человека, так и на человечество в целом. Философия осуществляет исследование и отражение человеческого самосознания, перенимает данные черты от человека, учитывая то, что в силу собственной природы данная наука выражает сложную собственную сущность человека в историческом процессе [4].

Потеря субъективности создает определенные условия для поиска человека, создает условия для его жизни. Имеющаяся односторонность субъекта должна быть изменена имеющейся полнотой человеческого существования, когда приходит живой человек, человек повседневности, человек не в трансцендентальной чистоте, но при наличии определенной телесной или физической конкретности с представленными основами восприятия окружающего мира.

Рациональное и трансцендентальное бытие философии является идентичным рациональному и трансцендентальному бытию человека разумного. Согласно имеющимся взглядам, человек в философии «снимает» свою сущность. Философия при этом может оказаться имманентной ему: каждый человек будет представлять собой внутреннего философа [3].

Наличие определенного свойства рефлексии представляет собой сугубо человеческое свойство, которое отделяет человека от всех других форм существования. На основании этого он открывает особенности собственного бытия, он не только имеет, но также знает о себе, что он есть [3].

Человеческая субъективность обуславливает возникновение самого мира, учитывая то, что человек осознает окружающее. Разум осуществляет охват того, чтобы

проект предшествовал общей природе (оптическому восприятию мира), вырывая из данного мира то, каким образом человек может попасть в проект под названием жизнь, и из чего может быть построен бытийный состав (онтологическое) [2].

Способ применения собственного присутствия создает условия для создания мира человека посредством рефлексии. Рефлексия представляет собой конструктивный аппарат деятельности человека, при помощи которого им будет создан мир, в котором он осуществляет все элементы собственной жизнедеятельности. Человек должен иметь существенно значимую «дистанцию по отношению к самому себе и, отличаясь сам от себя, создаст условия для того, чтобы была возможной тотальная рефлексивность» [5].

Рефлексивный способ существования дает возможность наблюдения за миром, он является «зрителем сценария собственного внутреннего поля» [6].

Специфика человека как субъекта должна быть выражена при помощи бесконечного количества актов рефлексии в отношении самого себя (заступания за себя или вставания над самим собой), а также различных используемых актов самосознания, в ситуации, когда данный человек будет осознавать собственное внешнее окружение, свой внутренний мир и свое собственное сознание.

Данные акты самоосознания представляют собой проявления рефлексии [6]. Поворот человека внутрь себя, в свое собственное сознание, наличие тотальной рефлексивной субъективности создают бытие человека не от предметности мира, а от совершенно иного. Основные акты человеческой рефлексивности могут быть видны только философии, при этом имеется достаточно четкая прерогатива изучения только ею. Ситуация развития человека, как и ситуация развития его философии, представляет собой существенно значимое содержание сознания.

Трансцендентализм философии обращает внимание на то, что он активно «снимает» человеческую трансцендентальность. Его собственная опосредованность в развитии отношений с действительностью может обусловить его существование в созданном им мире — мире взаимоотношений людей. Свой собственный мир человек может конструировать рациональным, при этом данная рациональность исходит от самой философии.

Таким образом, может возникнуть достаточно значимая характеристика философского знания, которая заключается в его рациональном характере.

Представленный специфически направленный человеческий способ существования заключается в его эксцентричности, в способности выйти «за» себя или встать «над» собой, дистанцироваться от самого себя, а также способность для осознания самого себя и свое «есть» через свое собственное бытие. Следовательно, рефлексия осуществляет конструирование философии.

Рефлексивный характер существования человека, а также его безостановочное и постоянное осознание того, что имеет место быть, и того, что есть в настоящий момент времени, а также постичь все это может только сама философия, так как она по своей природе также должна быть рефлексивной, схватывая не сам предмет, но структуру сознания человека и представления о нем [4].

Философское знание с его значимыми для развития и осознания критериальными отличиями — трансцендентализмом, рациональностью и рефлексивностью представляет собой «снятие» специфически человеческого существования.

Имеется существенно значимая способность трансцендирования, которая проявляется на человеческой ступени эволюционной лестницы при наличии некоторого значимого чувственного порыва как природной интенции.

Человек становится единственным существом в мире, которое определяет свободу метафизики и устанавливает собственные границы восприятия и реализации в мире самостоятельно. Человек при этом самоопределяется и самосовершенствуется. Причем, историческое развитие его самоопределения должно осуществляться посредством

развития способностей к трансцендированию, которая может приобретать различные формы и способствовать выбору человека и его самоузнаванию посреди всего прочего сущего, а также его самообособлению, выделяя собственное Я [6].

Философия представляет собой одну из форм человеческого трансцендирования, которая появилась в определенное время («осевое время») и с конкретным назначением. Ее спецификой является предложение Разума, как той точки опоры, которая может помочь человеку устоять и самоопределиться в метафизической внекаузальности данного мира.

В качестве основных форм самоопределения, через которые человек исторически и логически заявил о себе, можно было бы назвать самоотожествление и самоидентификацию. Внутри той и другой есть свои варианты и собственная специфика. Но в целом обе, исторически развиваясь, претерпевали определенные метаморфозы, которые обуславливают характер осознания человеком собственного «Я» [5].

Имеются различные точки зрения от метафизического «Я», от инстинктивного «чувственного» (М. Шелер) или «жизненного» восприятия мира человека (А. Бергсон), его существенного «порыва» до сознательно поставленной и зовущей к деятельности цели. Самоотожествление представляет собой первый выход человека из природы вовне, в культуру, являя собой его исторически первичную форму поисков самого себя.

Именно данная особенность была также зафиксирована мифологическим сознанием. В историко-хронологическом плане это необходимо для понимания сознания первого человека, который учился на заре человечества определять и устанавливать себя в данном мире. Человек, который научился выходить от природы и выходить из природы, отделяясь от нее, чувствуя существенно значимый ужас одиночества, узнает всю информацию о самом себе. В отличие от остальной природы, человек не только есть, он теперь научился понимать о себе то, что он есть [2].

Самоидентификация человека напрямую может быть связанной с национальной идеей, которая превалирует в том обществе, в котором человек живет, в котором происходит его развитие и совершенствование.

Особенно это актуально для российских граждан, переживающих один из труднейших периодов своей истории. Для многих экспертов это становится делом всей жизни.

Исследуя основные детерминанты изменчивости жизнедеятельности и основные проявления в философском восприятии мира со стороны современников, с точки зрения философов конца XIX — начала XX вв. способны обусловить ее доминирующую основу в обществе формой социокультурной динамики. Именно в этот период времени собственное «Я» человека начинает свой самостоятельный путь в восприятии и практике реализации национальных традиций, обычаев, менталитета российского общества.

Территориальное расположение между Востоком и Западом, ориентация на культурные традиции и обычаи культурных полюсов дают возможность для решения задачи определения единообразия и разнообразия в основных жизненных проявлениях, при достаточном сохранении самобытности русского народа.

Специфика территориального и культурного развития российского общества оказывает определенное воздействие и на развитие «Я»-концепта в жизненных ориентирах конкретного человека, связывая его с собственно национальным, а также с некими значимыми глобализационными изменениями, которые ярко проявляют себя в изменяющемся мире.

Суть самосозидающего бытия человека основана на том, что человеческое существование представляет собой существование в условиях осуществления постоянного самосознания.

Человеческое действие представляет собой осуществляемое волевое действие от первого лица, которому должны быть присущи осознанность и задаваемая сознанием самому себе телеологичность, а сущность человека являет собой превосходящую и созидающую саму себя в его жизненном бытии сущность. Достаточно глубокие и сложные реальности осмысляются и идентифицируются на уровне развития философского мышления. В данном смысле философствовать представляет собой самосозидать себя как человека разумного с учетом его национальной идентичности и практики применения и развития национального самосознания и национальной идеи.

Каждый человек обладает уникальными способностями, которые могут помочь в обеспечении его биологического превосходства. Человек имеет активную свободу воли и целеполагания, что позволяет ему произвольно управлять собственной жизнью.

Указанная особенность является самым существенным различием между человеком и другими живыми существами: человек может сам изготовить необходимые для жизни предметы, способен организовать собственную жизнь относительно тех желаний и потребностей, которые у него имеются, а также имеет возможность самостоятельно выбрать свой путь и создать свое будущее.

У человека имеются выбор и шансы, значимые возможности, которые он может выбирать для себя самостоятельно. Уникальность человеческого существа заключается в том, что только человеком возможно преодоление господства природы над собой и разумность в принятии решений, развития своего жизненного сценария.

Имеются все предпосылки для определения мировой миссии России, проявлений ее духовности, а также значимых пророческих предчувствий новых жизненных ориентиров и подходов при развитии, в том числе относительно развития русской литературы, философии и религии.

Н. А. Бердяев подчеркивает, что основы «русской идеи» воплощаются в исторической ретроспективе, чему способствуют некие значимые особые черты русского национального характера, к которым можно отнести всечеловечность, поиск правды и справедливости, определенную душевность русского народа, проявления чувства сострадания и любви к ближнему, совестливости, бескорыстия, а также других черт, которые проявляют себя в единстве «русского духа», что находит свое трансформационное проявление в «Я-концепте» каждого конкретного человека [1].

Какими бы абстрактными, естественнонаучными или практическими вопросами не был занят человеческий ум, все эти размышления всегда сопровождаются мыслью об их связи с самим человеком, его сущностью или его потребностями.

Самосозидание есть не что иное, как представление своей сущности, представление себя как человека разумного с учетом персональных и общих черт национальной идентичности и практики применения и развития национального самосознания и национальной идеи. При достаточном своеобразии самобытности русского народа — наши самосознание и идеи кардинально отличаются от всех прочих.

Таким образом, исследование проблемы сущности человека, его отношения к самому себе, к внешней среде, тема самопознания продолжают оставаться ключевыми в философии.

Литература

1. *Аристархова И. Л.* Анализ философских взглядов. М. : Наука, 2017.
2. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М. : Прогресс, 1998.
3. *Борисова О. И.* Философия: взгляд на природу человека. СПб. : Питер, 2016.

4. *Власов М. В.* Западная философия: антология и антропология. СПб. : Питер, 2017.
5. *Гришмановская С. Н.* Антропологические взгляды в философии. М. : Наука, 2015.
6. *Кисельман О. В.* Философия. М. : Наука, 2017.
7. *Радугин Н. В.* Развитие философских представлений. М. : Наука, 2016.

Об авторе:

Фурман Феликс Павлович, доктор философских наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); furman-feliks@yandex.ru

References

1. Aristarkhova I. L. Analysis of philosophical views. M. : Science, 2017. 216 p. (In rus)
2. Berdyayev N. A. Fate of Russia. M. : Progress, 1998. 380 p. (In rus)
3. Borisov O. I. Philosophy: view of human nature. SPb. : Piter, 2016. 89 p. (In rus)
4. Vlasov M. V. Western philosophy: anthology and anthropology. SPb. : Piter, 2017. 156 p. (In rus)
5. Grishmanovskaya S. N. Anthropological views in philosophy. M. : Science, 2015. 203 p. (In rus)
6. Kiselman O. V. Philosophy. M. : Science, 2017. 208 p. (In rus)
7. Radugin N. V. Development of philosophical representations. M. : Science, 2016. 200 p. (In rus)

About the author:

Feliks P. Furman, Doctor of Science (Philosophy), Saint-Petersburg, Russian Federation; furman-feliks@yandex.ru

Мир как основа человеческой цивилизации: философские и социокультурные представления

Ковалев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kovalev-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель — исследование мира и мирного существования как основания всей человеческой цивилизации — достигается решением следующих задач: 1) философско-лингвистическим анализом понятий «мир» и «мирное существование»; 2) рассмотрением проблемы мирного существования в логико-историческом аспекте; 3) исследованием праксиологического аспекта проблемы, т. е. конкретных способов достижения мира; 4) рассмотрением сути и оснований социального мира; 5) освещением роли религий и религиозных конфессий для обеспечения мирного существования.

Методы исследования включают методы историко-философского, культурологического и лингвистического анализа, компаративистский подход.

Результаты. Рассмотрены основные аспекты мирного существования как базисного понятия всей человеческой истории и цивилизации. Мир и война как два диалектических основания человеческого бытия теснейшим образом взаимосвязаны на протяжении всемирной истории. Это доказывает как проведенный лингвистический анализ, так и логико-исторический подход к проблеме мирного существования.

Состояние мира не всегда признавалось безусловно необходимым для индивидуального и социального бытия. Вслед за Гераклитом философы часто признавали благостный характер войны как фактора, сплачивающего государство и нации. Но в XX столетии война приобрела такие качественные характеристики, что любое военное столкновение может привести к ядерному апокалипсису, хотя и ныне многие передовые технологии появляются именно в сфере военной индустрии. В эпоху цивилизационного противостояния, вызванного глобализационными процессами, достижение и сохранение всеобщего мира стало жизненно важной задачей для всего человечества.

Выводы. Представления о мирном существовании проработали эволюцию от мыслей об искусственности мира и естественности вражды и войны для человечества и отдельного индивида до аксиоматичности концепций, превозносящих всеобщий мир на планете как единственное средство избежать ядерного апокалипсиса.

Глобализация может способствовать осознанию хрупкости всей человеческой цивилизации и уникальности составляющих ее социокультурных образований. Для достижения мира на планете необходимо оставить попытки насильственным образом унифицировать его. Все богатство человеческой культуры невозможно упростить и унифицировать в рамках одной геополитической, экономической и культурной парадигмы. Именно такого рода агрессивные попытки могут привести к полному уничтожению человечества.

Ключевые слова: мир, война, политическая реальность, противостояние цивилизаций, глобальная безопасность, безопасность, цивилизационный конфликт, политология, глобализация

Peace as the Basis of Human Civilization: Philosophical and Socio-Cultural Views

Andrey A. Kovalev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; kovalev-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

The goal — the study of peace and peaceful existence as the basis of the entire human civilization — has been achieved by solving of the following tasks: 1) philosophical and linguistic analysis of the concepts of «peace» and «peaceful existence»; 2) consideration of the problem of peaceful existence in a logical-historical aspect; 3) the study of the praxeological aspect of the problem, that is, specific ways to achieve peace; 4) consideration of the essence and foundations of the social world; 5) highlighting the role of religions and religious denominations to ensure a peaceful existence.

Research methods include methods of historical and philosophical, cultural and linguistic analysis, comparative approach.

Results. The main aspects of peaceful existence as a basic concept of the whole human history and civilization have been considered. Peace and war as two dialectical foundations of human existence are closely interconnected throughout world history. This proves both the conducted linguistic analysis and the logical-historical approach to the problem of peaceful existence.

The state of the peace was not always recognized as indispensable for individual and social being. Following Heraclitus, philosophers often had recognized the benevolent nature of war as a factor that binds states and nations together. But in the twentieth century, the war acquired such qualitative characteristics that any military confrontation can lead to a nuclear apocalypse, although even today many advanced technologies appear precisely in the military industry. In the era of civilizational confrontation caused by globalization processes, the achievement and preservation of universal peace has become a vital task for all mankind.

Findings. The notions of a peaceful existence have evolved from thinking about the artificiality of the world and the naturalness of hostility and war for humanity and the individual to the axiomatic concepts that extol world peace on the planet as the only means to avoid nuclear apocalypse.

Globalization can contribute to the awareness of the fragility of the entire human civilization and the uniqueness of the sociocultural formations that make it up. In order to achieve peace on the planet, it is necessary to abandon attempts to unify it by force. The entire wealth of human culture cannot be simplified and unified within the framework of a single geopolitical, economic and cultural paradigm. Aggressive attempts of such a kind can lead to the complete destruction of mankind.

Keywords: peace, war, political reality, confrontation of civilizations, global security, security, civilizational conflict, political science, globalization

В последние десятилетия все более актуальной становится проблема сохранения целостного мира на нашей планете, обуреваемой различными политическими, социальными и геополитическими противоречиями. Мир после исчезновения с его политической карты социалистических государств стал однополярным, а это привело к обострению существующих и возникновению новых проблем и позволило с полным правом говорить об эпохе обострения цивилизационных конфликтов и противостояния цивилизаций на новом качественном уровне.

Угроза новой мировой войны, которая будет фатальной для цивилизации в целом и последней в истории человечества, актуализирует теоретические исследования войны и мира не только как политологических, но и как философских и социокультурных концептов. В настоящей работе будет сделана попытка исследовать мир и мирное существование как базисные понятия всей человеческой истории и цивилизации. Достижение заявленной цели целесообразно достичь последовательным решением следующих задач: 1) осуществить философско-лингвистический анализ понятий «мир» и «мирное существование»; 2) рассмотреть проблему мирного существования в логико-историческом аспекте; 3) изучить праксиологический аспект проблемы, конкретные способы достижения мира; 4) рассмотреть суть и основания социального мира; 5) затронуть роль религий и религиозных конфессий для мирного существования.

Цель и задачи исследования определяют его методологию, в которой доминируют методы историко-философского, культурологического и лингвистического анализа и компаративистский подход.

Обратимся, прежде всего, к философско-лингвистическому анализу интересующего нас понятия. Слово *мир* в большинстве европейских языков обычно означает отсутствие локального беспокойства или глобального бедствия и, в особенности, войны. Мир — это результат особой добродетели миролюбия и связанных с этим мирных усилий людей. Мир — порой целительное состояние молчания или покоя между отдельными людьми и сообществами. Великий испанец Мигель де Сервантес говорил: «Мир — высшее благо, какого люди желают в этой жизни» [8, с. 696].

Лишь в современном русском языке слово *мир* как мирное существование является омонимии для слова *мир* как вселенная, среда обитания человека. Во всех европейских языках такой омоним не наблюдается. Немецкое *der Frieden* происходит от древненемецкого слова *fridu* — защита, дружба, а английское *peace* и французское *la paix* происходят от латинского слова *pacis*, означающее мир, соглашение, мирный договор, спокойствие, отсутствие враждебности, гармония. Английское слово *peace*, равно как и его континентальные аналоги, вошло в употребление в различных личных приветствиях (наподобие «Мир Вам, Мир Вашему дому») приблизительно с 1300 г. Здесь также подчеркивается значимость мира для индивидуального и общественного бытия [11].

Важность прочного мира и губительность войны для нормальной жизни людей подчеркивается многими русскими пословицами и поговорками, в которых выражается мудрость народа и которые с полным правом можно считать формами предфилософии, которые напоминают изречения, дошедшие до нас от легендарных семи мудрецов античности. Вспомним некоторые из мыслей русской сокровищницы народного любомудрия: «Дело мира правдою сильно» и «Война кровь любит». «Надейся на мир, а гляди в оба» и «Кто сеет мир, пожинает счастье». При всей внешней наивности и незатейливости этих высказываний в них заключен глубокий мировоззренческий и этический смысл.

Термином *мир* в современном языковом употреблении обозначают общее состояние между людьми, социальными группами или государствами, в которых объективно существующие конфликты разрешаются без применения насилия и в соответствии с юридически определенными нормами. Сам термин относится к современной теории государства и права и применяется в характеристике таких отношений между народами и государствами, которые исключают войну как средство принуждения в мировой политике. Еще Цицерон во времена Юлия Цезаря говорил: «Нужно сделать все, чтобы не допустить вооруженной борьбы» [8, с. 796].

Понятие *мир* понимают многосторонне и многоаспектно вследствие широты самого явления. Например, на языке немецкоязычных адвокатов понятие *мир* (*Frieden*) используется также в связи с внутренними конфликтами (нарушение гражданского мира), нарушением трудового законодательства и в связи с защитой частной собственности.

На языке психологии и в теологии есть термины *душевное равновесие*, *душевный мир*, а его английский аналог (*soulpeace*) использует понятие *мир*. В душе человека должен царить мир, иначе будет нарушена необходимая гармония. Если человек — микрокосм, слепок мироздания, а интеллект его способен объять реальные миры и создать воображаемые, тогда мир в душе отдельного человека с точки зрения философской антропологии и психологии не менее важен, чем мир на планете и макрокосм в целом.

В европейских языках слово *мир* имеет три основных значения: 1) оно описывает состояние внутреннего или межправительственного сосуществования в мире и безопасности; 2) состояние гармонии и мира; 3) в религиозном смысле как безопасность в Боге. В европейских языках много аналогов русской пословице «Худой

мир лучше доброй ссоры», что свидетельствует об осознании важности мирного существования для нормального социального бытия. Еще римляне говорили: *Melior tutiorque est certa pax, quam sperata Victoria* (Лучше и надежней верный мир, чем ожидаемая победа), а в современном немецком языке есть известная поговорка «Besser Friede bei Brot und Salz, den Streit bei Braten und Schmalz» (Лучше жить в мире при хлебе и соли, чем ссориться, имея жаркое и сало). Англичане почти дословно вторят русским, когда говорят: «Better a lean peace than a fat victory» (Лучше тощий мир, чем жирная победа).

Поэтому чаще всего термин *мир* означает отсутствие насилия или войны. В этом смысле мир между национальными государствами, религиями и народами и мир внутри самих государств понимается как цель многих людей и различных международных организаций, особенно Организации Объединенных Наций.

Мир может быть добровольным, когда потенциальные воюющие стороны решают отказаться от войны и действий, нарушающих мир. Мир может быть принуждающей мерой по отношению к поджигателям войны. И хотя само понятие *принуждение к миру* внутренне противоречиво, оно все чаще используется в современном международном праве.

Между понятиями *мир* и *свобода* можно провести параллель. Как и свобода, *мир* может быть понят как мирное существование, как *защита от негативных факторов*, так и в положительном аспекте — *мир для создания чего-то позитивного и ценного*. В различных научных дискуссиях акцентируется внимание на различии между узким определением мира (*мир как состояние защищенности от негативных факторов*), которое включает в себя отсутствие конфликта, и более широкой концепцией мира (*положительный мир*). Последнее понимание, помимо отсутствия военного насилия, называемого норвежским социологом Йоханом Гальтунгом «прямым насилием» [13], также включает в себя отсутствие культурного и структурного насилия. Гальтунг под «структурным насилием» понимает намеренное создание социальными институтами таких условий, при которых люди не смогут даже удовлетворить свои основные потребности. Об этом он писал еще в 1969 г. в статье «Насилие, мир и исследование мира» [14]. Ведь проводимая по американским рецептам глобализация может быть понята как насильственная унификация человечества согласно довольно примитивным социокультурным стандартам.

Согласно этому пониманию *мир* также означает отсутствие *культуры, основанной на насилии и отсутствие репрессивных или эксплуататорских структур*. Многие социальные болезни начинаются с индивидуального нездоровья. А когда деятели культуры пестуют и пропагандируют благосность насилия для разрешения любой экзистенциальной ситуации, тогда индивидуальная психическая хворь становится социальной нормой. Безумие порождает безумие, и психическое здоровье воспринимается как болезнь в обществе, ориентированном на насилие.

Структурный мир был бы реальным воплощением утопии социального сосуществования во всеобщей гармонии, но в реальности он недостижим. История человечества показывает, что все попытки осуществить в жизнь красивые утопические идеалы заканчивались реками крови. Как говорил историк Томас Карлейль (1795–1881), «всякую революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются ее плодами отпетые негодяи». Истину этого афористичного замечания подтвердила как история Английской революции середины XVII в., так и, в особенности, кровавые события Французской буржуазной революции 1789–1799 гг. и события истории России XX в., которая дважды в течение столетия пережила судьбоносные революционные изменения, отнюдь не способствовавшие как социальному миру, так и миру в человеческих душах.

Но можно попытаться разрешать международные конфликты с сочувствием к взглядам оппонентов и с готовностью сопереживать другим людям и их менталитету, руко-

водствуясь принципами ненасилия. Видимо, ученым самых разных направлений предстоит обстоятельно изучить причины конфликтного поведения, а политикам, помимо коммуникативной мирной работы, следует признать важность юридического общения в рамках международного права. Ведь жизнь богаче наших представлений о ней.

Право статично и не всегда адекватно выражает все многообразие происходящих изменений. Поэтому современная эпоха цивилизационного противостояния требует таких политиков, которые могут быть профессиональными законодателями и адекватно решать проблемы, связанные с мирным существованием. Международное право важно уже самим фактом своего существования, хотя великий Эйнштейн и шутил, что международные законы существуют только в сборниках международных законов.

Устав ООН, принятый 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско (США), стал фундаментальным международным документом современной эпохи, назвавшим мир высшей ценностью. Так, преамбула Устава содержит заявление народов Объединенных Наций о «решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, о намерении в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, объединить силы для поддержания международного мира и безопасности...». Согласно ст. 1 Устава, поддержание международного мира и безопасности является главной целью Организации. Для его реализации поставлены задачи по реализации коллективных мер по предотвращению и устранению угрозы миру; пресечение актов агрессии или других нарушений мира; осуществление политики мирным путем; развитие дружественных отношений между народами, а также другие меры по укреплению всеобщего мира¹.

Декларация о воспитании народов в духе мира от 15 декабря 1978 г. подчеркивает, что мир является самой высокой ценностью. В ней содержится понимание того, что мир между народами является важнейшей ценностью человечества, которая ценится всеми политическими, социальными и религиозными движениями². На основе этого положения Декларация руководствуется высокой целью обеспечения народов условиями для сосуществования и сотрудничества в атмосфере мира, взаимного доверия и взаимопонимания. В документе подчеркивается о том, что необходимо реализовать идею поддержания мира.

Мысль о всеобщем мире как основе признания достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, их равных и неотъемлемых прав, наряду со свободой и справедливостью, содержится практически во всех основополагающих международно-правовых документах, посвященных правам и свободам человека. Всеобщая декларация прав человека говорит о том, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, их равных и неотъемлемых прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира³. Эта же идея повторяется в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах 1966 г.⁴ В преамбуле к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. подчеркивается, что приверженность этим правам и свободам является основой справедливости и мира во всем мире⁵.

¹ Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/russian/charter-united-nations/> (дата обращения: 26.02.2019).

² Декларация о воспитании народов в духе мира [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/russian/documents/decl_conv/declarations/life_in_peace.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

³ Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/russian/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/russian/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (дата обращения: 26.02.2019).

Многие международные документы, посвященные правам и свободам человека, содержат конкретные нормы, касающиеся определенных аспектов сохранения, поддержания и защиты мира. Международный пакт ООН о гражданских и политических правах запрещает любую пропаганду войны. Выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, которая является подстрекательством к дискриминации, вражде или насилию, должна быть запрещена законом. Международные акты признают только право на мирные собрания.

Мир определен как высшая ценность в итоговых документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В Заключительном акте СБСЕ отмечается, что государства-участники в качестве приоритетных целей развития ставят вопросы обеспечения условий, в которых народы могут жить в состоянии подлинного и прочного мира, будучи ограждены от любой угрозы или покушения на их безопасность; сознают необходимость для каждого из них вносить свой вклад в укрепление международного мира и безопасности¹.

Ведущее место в системе источников права занимают международно-правовые документы, большинство из которых представляют собой международные договоры. Некоторые из них носят общий характер, т.е. они призваны для решения сложных комплексных проблем мира. Другие же стремятся решить определенные проблемы, например: регулирование субъективного права на мир, процедуры защиты или восстановления мира, разоружение, гуманное обращение с жертвами войны, борьба с международным терроризмом и т.д.

К международно-правовым актам общего характера следует отнести Устав ООН²; Декларацию ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН³; Декларацию принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, утвержденную Заключительным актом СБСЕ 1975 г.⁴; Декларацию о воспитании народов в духе мира⁵; Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций от 8 сентября 2000 г.⁶ и др.

К международно-правовым актам, регулирующим конкретные вопросы права мира, принадлежат Гаагская конвенция о мирном решении международных столкновений от 18 октября 1907 г.⁷; Общий акт о мирном разрешении международных споров от 26 сентября 1928 г. с поправками от 28 апреля 1949 г.⁸; Определение агрессии,

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901862> (дата обращения: 26.02.2019).

² Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 26.02.2019).

³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁴ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901862> (дата обращения: 26.02.2019).

⁵ Декларация о воспитании народов в духе мира [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/life_in_peace.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁶ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁷ Гаагская конвенция о мирном решении международных столкновений 1907 года [Электронный ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11911619%40egNPA (дата обращения: 26.02.2019).

⁸ Общий акт о мирном разрешении международных споров от 26 сентября 1928 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2561245/> (дата обращения: 26.02.2019).

принятое Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г.¹; Декларация ООН 1984 г. о праве народов на мир²; Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны³; Дополнительные протоколы от 8 июня 1977 г. к Женевской конвенции 1949 г., касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов⁴; Конвенция «О запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении»⁵; Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении⁶; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г.⁷; Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г.⁸ и др.

Помимо указанных документов существует еще ряд механизмов, способных решить проблемы мирного сосуществования. Приведем следующий пример.

Мирное сосуществование вошло в лексикон международного права вместе с Китайско-индийским соглашением «Панча шила» 1954 г., заключенным между Чжоу Эньлаем (глава Госсовета КНР) и Джавахарлалом Неру (премьер-министр Индии) и сразу же направленным на исторически давний территориальный пограничный спор между двумя соседями в гималайском регионе. Соглашение включает некоторые постулируемые общие принципы «добрососедства» высокого уровня между двумя сторонами, которые станут известны как пять принципов мирного сосуществования: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; неагрессия; невмешательство во внутренние дела; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование. Эти принципы, возможно, уже были частью Устава ООН, либо с точки зрения, либо подразумевались в главах VI и VII Устава о мирном урегулировании. Но у правительства Чжоу Эньлая в 1954 г. не было еще членства в ООН, и в равной степени возможно не было юридически связано положениями Устава ООН. Дополнительная привлекательность пяти принципов «Панча шила» заключалась в их ясности и лаконичности формулировок по сравнению с Уставом ООН, а также в недвусмысленном характере их неприятия применения силы и их приверженности мирному урегулированию. Это, возможно, помогает объяснить широкую популярность пяти принципов и их применение в последующие годы во многих общих международно-правовых актах.

¹ Определение агрессии [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

² Декларация о праве народов на мир [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_peace.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

³ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов [Электронный ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=12093391%40egNPA (дата обращения: 26.02.2019).

⁵ Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении [Оттавская конвенция] [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁶ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁷ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

⁸ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 26.02.2019).

Обратимся к **историко-логическому рассмотрению проблемы**. Исторически мир как человеческое состояние не считался нормальным. Человек — существо агрессивное, что признавалось многими великими философами. Например, Иммануил Кант считал человека злым по своей глубинной внутренней природе и говорил, что из такой кривой тесины, из которой сделан человек, невозможно сделать ничего прямого. Великий систематик Гегель, как и Кант, в своей «Философии религии» утверждает следующее: «Человек... зол сам по себе, зол во всеобщем смысле, глубинах своего внутреннего духа, просто зол, зол в своей внутренней глубине...» [1, с. 266].

Но чтобы добиться успеха в обществе, людям приходится общаться между собой. Ведь пребывая в полном одиночестве, человеку просто невозможно продемонстрировать свое физическое и интеллектуальное превосходство. Поэтому Кант полагал, что человеческим существам от природы свойственна так называемая «необщительная общительность» (*ungesellige Geselligkeit*). С одной стороны, всем людям свойственна склонность к общению, а с другой, у всех людей можно наблюдать стремление к индивидуализму. Им всем присуща «сильная склонность уединяться (изолироваться) ... желание соотнобразовывать все только со своим разумением» [7, с. 91]. Именно эти свойства приводят к возникновению антагонизма и конкуренции между людьми, в процессе которой происходит развитие их природных задатков, важнейшими из которых выступают их рассудок и разум.

Война как высшая форма человеческой агрессивности полагалась естественным природным явлением, а миром нужно было «пожертвовать», в него нужно было вкладывать усилия многих поколений. Необходимо было сдерживать естественную природную агрессивность, что порой приравнивалось к жертвенности. Недаром историки права сравнивают германское юридическое понятие «вложение» с понятием «мирного существования».

В древнегреческой цивилизации термин *эйрен* (*εἰρήνη*) до V в. до н. э. обозначал статическое состояние порядка, процветания и спокойствия. Богиня Эйрена (дочь Зевса и Фемиды) как персонифицированный мир была изображена с рогом изобилия — символом богатства. Война считалась совершенно нормальным явлением в отношениях между греческими полисами, хотя речь шла фактически о братоубийственной гражданской войне. Одну из таких войн описал Гомер в бессмертной «Илиаде», когда ионийские греки воевали со своими братьями из других полисов. Такие войны считались совершенно обыденным явлением, ибо чувства национального единства в то время еще не было. Каждый греческий полис был самостоятельным. Лишь в конце Пелопоннесской войны «эйрена» все чаще использовалась в современном смысле слова — *мир*.

Мирные договоры также назывались с того времени *эйрены*. И то, и другое обстоятельства свидетельствуют о том, что после десятилетий войны возобладало понимание того, что именно мир является желательным нормальным состоянием для индивида и общества. Уже в первой половине IV в. до н. э. возник концепт Всеобщего мира, *koinéirené* (*κοινῆεἰρήνη*), который заключался в установлении постоянного мирного порядка на основе автономии и равных прав греческих городов-государств. Для тогдашней ойкумены это была важнейшая идея. Однако оказалось, что такой порядок в конечном итоге может быть гарантирован только сильной гегемонической властью. Разброд, царивший в многочисленных греческих полисах, сменился национальным и политическим единством. Сильная власть стала гарантом мирного бытия.

Римляне использовали в качестве понятия мира латинский термин *пакс* (от *pangere* — заключать контракт), оставшийся в разных формах во всех романских языках и по сей день. Было проведено явное различие между семейным миром, межгосударственным миром и религиозным миром с богами. И лишь мир на всех трех уровнях

может гарантировать спокойную и сбалансированную жизнь для человека и социума. *Pax Romana* или *Pax Augusta* римской имперской эпохи стали образцом экспансионистского мира, когда ценности римской цивилизации распространялись ее военными легионами. Прочный мир устанавливался военными средствами, и это диалектическое противоречие уже в ту эпоху вычленили философы, рассуждавшие о необходимости зла для достижения благих целей.

Августин Аврелий разработал историческую модель спасения двух параллельных царств, божественного «Града Божьего» (*civitas dei*) и «земного государства» (*civitas terrena*), которые должны достичь вечного мира в конце времен, т. е. в завершение человеческой истории. Однако для переживаемой человечеством современности Августин перенял именно античную идею справедливой войны.

В Средние века идея военной вражды как средства обеспечения правопорядка конкурировала с различными идеалами мира: божественный мир, мир на земле и королевский мир. Марсилиус Падуанский (1275–1342) развил идею *defensor pacis* (защитник мира) как концепцию оборонительной войны, которую представил как самостоятельную и необходимую политическую задачу в мирное время. Основные аргументы этого мыслителя в своих основаниях дожили до нашего времени.

Одним из наиболее решительных борцов против войны и за мирное существование является гуманист Эразм Роттердамский, который в 1517 г. подал миру свой и доньше звучащий голос в своем трактате «Плач мира» против безумия войны [9].

Идея мира в наше время целостно сформировалась под влиянием Вестфальского мира 1648 г., положившего конец Тридцатилетней войне, которую с полным правом можно считать первой мировой войной, если понимать под «миром» европейскую ойкумену. Гуго Гроций создал и оформил в своих трудах идею международного права в Европе, которая должна была исключить применение силы между различными конфессиями. Правовые и моральные принципы должны обладать принципиальной и в целом уважаемой силой, независимо от конкретных убеждений их сторонников («Право на войну и мир», 1625 г.) [4].

Томас Гоббс потребовал в 1651 г. в знаменитом труде «Левиафан» одинакового права для всех граждан на национальном уровне [2]. Государству необходимы соответствующие полномочия для защиты этого права от привилегий сильных (например, дворянства) и от насилия фанатиков. Основание для этого он видел в стремлении человека к безопасности, самосохранению и независимости от иностранного произвола. Этим Гоббс идеологически подготовил почву для современного централизованного государства. Опасности злоупотребления властью со стороны государства, которые Гоббс явственно видел, наиболее ярко проявились в тоталитарных эксцессах фашистского и коммунистического режимов.

В XVIII в. гениальный немецкий философ Иммануил Кант использовал категорический императив как этическое обоснование для собственного философско-политического трактата «К вечному миру», поражающего своей пророческой глубиной [6]. Именно из базисных идей этого трактата, по сути, разовьются в XX столетии основные принципы Лиги Наций и, разумеется, Организации Объединенных Наций.

После изобретения атомного оружия особенно актуальной стала идея Канта о том, что у человечества лишь два пути в будущем: либо договариваться о вечном мире, либо обрести покой на гигантском кладбище, в которое превратится планета после последней войны. П. А. Горохов пишет об этой идее Канта: «Хотя он считал, что причины войн коренятся в изначальной порочности человеческого рода, в этой работе мыслитель довольно оптимистично пропагандировал идею международного соглашения. Практическая работа по установлению мира на земле отнюдь не прозрачна, поэтому своему трактату он придал форму договора, всячески подражая дипломатическим документам» [3, с. 189].

Согласно марксистской точке зрения, только рабочий класс может устранить причины войны и создать общественный порядок, международным принципом которого будет *мир*, потому что у каждой нации есть один и тот же принцип — *труд*. Таким образом, мир является необходимым следствием общественной собственности на средства производства и сопутствующих социальных условий, в то время как война также была вполне естественно связана с классовым обществом и использовалась правящими классами для консолидации и расширения своей власти. Пока будет капитализм, войны неизбежны, и нет такого преступления, которого не совершит капиталист ради прибыли. Таким образом, в классовом обществе мир был для марксиста просто паузой между войнами, которая — прежде всего в империализме — служила только для подготовки к следующей войне на пути к мировому господству не только в военном, но и в моральном, в пропагандистском, политическом и экономическом отношениях.

Пакт Бриана-Келлога от 1928 г. (Парижский пакт) — первый международный договор, подвергающий остракизму агрессивную войну как средство международной политики. Нужно отказаться от войны как инструмента национальной политики — вот основная идея этого документа международного права. И в те времена она отнюдь не считалась само собой разумеющейся.

Если Первую мировую войну с ее самыми разнообразными философскими и интеллектуальными обоснованиями еще можно было пропагандистскими средствами оправдывать и поддерживать как некий всемирный проект очищения и освобождения для отдельных колониальных стран и угнетенных народов, то Вторая мировая война — наряду с нацистским Холокостом — уже неизбежно привела к потенциальной разработке и практическому испытанию атомной бомбы (Хиросима и Нагасаки), которое с военной точки зрения было абсолютно бессмысленным. Мечты о мире обернулись жуткими грезами о саморазрушении человечества в ядерной войне. Все это не могло не воздействовать — причем радикальным образом — на умы интеллектуалов и на массовое сознание.

Таким образом, война как «отец всего» (по мысли Гераклита) в истории XX в., наконец, оказалась угрозой для всей человеческой цивилизации. Гераклит и последующие мыслители вплоть до середины XX в. еще могли рассуждать о стимулирующей роли войны для развития человеческой цивилизации и качества самой жизни. После изобретения ядерного оружия такие рассуждения стали бессмысленными, хотя споры о возможности применения ядерного оружия все еще продолжаются политиками-авантюристами и безответственными учеными. Сегодня человечество, скорее, должно задуматься над правотой слов Виктора Гюго из его романа «Отверженные»: «Мир — добродетель цивилизации, война — ее преступление» [5, с. 395].

Хотя и сегодня многие политики в глобализирующемся мире вспоминают Г. В. Ф. Гегеля, который часто признавал благость войны. Например, в труде «О научных способах исследования естественного права» мыслитель так оценивает войну: «...для восстановления нравственного здоровья нет более сильного целебного средства, чем война, которая до корня потрясает положение вещей, не исключая и самой жизни, и обнаруживает мелочи жизни в их истинном свете» [10, с. 211]. В этой же работе читаем: «Война (так как в ней заключается свободная возможность уничтожения не только отдельных частных, но и самостоятельности их, как жизни, и притом уничтожения даже самого абсолютного или народа) поддерживает нравственное здоровье народов в индифференции против частных определенностей и против привыкания и окостенения, как ветер предохраняет озера от загнивания, которое могло бы явиться в них от продолжительного затишья, а среди народов от продолжительного или даже «вечного» мира» [10, с. 213–214].

Гегель часто увлекался абстрактным теоретизированием, поэтому не стоит автоматически зачислять его в практики человеконенавистничества. Мыслитель, в целом, отмечал, что война часто необходима для защиты суверенитета государств и порой выступает средством сохранения нравственного здоровья граждан, ибо лишь благодаря войне отдельная человеческая жизнь способна подняться до высокого дела свободы и нравственности. Тот факт, что война выкашивает самых лучших людей, генофонд нации, Гегель, видимо, не замечал, хотя был современником великой наполеоновской эпохи, наполненной кровопролитными войнами. Также мыслитель, будучи знатоком всемирной истории, очень верно заметил, что война может предотвратить внутренние смуты и способствовать укреплению государственной власти.

Обратимся к реальным шагам и акциям по достижению, сохранению и укреплению мирного существования, т. е. к **праксиологическому аспекту проблемы**. Движение за мир в нашу эпоху не основывается исключительно на религиозных источниках и мотивах, но и включает в свои ряды экологически и философски мотивированных атеистов, вставших под знамена пацифизма за реализацию проекта «Мечи на орала».

Бертран Рассел, философ, математик, агностик, автор прекрасных по стилю и глубоким по содержанию трудов, лауреат Нобелевской премии по литературе, отправил в 1962 г. телеграммы Джону Кеннеди, Никите Хрущеву, Генеральному секретарю ООН У. Тану и премьер-министру Великобритании Гарольду Макмиллану в разгар кубинского ракетного кризиса, когда мир оказался на грани ядерной войны. Хрущев написал Расселу длинное ответное письмо, опубликованное агентством ТАСС, направленное против Кеннеди и политики западного мира. Но Хрущев услышал, как и Кеннеди, призывы предотвратить ядерную войну, ибо эти политики видели ужасы мировой войны. Услышат ли подобные призывы современные политики, знакомые с войной лишь по компьютерным играм?! Вот в чем опасность для мирного будущего человечества.

Человечеству и, в особенности, современным политикам следует чаще вспоминать афоризм Альберта Эйнштейна, который он высказал в ответ на расспросы документальных журналистов: «Я не знаю, каким оружием будет вестись третья мировая война, но четвертая — палками и камнями».

В то же время в эпоху холодной войны возникла идея «атомного мира» как результата равновесия сил сверхдержав, обладающих ужасным оружием. Атомный мир состоит в противоречивом единстве силовых противоположностей, и его необходимым условием является поддержание этого чрезвычайно хрупкого единства. Если атомное самоопределение, которое поддерживает этот мир, терпит неудачу, условия для всего мирного сосуществования будут разрушены. Индуцированное уничтожение целиком и полностью исключает возвращение к миру. Предыдущий цикл всей человеческой истории «Мир — Война — Мир» ныне отменен, ибо любая война с применением атомного оружия может стать последней.

Одним из способов определения миролюбивости стран и регионов с 2008 г. является специальная форма сбора данных. Так называемый *Глобальный индекс мира* сочетает в себе различные показатели, такие как количество войн, проведенных внутри страны и за рубежом, количество убийств, а также военные возможности каждого государства, и, таким образом, пытается количественно определить мир в отношении отдельных стран. Глобальный индекс мира — это способ взглянуть на эволюцию концепции мира во всем мире.

Отметим, что мир как состояние непричастности к войне является скорее исключением, чем правилом в истории государств и народов. Идея мира во всем мире считается утопией. По данным доклада Роберта Джексона, адресованном НАТО в 1997 г., после 1945 г. на Земле было лишь 26 мирных дней¹.

¹Jackson. R. NATO and peacekeeping // Final Report for NATO Fellowship, Due 30 June 1997.

Тем не менее, есть государства, которые не участвовали в войнах с XIX в. Например, Швеция с 1815 г. по настоящее время является страной с самым длительным и прочным мирным существованием. С момента вторжения в Норвегию в соответствии с Кильским договором, Швеция смогла сохранить мир для своих граждан и по сей день.

Швейцария с 1848 г. до сегодняшнего дня настаивает на нейтралитете как на основе своей внешней политики, и эта страна смогла сохранить прочный мир. Ее девиз — *unus pro omnibus, omne pro uno* — совпадает с жизненным кредо мушкетеров великого Александра Дюма. Хотя Швейцарии удается оставаться нейтральной не в последнюю очередь благодаря знаменитым банкам, поэтому даже нацистский рейх не рискнул оккупировать это небольшое государство, провозгласившее принципы мирного сосуществования и имеющее четыре официальных государственных языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский).

Маленькое государство в Центральной Америке Коста-Рика еще в 1948 г. отказалось от собственной армии, и большинство средств бюджета направляет на развитие образования и науки. Уровень безопасности жителей, тем не менее, очень высок, а уровень преступности низок. В 1980 г. в Коста-Рике был открыт Университет Мира, созданный чтобы «обеспечить человечество международным высшим учебным заведением по вопросам мира и с целью укрепления между всеми людьми духа взаимопонимания, терпимости и мирного сосуществования для поощрения сотрудничества между народами и содействия уменьшению препятствий и угроз международному миру и прогрессу в соответствии с благородными целями, провозглашенными в Уставе Организации Объединенных Наций»¹.

В ознаменование начала Второй мировой войны, в Федеративной Республике Германии с 1966 г. отмечается Всемирный день мира (также известный как *Анти-военный день*). В ГДР этот день уже существовал с 1950-х гг. Что касается католической церкви, то в 1968 г. папа Павел VI объявил 1 января «Всемирным днем мира», а Организация Объединенных Наций отмечает Международный день мира 21 сентября, начиная с 1981 г.

Для сохранения целостного мира на планете важно отсутствие бунтов, социальных потрясений, вражды и ущемления справедливости в отдельных странах, особенно в тех, которые играют ключевую роль на международной арене. Обратимся к **проблеме социального мира**.

Уже в языческие времена между германскими народами и другими племенами существовал обычай мира во время тинга — народного собрания, европейского аналога вече. Необходимость душевного спокойствия людей и сохранения мира обязывало «из уважения к богам, духам и предкам» не вступать в открытые столкновения во время деловых, торговых и политических сделок. Видимо, именно от обычая *Thingfrieden* развилась экономическая конъюнктура рынков, таких как собираемый три раз в год *Send* в Мюнстере — ярмарка, которая была первоначально организована по случаю дня вещательного суда.

В христианское средневековье существовали институты земельного мира, Божьего мира и королевского мира, регулирующие различные виды перемирия. Но именно в Новое время все явственнее прослеживается монополия государства в деле обеспечения мирного существования. Возрастает роль социального мира в отдельном государстве для мирного существования сообщества государств.

Государство имеет право предотвращать любую угрозу своему существованию путем уголовных, административных наказаний и применением военной силы. В ци-

¹ Международное соглашение о создании Университета мира и Устав Университета мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/35/55&lang=R (дата обращения: 26.02.2019).

вилизованных обществах, ориентированных на европейские ценности, считается, что только в случаях самообороны и экстренной помощи насилие может быть осуществлено кем-либо на законных основаниях.

Но монополия государства на власть и применение силы представляется законной только в том случае, если государство является конституционным государством, в котором существует разделение властей, в котором конституция принимается самим народом или избранным парламентом и где исполнительная и судебная власти связаны правом и законами. Принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную — залог демократии и мирного существования внутри самого государства. Это — гарант от сосредоточения власти в руках одного лица или определенного социального слоя. Кроме того, государственные органы заинтересованы во всемерной поддержке правового мира в стране.

Во многих государствах считается, что для обеспечения мирного существования граждане должны иметь право свободно пользоваться оружием для защиты своей свободы и собственной безопасности. В США законодательно закреплено право владеть оружием, носить оружие и использовать оружие именно для того, чтобы поддерживать мир в стране. Большинство штатов приняли специальные законы, которые юридически регулируют владение, хранение и использование оружия.

В Германии людям, не принадлежащим к органам государственной исполнительной власти, обычно требуется лицензия на огнестрельное оружие, если они на законных основаниях хотят приобрести такое оружие и владеть им. В отношении другого оружия также существуют обширные правовые положения — например, запрещающие ввоз всех видов оружия в школы. Разнообразные меры предназначены для предотвращения применения оружия, усиливающего деструктивное воздействие применения физической силы.

Увы, в современных городах и в политических сообществах Запада, мир как общественное спокойствие может быть нарушен относительно легко. Покров цивилизации быстро слетает с людей, обнаруживая их звериную сущность. Поэтому законы, регулирующие издательскую деятельность, требуют, чтобы редакторы некоторых официальных бюллетеней не публиковали материалы, имеющие характер «своим общим содержанием могущий вызвать общественное беспокойство»¹. К ним относятся личностные нападки, доносы и диффамация, которые нарушают действующие законы.

Ответственность за поддержание гражданского мира и спокойствия во многом несут на себе средства массовой информации. За последние два десятка лет возникла новая виртуальная реальность — киберпространство, в котором также ведутся особые кибервойны. Поэтому ученые и политики заговорили о *кибермире*, т. е. мирном существовании в киберпространстве. Сам термин *cyberpeace* учитывает относительно новую возможность вести войны не только на воде, на суше, в воздухе и в космосе, но и в киберпространстве.

В целом, современное западное общество стремится к достижению социально-го мира, но за последние годы в Европе возникли новые препятствия, в том числе и вследствие непродуманной миграционной политики, проводимой лидерами европейских государств. В Европу хлынули потоки лиц из Африки и Азии, не имеющих никакого представления о европейских ценностях и преимуществах мирного существования, но стремящихся лишь потреблять материальные блага в как можно большем количестве.

Сегодня социальный мир преимущественно определяется как отношения, которые не позволяют государству испытать «восстание низших слоев», поскольку большинство его членов считают степень несправедливости по отношению к рас-

¹ Dietrich. S. Gefangen im Sozialstaat. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19 Oktober 2006.

пределению в данном государстве невыносимой. Сохранение «социального мира» является важнейшей задачей государства всеобщего благосостояния. Альбрехт фон Люк понимает «социальный мир» как «социальную интеграцию, удовлетворение населения демократией, <...> возможности для развития, способность участвовать в жизни общества — как в социальном, так и в политическом плане»¹.

В заключение следует отметить **роль различных религиозных конфессий** в деле установления и укрепления мирного существования. Говорят часто о религиозном мире, но сам термин *религиозный мир* обычно не относится к состоянию мира и отсутствию вражды между самими мировыми религиями. Например, в Германии религиозный мир — это термин, скорее используемый в исторических исследованиях для обозначения исторических мирных поселений между католическим и протестантским лагерями в первом веке после Реформации. В частности, Нюрнбергский религиозный мир от 23 июля 1532 г. и Аугсбургский имперский и религиозный мир от 25 сентября 1555 г. являются наиболее обсуждаемыми в научной литературе. Аугсбургский фестиваль высокого мира, который проводится с 1650 г. 8 августа исключительно в городе Аугсбурге (в рамках государственного праздника), основывается на традиции имперского и религиозного мира Аугсбурга.

Проблема мира между религиями и их представителями особенно обострилась после образования однополярного мира и агрессивной, проводимой по американским стандартам глобализации. Усилия деятелей церкви не следует сбрасывать со счетов. Например, в ответ на нападения 11 сентября 2001 г. критически мыслящий католический богослов Ганс Кюнг опубликовал следующие четыре тезиса:

«Нет мира между народами без мира между религиями.

Нет мира между религиями без диалога между религиями.

Нет диалога между религиями без глобальных этических стандартов.

Нет выживания нашего земного шара без глобального этизма, глобальной этики»².

С этими тезисами, на наш взгляд, согласится каждый здравомыслящий человек. Хотя деятели церкви и представители различных религий и религиозных конфессий на протяжении всемирной истории часто играли неблагоприятную роль в развязывании войн, прежде всего, религиозных, все основные мировые религии по своим этическим основаниям направлены на достижение мира в человеческой душе и в обществе.

Например, великий мыслитель и поэт Иоганн Вольфганг Гете видел в христианстве скорее не церковь как социальный институт, а основу человеческой нравственности и культуры. Недаром однажды он сказал своему секретарю Эккерману: «Христианская религия — великая сила. Измученному, идущему ко дну человечеству она неоднократно помогала воспрянуть, и ежели мы признаем за нею возможность столь мощного воздействия, значит, она стоит выше любой философии и в опоре последней отнюдь не нуждается» [12, с. 275]. Мыслитель считал, что что-то более великое, чем нравственная культура христианства, человечеству уже не суждено создать. Подлинная нравственность включает в себя осознание ценности мирного существования и преступной неразумности кровопролития.

Подведем основные итоги исследования. В статье были рассмотрены основные аспекты мирного существования как базисного понятия всей человеческой истории и цивилизации. Мир и война как два диалектических основания человеческого

¹Nissen. N. Der soziale Frieden in Deutschland ist gefährdet. Albrecht von Lucke über bedenkliche Entwicklungen im postdemokratischen Zeitalter. heise.de. 18. Dezember 2009.

²Küng. H. Kein Frieden ohne Frieden der Religionen. Über die Rolle der Religionen nach den Anschlägen in den USA vom 11. September. Reader's Digest. 11/2001, S. 12.

бытия теснейшим образом переплетались во все времена всемирной истории. Это доказывает как вдумчивый лингвистический анализ, так и логико-исторический подход к проблеме мирного существования.

Мир не всегда считался необходимым для индивидуального и социального существования. Философы признавали порой благостный характер войны как сплачивающий государство и цивилизационно образующий фактор, следуя известной оценке Гераклита. Но именно в XX столетии война приобрела такие качественные характеристики, что любое военное столкновение может привести к ядерному апокалипсису. Война уже давно перестала быть «отцом всего», хотя и ныне многие передовые технологии появляются именно в сфере военной индустрии. В эпоху цивилизационного противостояния достижение и сохранение всеобщего мира стало жизненно важной задачей для всего человечества.

Представления о мирном существовании проделали эволюцию от мыслей об искусственности мира и естественности вражды и войны для человечества и отдельного индивида до аксиоматичности концепций, превозносящих всеобщий мир на планете как единственное средство избежать ядерного апокалипсиса.

Если глобализация и имеет какие-то положительные стороны, то она, видимо, приведет к осознанию хрупкости всей человеческой цивилизации и уникальности составляющих ее социокультурных образований. Для достижения мира на планете необходимо оставить попытки насильственным образом унифицировать его. Все богатство человеческой культуры невозможно упростить и унифицировать в рамках одной геополитической, экономической и культурной парадигмы. Именно такого рода агрессивные попытки могут привести к Третьей мировой войне, т. е. полному уничтожению человечества.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. Т. II. М. : Мысль, 1977.
2. Гоббс Т. Левиафан; О человеке (психология); О государстве. СПб. : П. П. Сойкин, ценз. 1902.
3. Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Трактат Иммануила Канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 188–190.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. СПб. : П. П. Сойкин, ценз. 1902.
5. Гюго В. Отверженные. Т. I. М. : Правда, 1988.
6. «К вечному миру» И. Канта / А. В. Гулыга. М. : Московский рабочий, 1989.
7. Кант И. Соч. в 8 т. Т. I. М. : ЧОРО, 1994.
8. Таранов П. С. Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. М. : ЭКСМО, 2004.
9. Трактаты о вечном мире / сост.: И. С. Андреева, А. В. Гулыга. СПб. : Алетейя, 2003.
10. Фишер К. История новой философии. Т. VIII. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. М. : Соцэкгиз, 1933.
11. Шамахов В. А., Ковалев А. А. Оппозиция «мир — война» как явление гибридной политической реальности // Политика и общество. 2018. № 7. С. 25–39.
12. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986.
13. Galtung J. Die Zukunft der Menschenrechte. Verständigung zwischen den Kulturen. Frankfurt am Main : Campus, 2000. S. 45.
14. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. N 3. P. 167–191.

Об авторе:

Ковалев Андрей Андреевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, kovalev-aa@ranepa.ru

References

1. Hegel G.W.F. Religion philosophy: In 2 volumes: V. II. M. : Thought, 1977. 573 p.
2. Hobbes T. Leviathan; About the person (psychology); About the state. St. Petersburg : P.P. Soykin. 1902. 57 p. (In rus)
3. Gorokhov P.A., Yuzhaninov E.R. Treatise of Immanuel Kant “Perpetual peace”: possibility of implementation of the project // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2015. N 11. P. 188–190. (In rus)
4. Grotii H. On the Law of War and Peace. St. Petersburg: P.P. Soykin. 1902. 50 p. (In rus)
5. Hugo V. Misserables. Novel in 2 volumes. Volume I. M. : Truth, 1988. 1400 p. (In rus)
6. “Perpetual peace” I. Kant / Gulyga A.V. M. : Moscow worker, 1989. 75 p. (In rus)
7. Kant I. Compositions in 8 volumes. Volume I. M. : ChORO, 1994. 544 p. (In rus)
8. Taranov P. S. The philosophical biographic dictionary illustrated by thoughts. M. : EKSMO, 2004. 893 p. (In rus)
9. Treatises about everlasting peace / collection.: I.S. Andreyeva, A.V. Gulyga. SPb.: Aletheya, 2003. 387 p. (In rus)
10. Fischer K. History of new philosophy. Vol. VIII. Hegel. His life, compositions and doctrine. The first semi-volume. M. : Socecgiz, 1933. 608 p. (In rus)
11. Shamakhov V.A., Kovalyov A.A. Opposition “the world — war” as the phenomenon of hybrid political reality // Policy and society [Politika i obshchestvo]. 2018. N 7. P. 25–39. (In rus)
12. Eckermann J.P. Conversations with Goethe in the last years of his life. M., 1986. (In rus)
13. Galtung J. Die Zukunft der Menschenrechte. Verständigung zwischen den Kulturen. Frankfurt am Main : Campus, 2000. S. 45.
14. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. N 3. P. 167–191.

About the author:

Andrey A. Kovalev, Associate Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in political science; kovalev-aa@ranepa.ru

Деятельность органов власти в период подготовки и проведения Курской битвы

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье на основе архивных документов, сборников решений государственных органов, мемуаров прославленных военачальников — участников Курской битвы, материалов газеты «Правда» и журнала «Красноармеец», избранных произведений государственных и политических деятелей рассматривается организаторская деятельность партийных и советских органов: ГКО, Ставки ВГК, СНК СССР, наркоматов СССР, Военных советов фронтов и армий, направленная на консолидацию и мобилизацию всего советского народа и народнохозяйственного комплекса на разгром немецко-фашистских войск на Курской дуге. Автор в ходе анализа архивных источников и воспоминаний военачальников приходит к выводу, что труженики тыла, жертвуя временем, напрягая силы и свои возможности, работали для фронта с удвоенной энергией, чтобы своевременно и в достаточном количестве обеспечить Действующую армию орудиями, танками, самоходными артиллерийскими установками, самолетами, пулеметами, автоматами, минометами, боеприпасами, снаряжением, продовольствием и др.

Ключевые слова: Органы власти, ГКО, Верховный Главнокомандующий, Ставка ВГК, СНК СССР, НКО СССР, Военные советы фронтов и армий, партийные и советские органы, мужество и трудовой героизм, боевая техника, вооружение: танки, самолеты, артиллерия, пулеметы, автоматы, стойкость, личный состав

The Activities of the Authorities during the Preparation and Holding the Battle of Kursk

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The article on the basis of archival documents, collections of decisions of state bodies, memoirs of famous military leaders — participants of the Battle of Kursk, materials of the newspaper Pravda and the magazine “Red Army”, selected works of state and political figures examines the organizing activities of party and Soviet bodies: GKO, Stavka VGK, SNK of the USSR, People’s Commissars of the USSR, the Military Councils of the fronts and armies, aimed at consolidating and mobilizing the entire Soviet people and the national-economic complex to defeat the German co-fascist troops on the Kursk Bulge. During the analysis of archival sources and memories of military leaders, the author comes to the conclusion that rear workers, sacrificing time, straining their strength and capabilities, worked for the front with renewed energy in order to provide the Army in good time and in sufficient quantities with guns, tanks, self-propelled artillery, airplanes, machine guns, assault rifles, mortars, ammunition, equipment, food, etc.

Keywords: the authorities, State Defense Committee, the Supreme Commander, Supreme Command Headquarters, Military Councils of the fronts and armies, party and Soviet organs, courage and labor heroism, military equipment, armament: tanks, aircraft, artillery, machine guns, assault rifles, resilience, personnel

Знаковым событием Второй мировой войны является Курская битва, в ходе которой Советские вооруженные силы разгромили 30 дивизий, вермахт потерял до полумиллиона личного состава, 1,5 тыс. танков новейших конструкций, 3 тыс. орудий и более 3,7 тыс. боевых самолетов [16, с. 125].

Одним из основных источников Победы явилась организаторская деятельность органов власти.

Готовя Вооруженные Силы СССР к решающим сражениям с немецко-фашистскими войсками в районе Курской дуги, партийные и советские органы провели огромную работу по увеличению выпуска боевой техники и вооружения, всемерному укреплению и усилению Действующей армии.

Чтобы обеспечить необходимый рост военного производства, повышение боевой мощи Красной Армии, высшие органы государственной власти приняли решительные меры для увеличения добычи топлива, производства электроэнергии, выплавки металла, улучшения работы транспорта¹.

Так, 7 февраля 1943 г. ГКО принял постановление «О мерах неотложной помощи черной металлургии»² об особом ее значении, от которой целиком зависело выполнение плана всеми отраслями военной промышленности. «Современная война, — отмечал Н.А. Вознесенский³, — ведется металлом. Металл — это танки, самолеты, артиллерия, боеприпасы. Борьба за металл является борьбой за победу в Великой Отечественной войне» [3, с. 523].

В соответствии с требованиями ГКО была осуществлена глубокая перестройка промышленности в пользу черной металлургии. Если, к примеру, для производства боеприпасов было направлено черных металлов в 1942 г. — 1838, то уже в 1943 г. — 2437 тыс. т [3, с. 530].

В увеличении промышленного производства для нужд фронта и обеспечении боевых действий Красной Армии значительная роль принадлежала железнодорожному транспорту, связывавшему тыл с фронтом. Поэтому партийные и советские органы, понимая, что в военное время успех дела во многом зависит от работы железных дорог, добились напряженной и безотказной работы транспорта. В письме ЦК партии и СНК СССР от 20 января 1943 г. они обязали первых секретарей партийных комитетов и председателей исполкомов лично заняться делом улучшения работы железных дорог, депо, узлов и станций, помочь в организации четкого, бесперебойного продвижения поездов, немедленно направить членов бюро и секретарей горкомов и обкомов по транспорту, а также секретарей райкомов на наиболее трудные участки в работе дорог⁴.

15 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом объявил все железные дороги на военном положении⁵. «Воинский порядок на транспорте, беспрекословное подчинение воле командира, воинская исполнительность железнодорожников, — писала газета «Правда», — помогут Красной Армии нанести новые сокрушительные удары по врагу и одержать полную победу над проклятыми немецкими захватчиками»⁶.

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): в 5 т. М. : Политиздат, 1968. Т. 3 (1941–1952 гг.). С. 88–90, 94–96, 118–121.

² Там же. С. 94.

³ В годы войны — член ГКО, первый заместитель Председателя СНК СССР // Великая Отечественная война, 1941–1945: Словарь-справочник. М. : Политиздат, 1985. С. 92.

⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 3. С. 88–89.

⁵ Правда. 1943. 16 апреля.

⁶ Военное положение на железных дорогах СССР // Правда. 1943. 17 апреля.

Опыт предшествующих сражений подтвердил, что ударная сила и маневренность Красной Армии во многом зависели от танковых частей и авиации. Вот почему ГКО 4 января 1943 г. принял постановление об увеличении выпуска танков¹, в котором потребовал от секретарей обкомов и горкомов ВКП(б) взять под личный контроль выполнение заказов для танковых заводов и оказывать им всестороннюю помощь в выполнении производственных заданий² [2, с. 253].

В целом, учитывая важность данного вопроса, ГКО с 4 января по 27 июля 1943 г. было принято по неполным данным 57 постановлений и распоряжений, регулирующих вопросы в сфере производства и ремонта танков³, а также 37 решений — по самолетам⁴.

Отметим, что Бюро ГКО⁵ постоянно держало в поле зрения производство, модернизацию и создание новых видов танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов. По его требованию их производство в 1943 г. планировалось не поквартально, как прежде, а на каждый месяц. Эти планы утверждались членами ГКО и докладывались наркоматами в установленные сроки⁶ [14, с. 240]. Непосредственно за поставку вооружения в СНК СССР и Госплане СССР отвечал заместитель председателя Госплана СССР П. И. Кирпичников [14, с. 240].

ГКО, учитывая потребности Действующей армии в боеприпасах, принимает меры и по увеличению выпуска боеприпасов, для чего переводит многие заводы и фабрики других отраслей на их производство: если в 1941 г. насчитывалось 332 предприятия, то в 1943 г. — 1300 предприятий⁷.

¹ В 1943 г. производством танков занимались шесть заводов: завод № 183; Кировский завод (г. Челябинск); завод № 112; Уральский завод тяжелого машиностроения; завод № 174; Сталинградский тракторный завод [Электронный ресурс]. URL <http://alternathistory.com/predpriyatiya-tankovoj-promyshlennosti-sssr/> (дата обращения: 10.02.2019).

² О плане производства танков, артиллерийских самоходных установок и танковых дизелей в I квартале 1943 года : Постановление ГКО от 4 января 1943 г. [Электронный ресурс]. URL <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1943.html> (дата обращения: 10.02.2019).

³ Подсчитано авт. по: Постановления ГКО в 1943 г. [Электронный ресурс]. URL <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1943.html> (дата обращения: 10.02.2019); О плане производства танков, артиллерийских самоходных установок и танковых дизелей в I квартале 1943 года...; О мерах по обеспечению аккумуляторами выпуска танков Т-34 в марте 1943 г. : распоряжение ГКО от 10 марта 1943 г. № 3019; Об улучшении качества танков, выпускаемых Наркомтанкопромом и Наркомсредмашем: постановление ГКО от 29 марта 1943 г. № 3092; О материально-техническом обеспечении танковой промышленности во втором квартале 1943 года : постановление ГКО от 6 мая 1943 г. № 3292 и др.

⁴ Подсчитано авт. по: Постановления ГКО в 1943 г. [Электронный ресурс]. URL <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1943.html> (дата обращения: 10.02.2019); Об увеличении выпуска истребителей : постановление ГКО от 17 мая 1943 г. № 3388; Об организации производства самолета Як-9 с мотором М-107 А: постановление ГКО от 28 мая 1943 г. № 3448; О постановке серийного производства на заводе № 22 самолетов Пе-2 в варианте истребителя : постановление ГКО от 28 мая 1943 г. № 3449 и др.

⁵ Было создано 8 декабря 1942 г. с целью осуществления контроля и наблюдения за текущей работой всех Наркоматов оборонной промышленности, Наркомата путей сообщения, Наркомата черной металлургии, Наркомата цветной металлургии, Наркомата электростанций, Наркомата угольной промышленности, Наркомата нефтяной промышленности, Наркомата химической промышленности, а также за делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым // Об утверждении оперативного бюро ГКО: постановление ГКО от 8 декабря 1942 г. № 2615с [Электронный ресурс]. URL https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ГКО_№_2615с_от_8.12.42 (дата обращения: 10.02.2019).

⁶ Комаров Н. Я. Государственный Комитет Обороны постановляет...: Документы. Воспоминания. Комментарии. М. : Воениздат, 1990. С. 196.

⁷ Студеникин П., Тараненко И. Ввиду чрезвычайного положения... // Правда. 1986. 30 июня.

Одновременно ГКО поставил задачу и перед пороховой промышленностью: увеличить производство пороха. Одному из заводов (директор — генерал-майор Д. Бидинский), например, было дано задание увеличить выпуск пороха в три раза. «Невыполнение правительственного задания, — указывалось в телеграмме ГКО, — приведет к срыву большой операции (Курской — авт.) на фронте...»¹. Аналогичное задание ГКО накануне Курской битвы дается заводу «К» (пороховому заводу им. С. М. Кирова)².

Важную роль для победы в Курской битве сыграла мобилизация всего населения на помощь фронту. В приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1943 г. № 195 говорилось, что «...война против немецко-фашистских захватчиков требует, чтобы Красная Армия получала еще больше орудий, танков, самолетов, пулеметов, автоматов, минометов, боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Значит необходимо, чтобы рабочие, колхозники, вся советская интеллигенция работали для фронта с удвоенной энергией. Нужно, чтобы все наши люди и все учреждения в тылу работали слаженно и четко, как хороший часовой механизм»³.

Обращение Верховного Главнокомандующего к жителям страны нашло поддержку. «Тыл Красной Армии (народнохозяйственный комплекс — авт.), — писал журнал «Красноармеец», — живет сейчас одной мыслью — дать фронту как можно больше и как можно лучшего качества танков, самолетов, пушек, винтовок, пулеметов, минометов, боеприпасов, снаряжения, продовольствия»⁴.

Тыл страны, благодаря огромной организаторской работе партийных и советских органов, обеспечил крутой рост военной мощи государства. Валовая продукция всей промышленности в 1943 г. по сравнению с 1942 г. выросла на 17%, тогда как за три мирных года третьей пятилетки среднегодовой прирост ее составлял 13% [3, с. 506]. Опираясь на успехи основных отраслей народного хозяйства, военная промышленность наращивала темпы производства: объем выпущенной продукции по сравнению с довоенным уровнем вырос в два раза⁵.

Об увеличении производства боевой техники и вооружения в СССР говорят данные табл. 1 [3, с. 570].

Как видно из таблицы, партийные и советские органы приняли меры, обеспечивающие рост выпуска боевой техники, оружия и боеприпасов. Особое внимание было уделено производству самоходно-артиллерийских установок (далее — САУ), так как ГКО учитывал то, что немецко-фашистское командование в Курской битве возлагало главные надежды на свои новые танки.

«...Гитлеру хотелось, — вспоминал генерал пехоты вермахта, затем военный историк Күрт фон Типпельскирх в своей книге «История Второй мировой войны», — применить в этой операции большое количество танков «пантера», которые незадолго перед тем были пущены в серийное производство и на которые он возлагал особенно большие надежды»⁶.

В 1943 г. советские конструкторы создали 21 образец новых типов танков и САУ, в два раза больше, чем в 1942 г., из них шесть типов боевых машин было пущено в производство. Был модернизирован танк Т-34, превосходящий все известные

¹ Там же.

² Пороховой завод им. С. М. Кирова в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL <https://helpiks.org/5-33497.html> (дата обращения: 15.02.2019).

³ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза [Электронный ресурс]. URL <https://www.litmir.me/br/?b=25660&p=27> (дата обращения: 10.02.2019).

⁴ Бадаев А. Красная Армия — детище Октября // Красноармеец. 1943. № 4. С. 2.

⁵ Володарский Л. М. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 18.

⁶ Фон Типпельскирх К. История Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL <https://www.litmir.me/br/?b=27586&p=122> (дата обращения: 04.05.2019).

Рост производства боевой техники и вооружения в СССР, %

Table 1. Increase in production of military equipment and arms in the USSR, %

Наименование	1942 г.	1943 г.
Самолеты	100	137
Самоходные артиллерийские установки	100	7100
Зенитная артиллерия	100	165
Крупнокалиберные пулеметы	100	174
76-мм артиллерийские выстрелы	100	135
122-мм артвыстрелы	100	190
152-мм артвыстрелы	100	160
Авиационные снаряды	100	133
82-мм мины	100	181
120-мм мины	100	178
Фугасные авиабомбы	100	167
Патроны	100	145

Составлено автором по: *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1931–1947. М. : Политиздат, 1979. С. 570.

зарубежные танки того же типа. Среднемесячный выпуск бронетанковой техники в стране вырос в 1943 г. по сравнению с 1941 г. в 3,7 раза и составил свыше 2 тыс. танков и САУ. Увеличилось производство боевых машин реактивной артиллерии в 1943 г. в 3,4 раза по сравнению с 1941 г. [7, т. 3 с. 169–170, 172].

15 июня 1943 г. по решению ГКО (постановление № 3578 — авт.) была принята на вооружение усовершенствованная 57-мм противотанковая пушка образца 1943 г. ЗИС-2, а уже через три недели она стала поступать в войска на Курской дуге. По своим тактико-техническим характеристикам противотанковая пушка значительно превосходила все имевшиеся в то время аналогичные образцы противотанковых орудий иностранных армий. ЗИС-2 была мощнее 50-мм немецкой пушки в 2,2 раза, 37-мм американской в 5,4 раза, 57-мм английской — в 1,6 раза. В 1943 г. были созданы и приняты на вооружение подкалиберные и кумулятивные выстрелы (снаряды) 45, 57, 76, 85 и 122 мм [14, с. 224].

Среднемесячное производство самолетов увеличилось с 2,1 тыс. в 1942 г. до 2,9 тыс. в 1943 г. Успешный выпуск самолетов обеспечивался бесперебойным производством авиационных моторов. В 1943 г. было изготовлено 49 тыс. авиамоторов — почти на 11 тыс. больше, чем в 1942 г. [15, с. 327]. Советская авиация получила новые типы самолетов: Ла-5 ФН, Як-9, Як-9Д, Ил-2 (с более мощным мотором АМ-38Ф), Ил-4, Пе-2 и др., которые по своим тактико-техническим данным превосходили самолеты противника [7, с. 165–166, 216]. В целом повысилось качество авиационной техники: если в 1940 г. в Красной Армии старые типы самолетов-истребителей занимали 98,7 проц., а новые — 1,3, то к середине 1943 г. удельный вес новых истребителей достиг 77% [5, с. 261]. На вооружение наших штурмовиков поступили новые противотанковые бомбы (ПТАБ-2,5 и ПТАБ-1,5), созданные советскими конструкторами¹. Эти бомбы впервые были применены

¹ О принятии на вооружение ВВС Красной Армии новых авиабомб и взрывателей, порядке их комплектования и применения : приказ НКО СССР от 6 мая 1943 г. № 0340.

в битве под Курском и явились для врага полной неожиданностью. Своим кумулятивным взрывом они прожигали броню немецких танков [11, с. 347].

Необходимо отметить, что труженики тыла при производстве боевой техники и вооружения проявляли трудовой героизм. Так, например, 152-мм гаубица Д-1 была создана за 18 дней (18–30 апреля 1943 г.), а 76-мм пушка в 1939 г. — за 18 месяцев [14, с. 222–223].

Военная экономика год от года наращивала темпы своего производства, что положительно сказалось на повышении боевого могущества армии. Об этом наглядно свидетельствует табл. 2.

Успехи в развитии народного хозяйства СССР позволили в 1943 г. ускорить оснащение Вооруженных Сил новейшей боевой техникой и усилить соотношение средств вооружения. При этом удельный вес новых образцов достиг в стрелковом вооружении — 42,3, артиллерийском — 83, бронетанковом — более 80, авиационном — 67% [8, с. 160].

В войсках Центрального фронта к началу июля 1943 г. было 5282 орудия всех калибров, 5637 минометов, 1783 танка и САУ. Против него фашисты имели около 6 тыс. орудий и минометов и до 1200 танков и штурмовых орудий. В составе Воронежского фронта имелось 4029 орудий всех калибров, 4150 минометов, 1661 танк и САУ. А у противостоящего противника 4 тыс. орудий и минометов и до 1500 танков и штурмовых орудий. В Степном военном округе было 3397 орудий, 4004 миномета и 1551 танк и САУ [16, с. 121].

Таким образом, соотношение сил и средств складывалось в пользу Красной Армии. На северном фазе Курской дуги наши войска превосходили противника по танкам и САУ в 1,5 раза, по артиллерии — в 1,8 раза. Но на направлении главного удара — в полосе обороны 13-й и правого фланга 70-й армий — фашистское командование создало перевес в личном составе в 1,2 раза и добилось равенства в танках, лишь в артиллерии наши войска сохраняли небольшой перевес [16, с. 121].

На южном фазе Курского выступа советские войска превосходили противника в артиллерии в 2, а в танках и САУ в 1,1 раза. Однако на направлении готовящегося удара гитлеровское командование и здесь добилось временного перевеса в силах и средствах [16, с. 121].

В период с марта по июль 1943 г. по заданию Ставки ВГК войскам было отправлено винтовок и автоматов — свыше 0,5 млн единиц, ручных и станковых — 31,6 тыс. пулеметов, крупнокалиберных пулеметов — 520 штук, противотанковых ружей — 21,8 тыс., орудий и минометов — 12 336 единиц. Таким образом, только вооружения фронтам было отправлено 3100 вагонов и платформ. Отметим, что такой подачи вооружения на обеспечение одной лишь стратегической операции история еще не знала [16, с. 121–122].

Таблица 2

Наличие вооружения в Красной Армии, %
Table 2. Existence of arms in the Red Army, %

Наименование	1942 г.	1943 г.	
		Начало года	Конец года
Винтовки и автоматы	100	180	280
Пулеметы	100	210	450
Минометы	100	480	790
Орудия наземной артиллерии	100	190	290
Орудия зенитной артиллерии	100	225	360

Сост. авт. по: Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М. : Воениздат, 1981. С. 165.

Эта стратегическая операция была обеспечена и достаточным количеством боеприпасов. Среднесуточная подача составляла: Центральному фронту — 51 вагон, Воронежскому — 72 вагона, Брянскому — 31 вагон. Всего этим фронтам в среднем за сутки подавалось 154 вагона, т. е. шесть железнодорожных составов [16, с. 123]

За всю Курскую битву наши войска выпустили по противнику 14 млн мин и снарядов, 500 млн винтовочных и автоматных патронов, 3,3 млн патронов для пулеметов ДШК, 3,6 млн патронов для противотанковых ружей, израсходовали почти 4 млн ручных гранат. Чтобы доставить это, потребовалось 10 640 вагонов. За 50 дней Курской битвы был перекрыт расход Сталинградской операции, которая продолжалась 201 день [16, с. 123–124].

Колоссальная работа органов власти и всех советских людей в разгар борьбы за освобождение нашей страны от немецко-фашистских захватчиков по обеспечению фронта всем необходимым, высокие требования к ведению современного боя, рост боевого опыта командных кадров позволили ГКО, Ставке ВГК, НКО СССР провести в 1943 г. реорганизацию Красной Армии.

Во-первых, **6 января 1943 г.** был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении погон для личного состава Красной армии»¹. Вслед за ним 15 января 1943 г. вышел приказ НКО СССР № 25 «О введении новых знаков различия и об изменениях в форме одежды Красной Армии»². Введение погон, как писала газета «Красная звезда», должно было способствовать укреплению единотначалия, воинской дисциплины, воинского духа, поднятию авторитета офицерского состава³.

Во-вторых, **28 января 1943 г.** ГКО, учитывая характер предстоящих боевых действий, принял решение ГОКО-2791 сс «О сформировании десяти танковых армий» в течение февраля-июня 1943 г. в составе двух танковых и одного механизированного корпусов, частей боевого усиления и тыловых учреждений. Танковая армия должна была иметь 460 танков «Т-34» и 210 танков «Т-70», а всего 670 танков⁴.

В контрнаступлении под Курском впервые были использованы пять танковых армий, которые явились средством стремительного развития успеха в глубину и выхода на тыловые пути вражеских группировок [6, с. 73].

На Курской дуге в районе Прохоровки, а затем в районах Ахтырки и Богодухова развернулось небывалое встречное танковое сражение. Данный опыт показал, что успех сражения танковых армий зависит от их взаимодействия с общевойсковыми армиями, от правильной организации артиллерийской и авиационной поддержки, от быстрой концентрации сил на главном направлении, от стремительности атаки и непрерывности управления [9, с. 41].

В-третьих, в состав фронтов и армий дополнительно вводились артиллерийские, истребительно-противотанковые и минометные части, усиливались они и средствами связи. Стрелковые дивизии оснащались более совершенным автоматическим, противотанковым оружием и объединялись в стрелковые корпуса с тем, чтобы улучшить управление в общевойсковых армиях и сделать их более мощными. В каждую общевойсковую армию была введена армейская артиллерия, состоявшая из трех артиллерийских и одного минометного полков. Создавались новые артиллерий-

¹ [Электронный ресурс]. URL https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_6.01.1943_о_введении_новых_знаков_различия_для_личного_состава_Красной_Армии (дата обращения: 15.04.2019 г.).

² [Электронный ресурс]. URL https://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_НКО_СССР_от_15.01.1943_№_25 (дата обращения: 15.04.2019 г.).

³ Новые знаки различия // Красная звезда. 1943. 7 января.

⁴ Постановление ГОКО от 28.01. 1943 г. № ГОКО-2791 сс [Электронный ресурс]. URL <https://arsenal-info.ru/b/book/4130029081/155> (дата обращения: 14.02.2019).

ские соединения, вооруженные более качественными системами, крупные соединения артиллерии резерва Верховного Главнокомандования (далее — РВГК): бригады, артиллерийско-пушечные дивизии и артиллерийские корпуса прорыва, предназначенные для создания высоких плотностей огня на главных направлениях при решении важнейших задач¹ [11, с. 349].

Общее число орудий и минометов артиллерии РВГК увеличилось по сравнению с первым периодом войны с 19 362 до 30 231 [12, с. 193]. В течение 1943 г. вся артиллерия РВГК была переведена на механическую тягу, что обеспечивало ее мобильность.

Произошло увеличение количества самолетов в воздушных армиях. Если в битве под Сталинградом в каждой из них насчитывалось в среднем от 200 до 800 самолетов, то в Курской битве — от 700 до 1300 боевых машин [12, с. 194].

ГКО заботился и о резервах. К 1 июля 1943 г. в резерве Ставки ВГК находилось девять общевойсковых, две танковые, одна воздушная армии. Значительная часть из них была включена в Степной фронт².

В-четвертых, **15 мая 1943 г.** НКО СССР для усиления мотивации служебной деятельности офицерского состава приказом № 0351 «Об установлении окладов содержания по основным должностям в округах, фронтах и армиях» во исполнение постановления СНК СССР от 13 мая 1943 г. № 516-161с «Об установлении новых окладов содержания по должностям руководящего начальствующего состава фронтов, округов, армий и центральных управлений НКО» с 1 мая 1943 г. было увеличено денежное содержание военнослужащих, а в гвардейских и ударных армиях оно устанавливалось на 25 процентов выше.

В-пятых, **20 мая 1943 г.** ГКО с целью повышения результативности и эффективности деятельности НКО СССР своим постановлением № 3399 назначил в НКО СССР двух заместителей: первого — Маршала Советского Союза Жукова Г. К. и заместителя по Генеральному штабу — Маршала Советского Союза Василевского А. М.³

В-шестых, **31 мая 1943 г.** для усиления руководства фронтовым тылом НКО СССР приказом в соответствии с постановлением ГКО от 24 мая 1943 г. № 3425 «О результатах проверки положения дел с питанием красноармейцев Калининского фронта» (о кардинальных мерах по совершенствованию всей системы питания красноармейцев) возложил личную ответственность за работу тыловых органов на первых членов Военных советов фронтов: на Западном — генерал-лейтенанта Н. А. Булганина, Брянском — генерал-лейтенанта танковых войск И. З. Сусайкова, Центральном — генерал-майора К. Ф. Телегина, Воронежском — генерал-лейтенанта Н. С. Хрущева, Юго-Западном — генерал-лейтенанта А. С. Желтова, в Степном военном округе — генерал-лейтенанта Л. З. Мехлиса. Вторым членам Военных советов фронтов (по тылу — *авт.*) предписывалось быть постоянными помощниками первых членов Военных советов фронтов по руководству тылом. Также ставилась задача повысить ответственность и первых членов Военных советов армий за тыловое обеспечение войск⁴.

Военные советы фронтов, выполняя требования ГКО и Наркома обороны СССР, возложили персональную ответственность за деятельность тыла на первых членов

¹ Четыре артиллерийских корпуса прорыва, каждый из которых насчитывал 712 орудий и минометов и 864 реактивные установки М-30 («Катюши»), действовали потом в боях под Курском и сыграли большую роль в разгроме противника — *авт.*

² Сводная таблица боевого состава Советской Армии за 1943 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teatrskazka.com/Raznoe/BoevojSostavSA/1943/1943.html> (дата обращения: 14.03.2019).

³ Комаров Н. Я. Государственный Комитет Оборона постановляет...: Документы. Воспоминания. Комментарии. С. 260–263.

⁴ Архив Военно-медицинского музея (далее — АВММ). Ф. 38. Оп. 7576. Д. 29. Л. 35–38.

Военных советов армий. Так, в объединениях Брянского фронта возлагалась ответственность в 3-й общевойсковой армии — на тов. Кононова, 61-й армии — на тов. Дубровского, 63-й армии — на тов. Клементьева¹; в Степном военном округе в 4-й гвардейской (далее — гв.) армии — на тов. Гаврилова И. А., 5-й гв. армии — на тов. Кривулина А. М., 27-й армии — на тов. Шевченко И. П., 47-й армии — на тов. Комарова Г. А., 53-й армии — на тов. Горохова П. И., 5-й гв. танковой армии — на тов. Гришина П. Г.²

Такое решение было прямым следствием требований НКО СССР и Главного политического управления РККА от 20 июля 1941 г.: «Взять под неослабный контроль работу тыла снизу доверху..., проникать во все «закоулки», добиваться образцовой работы тыла по полному и своевременному обеспечению фронта всем необходимым» [10, с. 153].

Обеспечение РККА всем необходимым находилось постоянно в центре внимания органов власти. Так, заместитель председателя ГКО В. М. Молотов отвечал за производство танков, член ГКО А. И. Микоян — обеспечение горючим, продовольствием и имуществом, председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР А. Н. Косыгин — производство обмундирования и обуви, нарком земледелия СССР А. А. Андреев — работу железнодорожного транспорта и возглавлял Комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров КА [13, с. 98].

В-седьмых, **9 июня 1943 г.** постановлением ГКО и приказом НКО СССР от 12 июня 1943 г. была введена новая структура Тыла Вооруженных Сил СССР. Упразднялось Главное управление Тыла, вместо должности начальника Тыла РККА — начальника Главного управления Тыла учреждалась должность начальника Тыла Красной Армии — заместителя Наркома обороны по Тылу с непосредственным подчинением его Наркому обороны СССР [13, с. 118–119]. Соответственно была установлена новая организация тыла на фронтах и армиях.

Организаторская деятельность органов власти увенчалась успехом.

23 августа 1943 г. «Цитадель»³ потерпела крах. «Провалив операцию „Цитадель“, — вспоминал в своих мемуарах знаменитый немецкий генерал Г. Гудериан, стоявший у истоков создания танковых войск и принадлежавший к элите высшего военного руководства нацистской Германии, — мы потерпели жестокое поражение. Бронетанковые части, на переформирование и перевооружение которых было затрачено столько сил, понесли тяжелые потери как в технике, так и в личном составе и теперь на долгое время выбыли из строя. Незачем и говорить, что русские извлекли максимум из своей победы. Больше периодов затишья на Восточном фронте не будет. Отныне инициатива находилась однозначно в руках неприятеля» [4, с. 343–344].

«Выдающаяся победа наших войск под Курском, — писал маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — продемонстрировала возросшее могущество Советского государства и его вооруженных сил. Попытка Гитлера вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования кончилась полным провалом. Это

¹ Инициалы членов Военных советов отсутствуют в приказе командующего войсками Брянского фронта. Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО) РФ. Ф. 202. Оп. 36. Д. 267. Л. 55.

² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 404. Л. 169.

³ Цит. по : Василевский А. М. Дело всей жизни. М. : Воениздат, 1984. С. 268.

Оперативный приказ Гитлера от 15 апреля 1943 г. № 6. «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление „Цитадель“ — первое наступление в этом году... Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и полным успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года... Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления».

свидетельство об истощении Германии. Никакие силы теперь ее уже не могли спасти. Вопрос был лишь во времени» [6, с. 72].

Председатель ГКО И. В. Сталин, выступая с докладом на торжественном заседании 6 ноября 1943 г., посвященном 26-й годовщине Великой октябрьской социалистической революции, так оценил победу под Курском: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой»¹.

Таким образом, опыт Курской битвы свидетельствует, что большую роль в достижении Победы сыграла организаторская деятельность партийных и советских органов. В настоящее время необходимо продолжить совершенствовать систему органов власти, чтобы ее деятельность была не только результативной, но и эффективной, а с учетом опыта Великой Отечественной войны соответствовала бы велению времени. И каждый руководитель, как и в годы войны, должен нести персональную ответственность за свою служебную деятельность.

Литература

1. *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М. : Воениздат, 1984.
2. Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М. : Воениздат, 1984.
3. *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1931–1947. М. : Политиздат, 1979.
4. *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала: Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. М. : ЗАО Центрполиграф, 2007.
5. *Деборин Г. А., Тельпуховский В. С.* Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М. : Мысль, 1975.
6. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления : в 3 т. М. : Изд-во Агентства печати Новости, 1986. Т. 3.
7. *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945* : в 6 т. М. : Воениздат, 1961. Т. 3.
8. *История второй мировой войны, 1939–1945* : в 12 т. М. : Воениздат, 1976. Т. 12.
9. *Конев И. С.* Записки командующего фронтом, 1943–1945. М. : Наука, 1985.
10. КПСС и военное строительство / под ред. А. А. Епишева. М. : Воениздат, 1982.
11. *Курская битва* / под ред. И. В. Паротькина. М. : Наука, 1970.
12. *Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945* : в 3 т. М. : Воениздат, 1958. Т. 2.
13. *Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне: 1941–1945 гг.* / под ред. С. К. Куркоткина. М. : Воениздат, 1977.
14. *Устинов Д. Ф.* Во имя победы: записки наркома вооружения. М. : Воениздат, 1988.
15. *Яковлев А. С.* Цель жизни. М. : Политиздат, 1967.
16. *Яковлев Н. Д.* Об артиллерии и немного о себе. М. : Воениздат, 1981.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; valerijgridnev@yandex.ru

References

1. Vasilevsky A. M. Lifework. M. : Voenizdat, 1984. (In rus)
2. Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945: Short history. M. : Voenizdat, 1984. (In rus)
3. Voznesensky N. A. Chosen works. 1931–1947. M. : Politizdat, 1979. (In rus)
4. Guderian G. Memoirs of the German general: Tank troops of Germany in World War II of 1939–1945. M. : CJSC Centrpoligraf, 2007. (In rus)

¹ Сталин. И. О Великой Отечественной войне Советского Союза.

5. Deborin G. A., Telpukhovskiy V. S. Results and lessons of the Great Patriotic War. M. : Thought, 1975. (In rus)
6. Zhukov G. K. Memoirs and reflections: in 3 V. M: Publishing house of APN, 1986. V. 3. (In rus)
7. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945: in the 6 v. M. : Voenizdat, 1961. V. 3. (In rus)
8. History of World War II, 1939–1945: in the 12 v: Voenizdat, 1976. V. 12. (In rus)
9. Konev I. S. Notes of the Front commander, 1943–1945. M. : Science, 1985. (In rus)
10. CPSU and military construction / entrance of an edition of A. A. Epishev. M. : Voenizdat, 1982. (In rus)
11. The battle of the Kursk / under the editorship of I. V. Parotkin. M. : Science, 1970. (In rus)
12. Operations of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War, 1941–1945: in 3 V. M. : Voenizdat, 1958. V. 2. (In rus)
13. The back of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War: 1941–1945 / under the editorship of S. K. Kurkotkin. M. : Voenizdat, 1977. (In rus)
14. Ustinov D. F. For the sake of a victory: notes of the people's commissar of arms. M. : Voenizdat, 1988. (In rus)
15. Yakovlev A. S. Life purpose. M. : Politizdat, 1967. (In rus)
16. Yakovlev N. D. About artillery and a little about myself. M. : Voenizdat, 1981. (In rus)

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, valerijgridnev@yandex.ru

Оценка вклада работы «горячих линий» в развитие коммуникационных каналов между органами государственной власти и институтами гражданского общества

Захаренко Г. А.

Министерство здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; gleb_zakharenko@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье проанализирован опыт взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья (далее — РОИВ) с институтами гражданского общества благодаря использованию телекоммуникационных систем. Автором детально изучены основные характеристики работы «горячих линий», такие как: количество, дата создания, среднемесячная загруженность, а также тематика обращений.

Применение в ходе исследования, в том числе математического аппарата, позволило выявить сильные и слабые стороны данного коммуникационного ресурса, а также определить возможности его дальнейшего развития для совершенствования коммуникации между органами государственной власти и институтами гражданского общества.

Ключевые слова: «горячие линии», обращения граждан, обратная связь, государственная политика в сфере здравоохранения, открытость, коммуникации в сфере здравоохранения

Assessment of a Contribution of “Hotlines” Work to Development of Communication Channels between Public Authorities and Institutes of Civil Society

Gleb A. Zakharenko

Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; gleb_zakharenko@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the experience of interaction of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the field of health protection with civil society institutions through the use of telecommunication systems. The author has studied in detail the main characteristics of the work of the “hot lines”, such as: number, date of creation, monthly average workload, as well as the subject matter of the calls. The use of the study, including the mathematical apparatus, made it possible to identify the strengths and weaknesses of this communication resource, as well as identify the possibilities for its further development to improve communication between government bodies and civil society institutions.

Keywords: «hot lines», feedback, state policy in the field of public health, openness, communications in the field of public health

В настоящее время человечеством накоплен большой опыт выстраивания общественных связей, включающих в себя системы внутренних коммуникаций в различных социальных общностях и системы внешних коммуникаций, обеспечивающих взаимосвязи данных социальных групп.

Процессы массовой коммуникации в системе социально-политических отношений являются важнейшим элементом реализации процесса государственного управления и, одновременно, средством воздействия субъекта на объект (управляющее воздействие на массовое сознание).

Однако коммуникация в сфере здравоохранения предполагает взаимосвязь между существующими теоретическими подходами, опытом практической реализации и важными для системы здравоохранения внешними факторами: политическими, социальными, культурными, экономическими, экологическими и др. [4, с. 15].

Важным базовым принципом реализации управленческого аспекта коммуникации в сфере здравоохранения является обеспечение равноправия в области здоровья, под которым подразумеваются равные возможности для того, чтобы оставаться здоровым или же эффективно бороться с болезнью или кризисом, независимо от национальности, пола, возраста, экономических условий, социального статуса, факторов окружающей среды и т. д. [там же].

Данные цели достигаются путем создания определенных условий, в которых эта информация адекватно передается, принимается, осознается и выносится на обсуждение работающими с различными категориями населения.

Этот подход подразумевает более детальное понимание потребностей, убеждений, табуированных тем, отношений, образа жизни, социально-экономических условий, факторов окружающей среды, социальных норм и интересов ключевых групп, которые включены или должны быть включены в процесс коммуникации. Данный подход отражает взгляд на коммуникацию в целом как на процесс понимания и распространения общих значений тех или иных представлений в области здоровья [2].

Общественно и социально значимые вопросы в области здравоохранения привлекают внимание и вызывают оживленные дискуссии, поскольку каждый человек имеет собственные представления о здоровье и болезни. Считается общепризнанным мнение, что понятие «здоровье» довольно сложно поддается точному определению из-за многочисленных интерпретаций, в основе которых лежит личный опыт и культурные особенности. Придерживаясь определения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), уточним, что здоровье подразумевает «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов»¹.

ВОЗ особо подчеркивает, что здоровье и болезнь — это динамический процесс, а не статичное состояние. То есть здоровье и болезнь находятся в постоянном изменении; более того, понятие здоровья ВОЗ выходит за рамки только физического или психического здоровья, включая в него такой важный фактор, как качество жизни. Очевидно, что коммуникативные проблемы в области здравоохранения отчасти определяются различным пониманием состояния здоровья и болезни у разных участников, вовлеченных в этот тип коммуникации [8, с. 170].

В связи с этим и в целях повышения прозрачности и качественного изменения информационной открытости, а также выстраивания диалога с гражданами органы государственной власти используют множество различных методов, одним из которых является работа с обращениями граждан посредством «горячих линий».

Использование «горячих линий» при работе с обращениями граждан и общественными организациями совмещает в себе ряд преимуществ по сравнению с другими техническими формами диалога. Среди них:

- минимизация бюрократических механизмов, вызванных, в том числе, классическим документационным оборотом в государственных органах власти;
- возможность оперативного получения информации заявителем в ходе диалога и появления сопутствующих основной теме вопросов;
- проговаривание своей проблемы и, как следствие, более объективное ее самовосприятие, а также частичное снятие психологического напряжения.

¹ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. С. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 15.09.2016).

Неизменным остается и тот факт, что чем ближе к сути обращения находится государственный служащий, тем оперативнее и качественнее рассматривается вопрос. Следует, однако, помнить о том, что не всегда сокращение количества административных этапов на пути рассмотрения обращений граждан гарантирует эффективность работы.

В настоящее время в тематической литературе можно встретить научные работы, посвященные оценке эффективности функционирования «горячих линий» [3; 5; 6], в том числе в отдельно взятом регионе [7].

Вместе с тем доступны для изучения ежегодные отчеты и доклады РОИВ, посвященные развитию региональной коммуникативистики, итогам работы «горячих линий» и/или профильных отделов (департаментов), ответственных за подготовку ответов на обращения граждан.

Так, например, «горячая линия» Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга, созданная в рамках реализации Закона Санкт-Петербурга от 22.12.2008 № 750–142 «О контроле качества медицинской помощи в Санкт-Петербурге» [6], за годы своего существования позволила в разы сократить количество обращений граждан в Минздрав России. Можно предположить, что при сохранении положительной динамики, растущего доверия горожан к органам исполнительной власти региона, а также осознания гражданами возможности решения проблемы «на месте», будет сокращен федеральный уровень контроля за качеством оказания медицинской помощи.

Вместе с тем опыт функционирования узкоспециализированных федеральных «горячих линий» также изучен организаторами здравоохранения и подвергается тщательному ежегодному анализу [7].

Так, в 2011 г., в рамках реализации Концепции осуществления государственной политики по противодействию потреблению табака на 2010–2015 гг. [8] на базе подведомственной Минздраву России организации был создан Консультативный телефонный центр помощи в отказе от потребления табака (далее — КТЦ).

Задачами КТЦ стало повышение информированности населения о вреде потребления табака, повышение мотивации к отказу от употребления табачных изделий, поддержка при отказе от курения и т. д.

В ходе ежегодного динамического исследования за работой «горячей линии», созданной на базе КТЦ, была подтверждена необходимость и востребованность работы данного коммуникационного канала, а также основные векторы его развития.

Вместе с тем в научной литературе практически не представлены работы, посвященные в масштабах страны комплексной оценке работы профильных «горячих линий». Нет детального, в том числе ретроспективного анализа использования данного коммуникационного канала, а также перспектив его развития.

Все это послужило **целью** настоящей работы: на примере работы «горячих линий» в сфере здравоохранения показать этапы создания таких условий, в которых информация адекватно распространяется, понимается, воспринимается и обсуждается различными секторами и группами, работающими с уязвимыми категориями населения (пациентами и/или их родственниками).

Для объективной оценки состояния работы «горячих линий» по рассмотрению обращений граждан, а также гражданских объединений по вопросам здравоохранения Минздравом России в регионы Российской Федерации была направлена анкета, включающая в себя стандартизированную таблицу для заполнения.

Указанная таблица имела следующие графы: название региона, наименование и номер «горячей линии», вопросы регулирования, ежемесячное среднестатистическое количество обращений, дата открытия «горячей линии».

В 2018 г. все субъекты Российской Федерации представили отчеты, заполненные согласно установленной форме. Благодаря полученной информации удалось опре-

делить региональное количественное распределение «горячих линий», преобладающую тематику входящих звонков, загруженность линий (количество поступающих звонков).

В результате анализа ответов, полученных от РОИВ, было установлено, что абсолютно все регионы имеют профильные «горячие линии» по работе с обращениями граждан, что в свою очередь прямо указывает на возможность использования данного коммуникационного канала при взаимодействии государственных структур с институтами гражданского общества на всей территории Российской Федерации.

В 36 регионах создана единая «горячая линия», рассматривающая все обращения граждан, связанные с медицинской тематикой, в 37 — создано от двух до пяти тематических «горячих линий», рассматривающих узкоспециализированные темы обращений граждан. Количество регионов с количеством «горячих линий» свыше 5 встречается значительно реже.

Указанное административное решение следует рассматривать как попытку диверсификации компетенций с целью повышения качества предоставляемой информации заявителю. При этом следует отметить, что неконтролируемое увеличение разделов (или номеров) «горячих линий» приводит не только к упомянутому повышению качества ответа, но и затрудняет процесс координации и управления данным информационным каналом, «размывает» степень ответственности перед заявителем, а также приводит к дополнительным финансовым нагрузкам за счет увеличения размеров оплаты труда «раздутому» штату консультантов.

Полная детализация количества «горячих линий» в субъектах Российской Федерации представлена на рис. 1.

Следует отметить, что большинство «горячих линий» было создано в период с 2010 по 2015 гг., что, возможно, свидетельствует об активном развитии в эти годы нормативной правовой базы, регулирующей данное направление работ. При этом следует подчеркнуть юридическую закрытость данного раздела здравоохранения и дефицит нормативных правовых актов в открытых правовых информационных системах.

В ходе проведенного анализа временной промежуток с интервалом в 3 года (с 2015 по 2018 гг.) позволяет судить о стабильной работе данного коммуникационного канала в большинстве регионов, а также исключить связь низкой оценки эффективности работы РОИВ с отсутствием получения «обратной связи» от граждан.

Необходимо отметить, что наибольшее количество «горячих линий» создано после 2015 г., что позволяет рассматривать данный коммуникационный канал в качестве современного и актуального.

Динамика создания «горячих линий» в регионах представлена на рис. 2.

В ходе анализа тематики обращений было установлено, что максимальное среднemesячное количество поступающих вызовов (свыше 45 тыс.) во всех регионах России за исследуемый период было посвящено вопросам доступности и качества оказания медицинской помощи, а также возможности дистанционной записи на прием к врачу (свыше 35 тыс. в месяц).

На основании изложенного следует отметить, что внедрение «бережливых технологий» в обеспечение гражданами первичной медико-санитарной (особенно амбулаторной) помощи актуально. Использование цифровых технологий и нарастающая пациентоориентированность должны стать приоритетом в развитии медицинской службы большинства регионов. Что в свою очередь приведет к повышению уровня доверия граждан к органам государственной власти.

Тематическая детализация входящих звонков представлена на рис. 3.

Также следует отметить, что в ходе исследования была установлена корреляция между численностью населения субъекта Российской Федерации и среднemesячным количеством поступающих на «горячую линию» или «горячие линии» звонков.

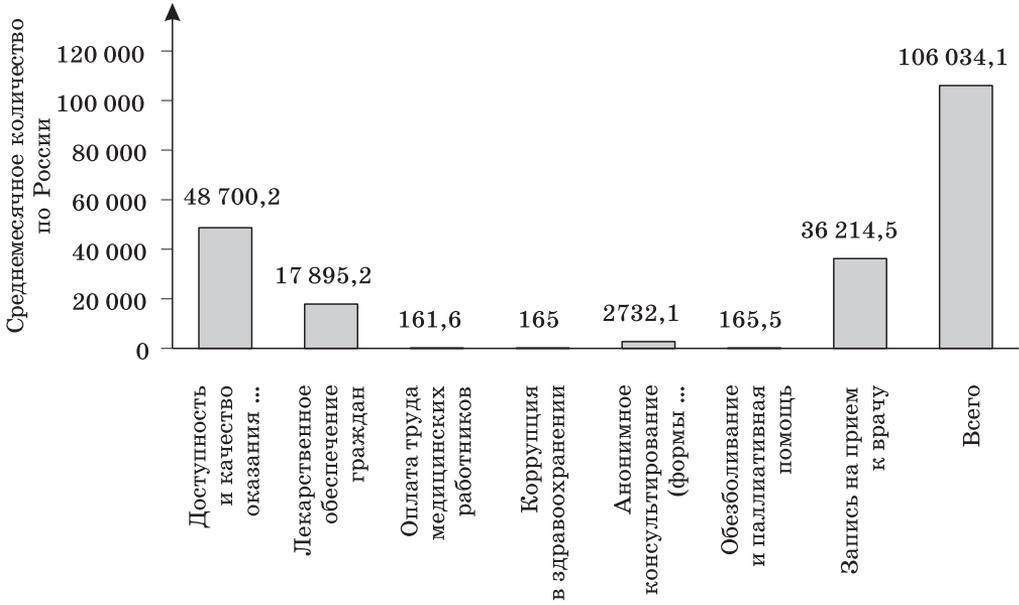

Рис. 1. Общее количество «горячих линий» в регионах России
 Fig. 1. Total number of "hotlines" in regions of Russia

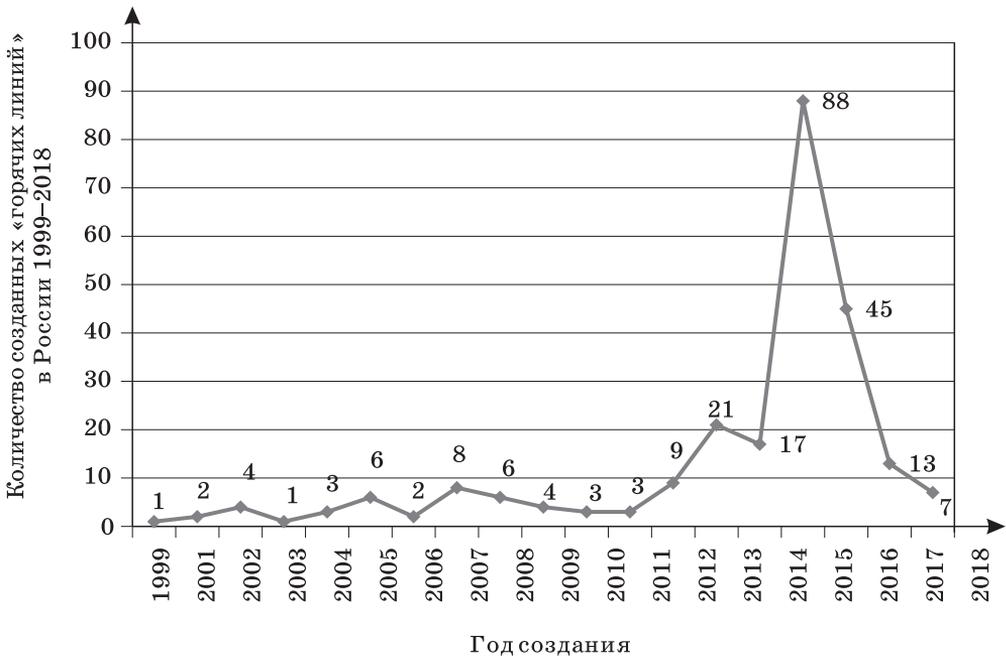

Рис. 2. Динамика создания «горячих линий» в регионах
 Fig. 2. Dynamics of creation of "hotlines" in regions

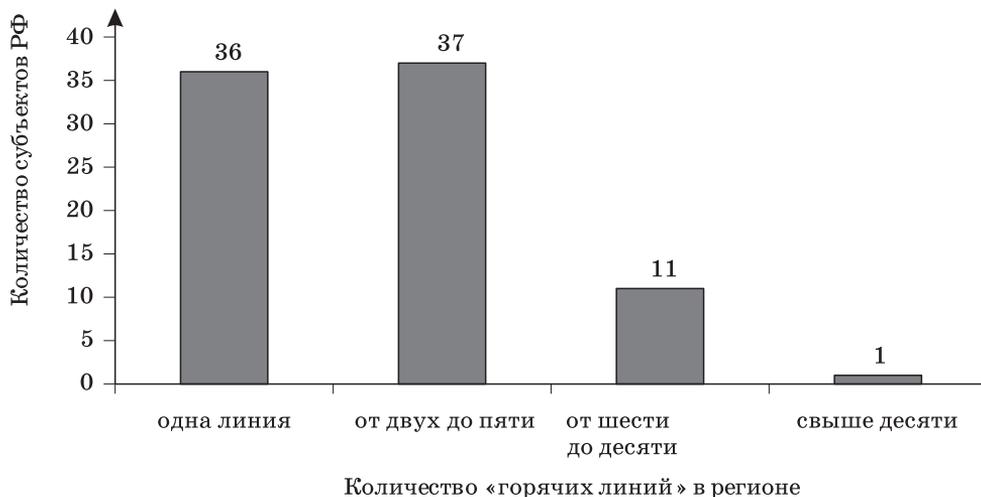

Рис. 3. Тематическое и количественное распределение поступающих вызовов
Fig. 3. Thematic and quantitative distribution of the arriving calls

Так, в 34 регионах (максимальное количество субъектов РФ) общее среднемесячное региональное количество поступающих звонков находилось в диапазоне от ста до пятисот. В 17 субъектах РФ от тысячи до пяти тысяч.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о пропорциональности поступающих звонков и зависимости их количества от численности граждан в регионе. Это в свою очередь свидетельствует об отсутствии критичных регионов в стране с выраженным преобладанием количества звонков на отдельно взятого гражданина и, как следствие, критичной социальной напряженностью.

Полная детализация среднемесячного количества звонков в регионах представлена на рис. 4.

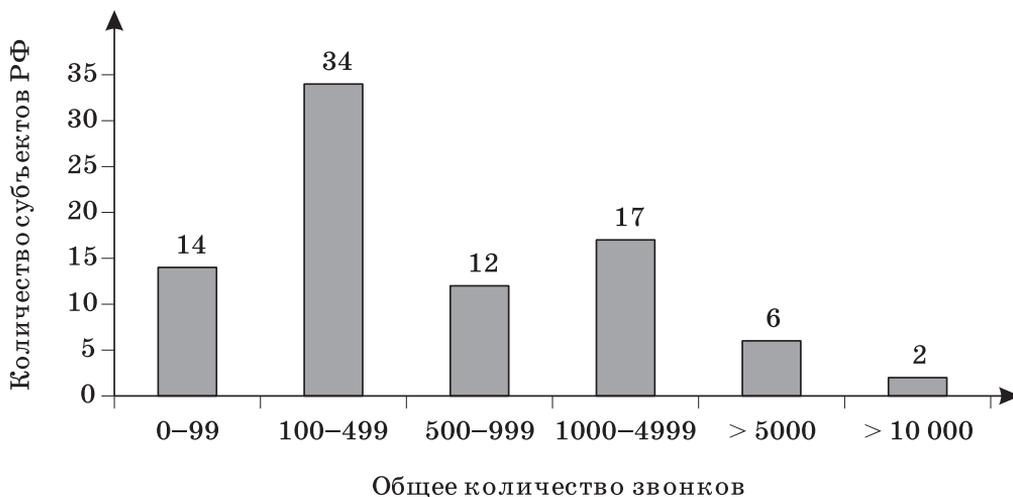

Рис. 4. Среднемесячное количество звонков в регионах
Fig. 4. Average monthly quantity of calls in regions

Выводы

В результате проведенного исследования было установлено, что во всех субъектах Российской Федерации создана (или созданы) «горячая линия» по работе с обращениями граждан и общественными организациями, что прямо указывает на понимание РОИВ высокой эффективности данного коммуникационного канала в выстраивании конструктивного диалога с гражданами.

В большинстве регионов создано от одной до пяти профильных «горячих линий», что прямо указывает на понимание РОИВ принципа перехода «качества в количество» и возможности качественной обработки поступающих звонков при профессионально выстроенной маршрутизации вызовов.

Следует отметить, что вопрос о целесообразности создания более 5 «горячих линий» требует детальной проработки, особенно в ключе финансовой и организационной целесообразности.

Вместе с тем большинство «горячих линий» было организовано в период с 2010 по 2015 г., что свидетельствует о достаточном к 2018 г. организационном опыте регионов по работе с обращениями граждан по данному коммуникационному каналу, о возможности технического оснащения и профилактики технических сбоев к дате предоставления сведений, а также о подготовленной соответствующим образом нормативной правовой базе.

Необходимо отметить, что количество «горячих линий», созданных после 2015 г., также велико, что может свидетельствовать о возможностях оперативного создания данного коммуникационного канала для своевременного решения организационных вопросов в сфере здравоохранения.

Одновременно с этим наибольшее ежемесячное количество обращений граждан было посвящено вопросам качества и доступности оказания медицинской помощи, обеспечения лекарственных средств льготной категории граждан и дистанционной записи на прием к специалистам, что в свою очередь прямо указывает на «необходимый курс» работы РОИВ.

Вместе с тем вопросы, связанные с коррупцией в медицинских учреждениях, посвященные размеру заработной платы медицинских работников, а также доступности обезболивания лиц с хроническим болевым синдромом, при кажущейся актуальности не нашли количественного подтверждения по запросам, поступающим на «горячие линии», что при высоких рейтингах цитируемости в СМИ создает впечатление не реально существующей проблемы, а недобросовестной работы «акул пера», их очередной погони за рейтингами [1].

Заключение

В связи с нарастающей сложностью социальных процессов важной задачей государства является формирование моделей принятия решений и реализация государственных функций, вовлекая институты гражданского общества для проведения соответствующего публичного контроля и повышения прозрачности деятельности органов власти.

В ближайшей перспективе перед региональными органами государственной власти в сфере охраны здоровья стоит задача масштабного расширения полноценного диалога между гражданами и органами управления в области здравоохранения.

Благодаря проведенному исследованию можно выделить основные направления работы РОИВ, которые позволят существенно повысить качество обеспечения граждан медицинской помощью в среднесрочной перспективе при умеренных трудовых и финансовых затратах. Среди них: внедрение «бережливых технологий»,

снятие барьеров на пути цифровизации здравоохранения, интеграция созданных цифровых модулей в единый контур, обеспечение диалога с уязвимыми слоями населения благодаря использованию доступных средств коммуникаций (особенно «горячих линий»).

Для дальнейшего повышения эффективности созданных «горячих линий» может быть рекомендована разработка и использование единого федерального опросника, позволяющего стандартизировать работу данного коммуникационного канала, а также упростить аналитическую и статистическую работу по обработке поступающих звонков.

Дополнительно с этим в регионах с низкой коммуникационной активностью можно рекомендовать размещение в лечебно-профилактических учреждениях информационных листовок с контактными данными главного врача учреждения, «горячих линий» страховых медицинских организаций и территориального фонда обязательного медицинского страхования, РОИВ, а также территориального органа Росздравнадзора. Указанные меры позволят решить вопрос оперативно, «на месте», разгрузив тем самым федеральные органы исполнительной власти.

Кроме того, необходимо детально изучить маршрутизацию звонков и предусмотреть техническую возможность перевода обращений не только между региональными «горячими линиями», но и напрямую в администрацию медицинских учреждений.

Следует отметить, что указанные меры приведут к повышению качества оказания медицинской помощи, увеличению социального и административного контроля, а значит — позволят совершить еще один шаг навстречу созданию гражданского общества в России.

Литература

1. Балашов А. И., Захаренко Г. А. Зачем открывать закрытое здравоохранение? // Управленческое консультирование. 2018. № 6. С. 33–40.
2. Беспалов В. И. Негативный контент в сети Интернет. Горячие линии по приему сообщений от пользователей: международный опыт и первые шаги в России // Т-Comm — Телекоммуникации и Транспорт. Спецвыпуск по ИБ, 2009. С. 54–56.
3. Оспищева Л. Е. Актуальные вопросы коммуникативистики // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 1. С. 122–126.
4. Тавокин Е. П. Массовая коммуникация. Сущность и состояние в современной России. М. : Либроком, 2016.
5. Фотиева И. В. Научный статус коммуникативистики: проблемы гибридных дисциплин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3–1. С. 289–291.
6. Щербук Ю. А., Гриненко О. А., Алборов А. Х. [и др.]. Опыт работы телефонной «горячей линии» Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2009. Т. 4, № 1. С. 451–452.
7. Яблонский П. К., Суховская О. А. Результаты работы «горячей линии» по оказанию помощи в отказе от потребления табака в Российской Федерации // Здоровье населения и среда обитания. 2016. № 2. С. 11–14.
8. Яковлева И. В. Коммуникация в сфере здравоохранения: управленческий аспект [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 59. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk_59_dekabr_2016_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategiticheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/yakovleva.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

Об авторе:

Захаренко Глеб Александрович, заместитель начальника отдела обеспечения отрасли квалифицированными специалистами Департамента медицинского образования и кадровой политики в здравоохранении Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС; gleb_zakharenko@mail.ru

References

1. Balashov A. I., Zakharenko G. A. Why to open the closed health care? // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 6. P. 33–40. (In rus)
2. Bepalov V. I. Negative content in the Internet. Hotlines on reception of messages from users: the international experience and the first steps in Russia // T-Comm — Telecommunications and Transport [T-Comm — Telekommunikatsii i Transport]. Special issue on IS, 2009. P. 54–56. (In rus)
3. Ospishcheva L. E. Topical issues of a communicavistics // Bulletin of the Maykop State Technological University [Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta]. 2010. N 1. P. 122–126. (In rus)
4. Tavokin E. P. "Mass communication. Essence and a state in modern Russia" / Tavokin E. P. / M. : Publishing house Librocom, 2016. (In rus)
5. Fotiyeva I. V. Scientific status of a communicavistics: problems of hybrid disciplines // Current problems of humanitarian and natural sciences [Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2014. N 3-1. P. 289–291. (In rus)
6. Shcherbuk Yu. A., Grinenko O. A., Alborov A. H. [etc.]. Experience of telephone "hotline" of Health Committee of St. Petersburg // Health — a basis of human potential: problems and ways of their decision [Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya]. 2009. V. 4, N 1. P. 451–452. (In rus)
7. Yablonsky P. K., Sukhovskaya O. A. Results of work of "hotline" on assistance in refusal of consumption of tobacco in the Russian Federation // Health the population and the habitat [Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya]. 2016. N 2. P. 11–14. (In rus)
8. Yakovleva I. V. Communication in health sector: administrative aspect [Electronic resource] // Public administration. Electronic bulletin [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]. 2016. N 59. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk_59_dekabr_2016_g./kommunikazionii_menedjment_i_strategiticheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/yakovleva.pdf (In rus)

About the author:

Gleb. A. Zakharenko, Deputy chief of department of providing the industry with qualified specialists of Department of medical education and personnel policy in health care of the Ministry of Health of the Russian Federation, Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); gleb_zakharenko@mail.ru

Перспективы развития российского федерализма

Ковалева М. Ш.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; xxxmargo1992@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ российского федерализма, определяются проблемы и перспективы развития. Развитие федерализма в России определяет развитие экономической, политической и социальной сфер каждого региона, обеспечивает государственную целостность и безопасность страны.

Цель: изучить особенности российского федерализма и перспективы его развития.

Методы: диалектической логики, сравнительно-правовой, формально-логический.

Результаты: анализ этапов развития российского государства, законодательства и практики реализации Конституции РФ показал, что российский федерализм видоизменялся и развивался, совершенствовались отношения между Федерацией и субъектами, однако до сих пор сохраняются проблемы конституционного регулирования федерализма в России.

Выводы: для развития российского федерализма имеет значение повышение инициативы региональных органов государственной власти в решении общефедеральных вопросов, необходимо регламентировать их полномочия в принятии общегосударственных решений, определять центры ответственности субъектов, развивать институт федеративной ответственности в целом.

Перспективы развития российского федерализма заключаются в конституционном закреплении основ федеративных отношений, соблюдении прав человека, оптимизации финансовых отношений между субъектами, укреплении экономических основ российского федерализма.

Ключевые слова: федерализм, федеративные отношения, национальные отношения, финансовая самостоятельность субъектов Федерации, ответственность субъектов

Prospects of the Russian Federalism Development

Margarita Sh. Kovaleva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; xxxmargo1992@mail.ru

ABSTRACT

In the article, the analysis of the Russian federalism is carried out, problems and the prospects of development are defined. Development of federalism in Russia defines development of economic, political and social spheres of each region, ensures the state integrity and safety of the country.

Purpose: to study features of the Russian federalism and the prospects of its development.

Methods: dialectic logic, comparative and legal, formal and logical.

Results: the analysis of stages of development of the Russian state, the legislation and practice of implementation of the Constitution of the Russian Federation showed that the Russian federalism changed and developed, were improved the relations between Federation and subjects, however problems of the constitutional regulation of federalism in Russia still remain.

Conclusions: for development of the Russian federalism has increase in an initiative of regional public authorities in the solution of all-federal questions, it is necessary to regulate their powers in adoption of nation-wide decisions, to define the centers of responsibility of subjects, to develop institute of federal responsibility in general.

The prospects of development of the Russian federalism consist in the constitutional fixing of bases of the federal relations, respect for human rights, optimization of the financial relations between subjects, strengthening of economic bases of the Russian federalism.

Введение

Актуальность изучения перспектив развития российского федерализма заключается в том, что в настоящее время вопросы государственного управления сосредоточены на поиске повышения эффективности конституционной модели федерализма в Российской Федерации.

Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, заключается в изучении особенностей российского федерализма и перспектив его развития.

Изучение проблем и перспектив развития российского федерализма имеет научное значение в связи с тем, что федерализм интегрирует государственные интересы и интересы отдельных граждан, проживающих на территории различных субъектов Российской Федерации. Развитие федерализма в России определяет развитие экономической, политической и социальной сфер каждого региона, обеспечивает государственную целостность и безопасность страны [1–3; 5].

Материалы и методы

В представленной статье был использован диалектический метод познания, на основе которого проводится анализ социально-политических и правовых явлений, выявляются их взаимосвязь и взаимная обусловленность. Рассматриваются определяющие черты современного российского федерализма, характеризуется федерализм как динамическое, развивающееся явление.

Также в статье применяется сравнительно-правовой метод исследования, предполагающий выявление признаков федерализма в различных правовых системах.

Кроме того, использовался формально-логический метод исследования для изучения особенностей модели российского федерализма на основании анализа действующего законодательства и теоретических концепций.

Результаты

В настоящее время федерализм зарекомендовал себя как эффективный способ государственного управления, обеспечивающий разделение властей по вертикали и интеграцию территориальных сообществ, предоставляя им политическую и социально-культурную автономию [18].

Одним из самых эффективных интеграционных процессов в современном мире является европейский федерализм [14–17; 19–24]. В процессе интеграции политика большинства государств направлена на сокращение национального суверенитета, на развитие общеевропейских институтов, принимающих ключевые политические и экономические решения. Большую роль в формировании и развитии европейского федерализма сыграла романо-германская правовая система.

В 1993 г. с принятием Конституции РФ Россия была объявлена федерацией. В Конституции РФ закреплены положения о федеративной форме государственного устройства, демократическом политическом режиме, республиканской форме правления. Начиная с этого периода российский федерализм развивался и трансформировался и сейчас, за более чем двадцатилетний период, можно делать определенные выводы об эффективности и перспективах этого развития.

На протяжении всего периода развития федерализма в России первоочередной задачей стояла задача обеспечения равноправия субъектов РФ и территориальной целостности страны. Угрозой развития российского федерализма выступали сепаратистские тенденции в ряде субъектов, требующие суверенизации. Государство решало проблемы асимметрии федерации, пытаясь реализовывать принцип равноправия субъектов [10].

Постановлением Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. было установлено, что Конституция РФ устанавливает суверенитет Российской Федерации, что исключает другой уровень суверенной власти в единой системе государственной власти и не допускает суверенитета территориальных субъектов.

Федерализм в России отличается тем, что параллельно с управлением субъектами Федерации осуществляется управление территориями, которые могут включать часть территории субъекта или территории нескольких субъектов Федерации. Тем самым в России наблюдается процесс укрупнения территориальных субъектов. Федеральная власть в России имеет влияние на территориальные субъекты посредством «прямого или косвенного изменения ресурсного потенциала территориального развития» [6] в рамках программно-целевой поддержки регионов.

Анализ современного законодательства показал, что российское государство принимает меры региональной поддержки экономической и социальной сферы субъекта РФ. В рамках проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., Постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2016 г. № 1415 утвержден перечень субъектов РФ, на территориях которых допускается создание зон территориального развития, включающий 20 субъектов: Адыгею, Алтай, Бурятию, Дагестан, Ингушетию, Ивановскую, Кировскую, Магаданскую и Мурманскую области, Еврейскую автономную область и пр. Данный перечень был составлен на основе анализа показателей за 10 лет бюджетного обеспечения и качества жизни граждан, проживающих на территории субъектов.

Тем самым Россия отходит от программно-целевой поддержки путем повышения уровня экономического и социального развития конкретных субъектов, выбор которых основан либо на высоком уровне развития их инфраструктуры, инвестиционных возможностей, выгодного географического положения, либо, наоборот, обусловлен отставанием этих субъектов от общероссийских показателей социально-экономического развития [8].

Постановлением Правительства РФ от 18 мая 2016 г. № 445 была утверждена государственная программа «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами», направленная на обеспечение и повышение устойчивости бюджетов субъектов РФ, на повышение качества управления государственными финансами субъектов и муниципальными финансами.

Согласно данным Министерства финансов РФ, в настоящее время субъекты Российской Федерации имеют высокий уровень государственных долговых обязательств (табл.).

Представленные данные свидетельствуют о том, что к 2017 г. субъекты РФ накопили значительные долговые обязательства, сравнимые с уровнем дохода региональных бюджетов.

Краснодарский край, Московская область, Республика Татарстан, Нижегородская область, Свердловская область и Самарская область являются лидерами по уровню государственного долга. Общий объем государственного долга субъектов РФ в 2018 г. составил 2 117 395 552,54 тыс. руб., что более чем в два раза превышает уровень государственного долга в 2012 г. — 1 095 993 101,33 тыс. руб.

В 2018 г. наблюдается положительная динамика снижения государственного долга субъектов РФ, однако пока она остается незначительной (рис.). Среди лидеров по

Государственный долг субъектов Российской Федерации**Table. Public debt of territorial subjects of the Russian Federation**

Регион	2012 г.	2017 г.	2018 г.
Краснодарский край	39,9	150	149,1
Московская область	106,1	98,1	97,3
Красноярский край	16,9	95,9	100,3
Республика Татарстан	80,2	93,4	93,3
Нижегородская область	37,9	78,4	76,0
Свердловская область	19,6	72,1	72,2
Самарская область	33,8	67,4	61,3
Кемеровская область	21,3	62,9	40,3
Москва	234,1	61,8	34,3
Волгоградская область	15,6	53,4	23,8

Источник: составлено автором на основании расчетов «Эксперт РА» по данным Минфина РФ и финансовых ведомств субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/dolg_2019 (дата обращения: 26.02.2019).

снижению государственного долга можно выделить Кемеровскую область и Москву. Снижение долговой нагрузки этих регионов обеспечивалось профицитом бюджетов за счет положительной внешнеэкономической конъюнктуры на ключевых сырьевых и товарных рынках [9]. Рост бюджета Кемеровской области и его исполнение с профицитом более 20% ННД обеспечивается ростом стоимости угля на мировом рынке.

Тем не менее рост государственного долга субъектов свидетельствует о неэффективной бюджетной политике российского федерализма. Сложившаяся ситуация требует пересмотра долговой политики субъектов РФ и их ответственности по выплате государственного долга, которую они должны нести, прежде всего, перед собственным населением, ведь выплата процентов по государственному долгу существенно сокращает государственный бюджет и значительно снижает качество жизни населения [8].

Обсуждение

Российский федерализм развивался парадоксальным путем, претерпевая процесс суверенизации путем вооруженных конфликтов на Северном Кавказе, серьезную угрозу государственной целостности, и, как следствие, процесс централизации и укрепления власти [11].

Негативные финансово-экономические тенденции в мировой экономике, введение экономических санкций против России из-за вхождения в состав Федерации Крыма и Севастополя, значительная финансовая зависимость некоторых субъектов РФ требуют в настоящее время решать вопросы финансовой самостоятельности субъектов. В настоящее время экономика страны развивается с опорой на самодостаточные и самостоятельные субъекты, которые являются своего рода «донорами» для финансово зависимых субъектов РФ, что ставит под угрозу целостность государства и развитие федерализма в целом [10].

Процесс присоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией имеет важное историческое значение для России, однако усиливает горизонтальную асимметричность власти [4].

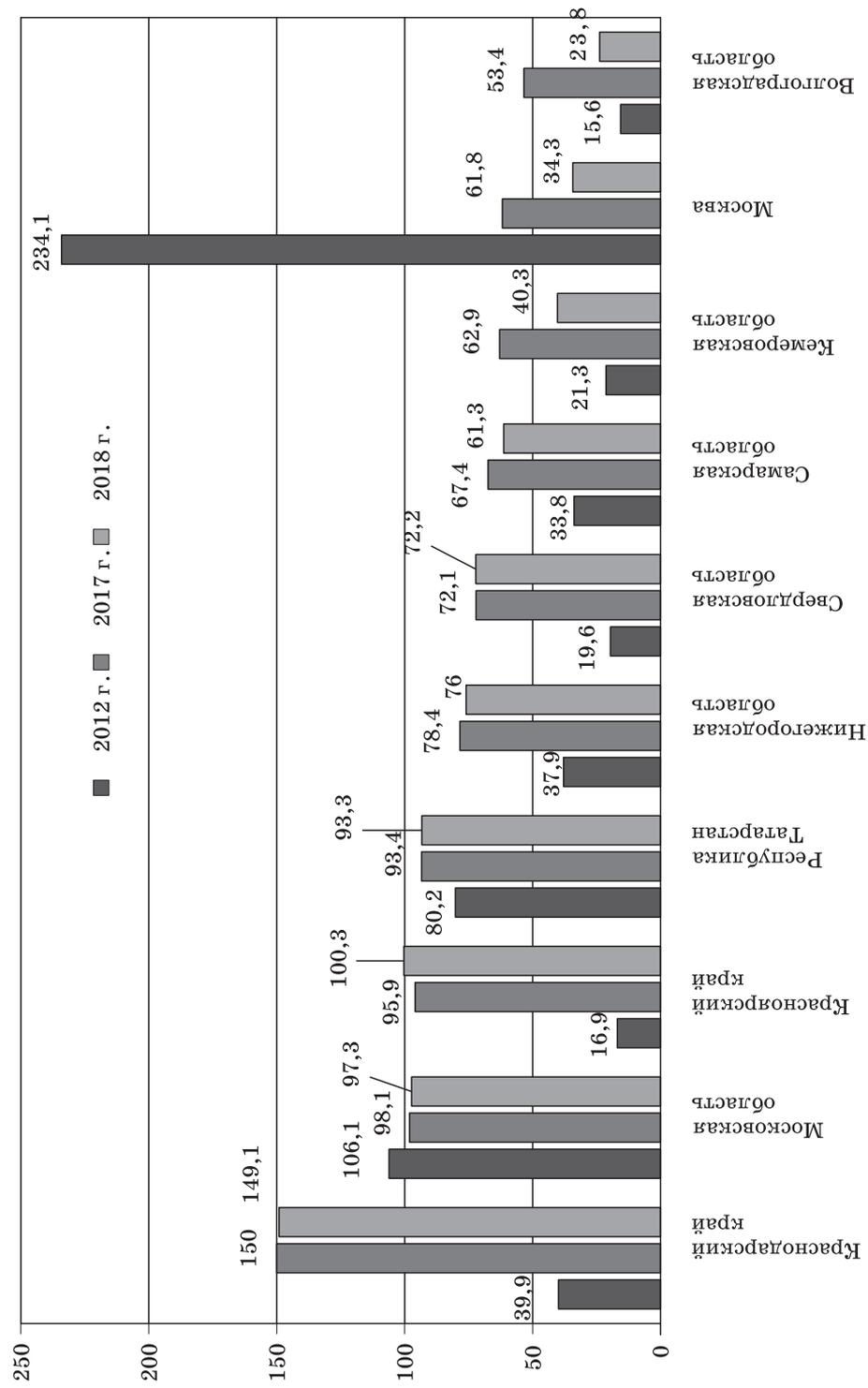

Рис. Динамика государственного долга субъектов РФ
 Fig. Dynamics of a public debt of territorial subjects of the Russian Federation

Для эффективного развития федерализма в России в перспективе необходимо стремиться к оптимальному субъектному составу, представляющему совокупность укрупненных экономически самостоятельных территориальных образований, которые способны конструктивно взаимодействовать друг с другом и с органами государственной власти. Укрупнение субъектов должно проходить на основе добровольного волеизъявления граждан, согласно этническому, национально-территориальному принципу. Социально-экономическое развитие субъектов РФ должно проводиться, прежде всего, с учетом национальных, культурных, исторических особенностей регионов [12].

В настоящее время принятая «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» не может решить всех возникающих противоречий российского федерализма.

Недостатками развития российского федерализма являются, прежде всего, недостатки конституционного регулирования, отсутствие системности в приоритетности принципов федерализма. Так, объявляя ведущим принципом государственную целостность, государство централизацией власти не должно нарушать основы равноправия Федерации и ее субъектов.

Важно обеспечить реализацию конституционных принципов законности, демократии, разделения властей на законодательном уровне. Выстраивать взаимоотношения с субъектами РФ на основании принципа согласования интересов, принципа восстановления нарушенных прав, которые не находят пока еще закрепления в Конституции РФ. Необходимо также обеспечить регламентацию статуса субъекта, порядка его изменения, определить четкие границы субъектов РФ [7].

Важное значение для развития российского федерализма имеет повышение инициативы региональных органов государственной власти в решении общегосударственных вопросов, необходимо регламентировать их полномочия в принятии общегосударственных решений, определить центры ответственности субъектов, развивать институт федеративной ответственности в целом.

Перспективы развития российского федерализма заключаются в конституционном закреплении основ федеративных отношений, соблюдении прав человека, оптимизации финансовых отношений между субъектами, укреплении экономических основ российского федерализма.

Литература

1. *Веретенникова О. Б., Воликовская И. О.* Анализ научных концепций становления и развития федерализма в России // *Финансы и кредит.* 2008. № 13 (301). С. 42–47.
2. *Замахина Т.* Стратегия единства // *Российская газета.* 2018. 29 окт.
3. *Заметина Т. В.* Российский федерализм на современном этапе : развитие или имитация? // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2018. № 6 (125). С. 22–33.
4. *Кабышев В. Т., Заметина Т. В.* Россия — Крым — Севастополь : конституционно-правовое исследование. М. : Издательский дом «Городец», 2016.
5. *Конституционное право Российской Федерации* : учебник / М. В. Баглай. 10-е изд., изм. и доп. М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2013.
6. *Лексин В. Н.* Федеративная Россия и ее региональная политика. М. : ИНФРА-М., 2008.
7. *Невинский В. В.* Преобразование конституционных основ российского федерализма : избранные аспекты // *Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти* : Избранные научные труды. М. : Формула права, 2012.
8. *Рабкин С. В.* Развитие современной модели российского федерализма как основа реализации задач обеспечения экономической безопасности // *Государство и бизнес. Современные проблемы экономики* : материалы X Международной научно-практической конференции. Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. СПб., 2018. С. 86–89.

9. Рудман М. Н. Институт федерализма как общечеловеческая ценность и его развитие в России // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан / отв. ред. Ф. М. Раянов. 2018. С. 288–297.
10. Царегородцев М. Ю. Становление и развитие модели федерализма в России // Право и законность : вопросы теории и практики: Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов / науч. ред. Д. Б. Сергеев. 2018. С. 240–243.
11. Шувалов А. А. Становление российского федерализма в контексте противодействия сепаратистским тенденциям // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 351–358.
12. Эбзеев Б. С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 20–27.
13. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
14. Abromeit H. Der Verkappte Einheitsstaat. Opladen, 1992.
15. Elazar D. Federalism and Way to Peace. N.-Y., 1978.
16. Eyrich H. Für Deutschland und Europa : Dem Föderalismus eine Chance / H. Eyrich // Föderalismus in Deutschland und Europa. Köln, 1993.
17. Hesse J. J., Wright V. (eds.) Federalizing Europe : The Costs, Benefits and Preconditions of Federalism in Europe. Oxford, 1996.
18. Keating M., Jones B. (eds). Regions in the European Community. Oxford, 1985.
19. Kline J. M. United States' Federalism and Foreign Policy // States and Provinces in the International Economy / ed. by D. M. Brown, E. H. Fry. Berkeley, 1993.
20. On the European dimension of German federalism, C. Jeffery and P. Savigear, eds, German Federalism Today. Leicester, 1991.
21. Only some exemplary works can be listed here : A. Bosco, What is Federalism? Towards a General Theory of Federalism. The Theory, the History and its Application to European Unification. London, 1996.
22. Terrorism : Theory & Practice / ed. by Y. Alexander, D. Carlton, P. Wilkinson [Published in cooperation with the Institute for Studies in International Terrorism]. Boulder, CO : Westview Press, 1979.
23. The Myth of Absolutism : Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London — New York, 1992.
24. Theda Skocpol. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge, 1994.

Об авторе:

Ковалева Маргарита Шагеновна, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); xxxmargo1992@mail.ru

References

1. Veretennikova O. B., Volikovskaya I. O. The analysis of scientific concepts of formation and development of federalism in Russia // Finance and credit [Finansy i kredit]. 2008. N 13 (301). P. 42–47. (In rus)
2. Zamakhina T. Strategy of unity // Russian newspaper [Rossiiskaya gazeta]. 2018. 29 Oct. (In rus)
3. Zametina T. V. The Russian federalism at the present stage: development or imitation? // Bulletin of the Saratov State Legal Academy [Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii]. 2018. N 6 (125). P. 22–33. (In rus)
4. Kabyshev V. T., Zametina T. V. Russia — the Crimea — Sevastopol: constitutional and legal research. M. : Gorodets publishing house, 2016. 226 p. (In rus)
5. Constitutional law of the Russian Federation: Textbook / M. V. Baglay. 10th ed. M. : Norma: Research Center INFRA-M, 2013. (In rus)
6. Leksin V. N. Federal Russia and its regional policy. M. : INFRA-M., 2008. 352 p. (In rus)
7. Nevinsky V. V. "Transformation" of constitutional bases of the Russian federalism: chosen aspects // Bases of the constitutional system. Ensuring dignity of the personality. Constitutional principles of the public power: Chosen scientific works. M. : The formula of law, 2012. 752 p. (In rus)
8. Rabkin S. V. Development of modern model of the Russian federalism as basis of realization of problems of ensuring economic security // State and business. Modern problems of economy:

- materials of the X International scientific and practical conference [Gosudarstvo i biznes. Sovremennye problemy ekonomiki : materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii]. NWIM of RANEPa. SPb., 2018. P. 86–89. (In rus)
9. Rudman M. N. Institute of federalism as the universal value and its development in Russia // State and legal institutes of modern society. The collection of articles of the Russian scientific and practical conference devoted to the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan / Ex. edition: Rayanov F. M. 2018. P. 288–297. (In rus)
 10. Tsaregorodtsev M. Yu. Formation and development of model of federalism in Russia // Law and legality: questions of the theory and practice. Collection of materials of the VIII Russian scientific and practical conference of graduate students and students / Scientific editor D. B. Sergeev. 2018. P. 240–243. (In rus)
 11. Shuvalov A. A. Formation of the Russian federalism in the context of counteraction to separatist tendencies // Messenger of economic security [Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti]. 2016. N 1. P. 351–358. (In rus)
 12. Ebzeev B. S. Current problems of implementation of the Constitution of Russia of 1993 // Bulletin of the Saratov State Legal Academy [Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii]. 2018. N 1 (120). P. 20–27. (In rus)
 13. Ebzeev B. S. Introduction to the Constitution of Russia. M. : Norma: INFRA-M, 2013. 560 p. (In rus)
 14. Abromeit H. Der Verkappte Einheitsstaat. Opladen, 1992.
 15. Elazar D. Federalism and Way to Peace. N.-Y., 1978.
 16. Eyrich H. Für Deutschland und Europa : Dem Föderalismus eine Chance / H. Eyrich // Föderalismus in Deutschland und Europa. Köln, 1993.
 17. Hesse J. J., Wright V. (eds.) Federalizing Europe : The Costs, Benefits and Preconditions of Federalism in Europe. Oxford, 1996.
 18. Keating M., Jones B. (eds). Regions in the European Community. Oxford, 1985.
 19. Kline J. M. United States' Federalism and Foreign Policy // States and Provinces in the International Economy / ed. by D. M. Brown, E. H. Fry. Berkeley, 1993.
 20. On the European dimension of German federalism, C. Jeffery and P. Savigear, eds, German Federalism Today. Leicester, 1991.
 21. Only some exemplary works can be listed here : A. Bosco, What is Federalism? Towards a General Theory of Federalism. The Theory, the History and its Application to European Unification. London, 1996.
 22. Terrorism : Theory & Practice / ed. by Y. Alexander, D. Carlton, P. Wilkinson [Published in cooperation with the Institute for Studies in International Terrorism]. Boulder, CO : Westview Press, 1979.
 23. The Myth of Absolutism : Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London — New York, 1992.
 24. Theda Skocpol. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge, 1994.

About the author:

Margarita Sh. Kovaleva, Graduate Student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); xxxmargo1992@mail.ru

Новая технологическая революция

Рецензия на книгу К. Шваба, Н. Дэвиса «Технологии четвертой промышленной революции»

Карнаух В. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; karnauh_vk@mail.ru

New Technological Revolution.

Review on the book of K. Schwab, N. Davis “Technologies of the Fourth Industrial Revolution”

Vladimir K. Karnaukh

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; karnauh_vk@mail.ru

Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М. : Бомбора, 2018. 317 с.

ISBN: 978-5-04-095268-7

Современный мир охвачен радикальными изменениями. Эти изменения столь значительны, что ряд исследователей называют их второй эрой машин или четвертой промышленной революцией. Как нам представляется, несмотря на различие в названиях данного феномена, мы имеем дело с новой технологической революцией.

Проблемы и перспективы четвертой промышленной революции стали одной из главных тем Всемирного экономического форума и его основателя Клауса Шваба. Отличительной особенностью книги К. Шваба и Н. Дэвиса является то, что наряду с ее авторами более 200 ведущих мировых экспертов в области технологий, экономики и социологии приняли участие в работе над этой книгой, чтобы продемонстрировать читателям максимально полную картину трансформации окружающего нас мира.

Эта книга дополняет предыдущую книгу К. Шваба «Четвертая промышленная революция». Описывая проблемы с системной точки зрения и выделяя взаимосвязи между перспективными технологиями, новая книга дает возможность получить цельное представление о происходящих переменах, глубоко проникнуть в содержание отдельных технологий и управленческих проблем.

Книга К. Шваба, Н. Дэвиса «Технологии четвертой промышленной революции» включает две части. Первая часть посвящена ключевым концепциям четвертой промышленной революции, описанию задач и принципов, важных для строительства будущего. В ней анализируются взаимосвязи между технологиями, рассматривается значение ценностей и роль заинтересованных групп в свершении революции.

Особенность второй части книги состоит в том, что она создавалась совместно с участниками Сети экспертов Всемирного экономического форума, а также Совета по проблемам глобального развития. Каждая из входящих в этот раздел глав сфокусирована на определенном наборе технологий и описывает их потенциальные возможности по преобразованию физического мира, изменению человека и интеграции окружающей среды.

Как утверждают авторы, четвертая промышленная революция приведет к резкому повышению качества жизни населения в случае выполнения трех основных задач. К ним они относят справедливое распределение благ от технологических прорывов, сдерживание их негативных эффектов и гарантирование того, что новые технологии будут расширять возможности всех жителей Земли.

Заслуживает внимания попытка авторов книги обосновать название «четвертая промышленная революция». Согласно предложенной ими периодизации, пусковым механизмом первой промышленной революции стало строительство железных дорог и изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства. Распространение электричества и внедрение конвейера связано со второй промышленной революцией, обусловившей возникновение массового производства. Технологии, вызвавшие прорывы в теории информации и в цифровых вычислениях, составили ядро третьей промышленной революции. Наконец, на рубеже нового тысячелетия началась четвертая промышленная революция. Ее характерными чертами стали интернет, миниатюризация продуктов производства, искусственный интеллект и обучающиеся машины.

Авторы исходят из того, что основу для оценки и контроля технологий составляют четыре принципа: системы, обеспечивающие благосостояние людей, играют более важную роль, чем технологии; на основе новых технологий системы должны расширять возможности людей, их свободы; не следует мириться с существующими системами, необходимо переводить их в новые конфигурации и, наконец, технологии не нейтральны, они несут в себе определенные ценности, которые встроены в них.

Происходящая технологическая революция принципиально отличается от предыдущей. Заслуживает одобрения попытка авторов установить отличия новых технологий. Во-первых, они основаны на цифровых системах. Во-вторых, они развиваются не линейными, а экспоненциальными темпами и проникают в нашу жизнь гораздо быстрее, чем технологии предыдущих революций. В-третьих, по мере того, как новые технологии комбинируются, их разрушительная мощь усиливается. В-четвертых, воздействие новых технологий носит системный характер, охватывает все стороны общественной жизни. При этом авторы справедливо подчеркивают, что, несмотря на различия, разные технологии создают похожие преимущества и проблемы, связанные с такими важными вопросами, как неравенство, безработица, суверенитет, демократия, экономическое развитие, здоровье и безопасность. Однако эти проблемы, как нам представляется, связаны не только с развитием технологий. Существенное влияние на их возникновение оказали социальные институты и общественные отношения.

При исследовании четвертой промышленной революции авторы книги не ограничиваются анализом новых технологий, а вполне обоснованно указывают на необходимость использования такого подхода, который бы ориентировался на человека, базировался на ценностях и учитывал интересы всех групп, участвующих в этом процессе. Действительно, по отношению к технологической среде необходим ценностно-ориентированный подход. Потребность в таком подходе обуслов-

лена тем, что новые технологии не только повысили качество жизни, но и породили немало проблем, опасных и разрушительных последствий. С одной стороны, происходит концентрация богатства у все более узкого круга лиц, а с другой — положение рабочих становится все более уязвимым и нестабильным.

В книге анализируются два крайних подхода, которые сложились по отношению к технологиям. Согласно первому подходу технологии выступают как главная сила в развитии общества, которая предопределяет будущее, историю, наши ценности и не подконтрольна нам. Сторонники второго подхода отрицают, что сами по себе технологии оказывают какое-либо значимое влияние на общество, характеризуют их как инструменты, нейтральные по отношению к ценностям. Нетрудно заметить, что оба подхода односторонни. При первом подходе технологии оказываются вне контроля общества, при втором с общества снимается ответственность за влияние, оказываемое технологиями. В действительности, по справедливому утверждению авторов, технологии олицетворяют определенные социальные установки, интересы и цели и поэтому мы, как члены общества, обязаны брать на себя ответственность за нежелательные последствия их применения. Признавая большое культурное разнообразие ценностей, авторы обоснованно исходят из приоритета общественных ценностей.

В книге вполне аргументированно утверждается, что каждая из технологических революций в Западной Европе сопровождалась радикальным изменением ценностных ориентаций. Так, за промышленной революцией в Западной Европе стоял сдвиг ценностей в сторону креативности, доверия и предприимчивости. За двумя последующими революциями в западной экономике XX в. произошел переход к кейнсианству, а затем к неолиберализму.

Сдвиги в ценностях повлекли за собой появление позитивной идеологии, которая, в свою очередь, сопровождалась мощными стимулами к преобразованиям. Чтобы гарантировать положительные результаты четвертой промышленной революции, как убедительно показывают авторы, необходима дальнейшая революция ценностей.

Авторы справедливо отмечают, что в определении четких ценностей и приоритетов важную роль играет универсальный этический кодекс. Такой кодекс был принят сообществом молодых ученых Всемирного экономического форума. Этот кодекс предполагает стремление к поиску истины; поддержку разнообразия, при котором идеи разных групп поддерживаются и выслушиваются; укрепление связей с общественностью, поддержку контактов с теми, кто принимает решения; готовность быть наставником, делиться опытом; минимизировать известные риски и опасности, связанные с экспериментами и их результатами; готовность нести ответственность за свои действия во время исследований.

Можно вполне согласиться с мнением авторов в том, что для реализации возможностей четвертой промышленной революции требуется справедливое распределение ее выгод между всеми заинтересованными сторонами. При этом важен многосторонний подход, включающий развивающиеся страны; окружающую среду, пострадавшую от прошлых промышленных революций, и подавляющее большинство людей в мире, не имеющих сверхвысоких доходов и не обладающих политической властью.

Рассматривая влияние новых технологий на развивающиеся страны, авторы исходят из принципа, согласно которому жизнеспособные решения сложных общемировых проблем можно получить только при совместном участии лидеров бизнеса, государства, гражданского общества и научных кругов, а также молодых поколений. Действительно, такой многосторонний подход, ориентированный на множество заинтересованных групп, дает возможность организовать диалог, нацеленный на совершенствование мира.

Авторы книги обоснованно указывают на то, что при попытке развивающихся стран использовать достижения четвертой промышленной революции для ускоренного развития эти страны сталкиваются с рядом проблем. Одной из проблем оказалось то,

что ориентация на цифровую инфраструктуру очень быстро развивает цифровое неравенство как внутри стран, так и между ними. Другой проблемой стало то, что революция в области мобильных технологий была направлена главным образом на потребителей, а не на производителей технических средств. Наконец, изменяется традиционная ориентация на привлечение дешевой, неквалифицированной рабочей силы из развивающихся стран. Это обусловлено тем, что современное производство возвращается в развитые страны и требует высококвалифицированной рабочей силы.

Нельзя не согласиться с мнением авторов в том, что плодотворное применение технологий станет критической необходимостью и потребует инвестиций в образование, обучение и национальную программу научных исследований и разработок (НИОКР).

Во второй части работы авторы подробно обсуждают уникальные технологии и условия, создающие предпосылки для этих технологий.

Подчеркивая роль новых технологий в развитии общества, авторы вполне обоснованно отмечают, что масштаб и скорость изменений этих технологий таковы, что они окажут влияние не только на промышленность, но и на ход истории, повлияют на все стороны нашей жизни.

При рассмотрении влияния технологий на окружающий мир в книге выделяются такие ключевые темы, как расширение цифровых технологий, преобразование физического мира, изменение человека и интеграция окружающей среды.

Новые компьютерные технологии сохраняют свою важность, поскольку повсеместно распространенные, надежные, эффективные и дешевые цифровые средства — это основа технологий и систем четвертой промышленной революции.

При анализе цифровых технологий авторы обсуждают новые технологии вычислений, блокчейн, системы распределенного реестра и растущий интернет вещей, а также представляют примеры того, как инновационные цифровые, квантовые и встроенные вычисления могли бы изменить будущее.

Поскольку мы практически достигли физического предела, за которым невозможно дальнейшее уменьшение размеров транзисторов, поэтому проявляется такой интерес к альтернативам, включая квантовые вычисления, фотоэлектронику и вычисления в сетях.

Авторы обращают внимание на то, что благодаря интернету вещей повышается степень взаимодействия между людьми и машинами. Подключенные к сети интеллектуальные датчики собирают данные и передают их через интернет для дальнейшего использования другим людям или устройствами. Однако распространение таких датчиков и устройств порождает проблемы конфиденциальности и прав собственности, приводит к сложностям при межгосударственной передаче данных.

Рассматривая преобразование внешнего мира, авторы книги сосредоточили внимание на обсуждении таких вопросов, как искусственный интеллект и робототехника, передовые материалы, дроны, аддитивное производство и многомерная печать.

В книге показано, что искусственный интеллект уже сегодня дает возможность автономным механизмам ориентироваться в материальном мире и взаимодействовать с людьми. Искусственный интеллект приобретает все больше когнитивных способностей, включая высокоуровневую интеллектуальную деятельность и обучаемость, которые раньше приписывали только человеку. Изменяются и задачи, стоящие перед человеком. Благодаря автоматизации ряда повторяющихся или технических задач, люди получают больше времени для творческой работы и межличностного общения. Однако нельзя не заметить и то, что использование роботов повышает уровень безработицы, способствует росту напряженности в обществе. Понимание будущих угроз человечеству приводит к тому, что специалисты начинают обсуждать этические нормы и ценности, которыми следует руководствоваться, разрабатывая и внедряя роботов.

Строительными блоками для инноваций выступают новые материалы. В исторической перспективе новые материалы позволяли преобразовать жизнь человека.

Умение манипулировать их элементами на атомном уровне поможет решить многие мировые проблемы. Однако новые материалы, с чем вполне можно согласиться с авторами, могут принести и вред, если будут использоваться для создания нового химического оружия и более мощных взрывчатых веществ.

Авторы обращают внимание на то, какие новые возможности перед человеком открывает технология 3D-печати, означающая принципиально новый тип производства. До настоящего времени доминирующее положение занимало субтрактивное производство. При этом слои с материала снимались друг за другом до тех пор, пока не достигалась нужная форма. 3D-печать дает начало аддитивному производству, при котором физический объект создается благодаря его послойной печати в трех измерениях на основе цифрового рисунка или модели. В отличие от массового производства и потребления, 3D-печать рассчитана на индивидуально-го пользователя. Она позволяет перейти от цепочек поставок и физического перемещения товаров со всего мира к развитию местного производства для личного пользования, осуществлять мелкосерийное производство, а также децентрализацию и распределение производственных мощностей.

Среди технологий происходящей революции авторы выделяют беспилотные транспортные средства, дроны. Они уже давно вышли из стадии разработки и применяются в военных, в коммерческих целях, а также в спасательных операциях. Управление дронами можно осуществлять как вручную в зоне прямой видимости, так и автоматически с помощью облачных технологий. Дроны выполняют задачи, которые раньше выполняли люди, поэтому, как справедливо утверждают авторы, их рассматривают как новый вид дешевой рабочей силы. Дальнейшее их использование, безусловно, потребует разработки регулирующего законодательства. Важно подчеркнуть и то, что создатели дронов должны нести моральную ответственность за их применение.

Новые перспективы в понимании сущности человека как с биологической, так и с социальной точки зрения открывают биотехнологии. Благодаря им появляется возможность укрепить физическое и психическое здоровье, повысить качество и увеличить продолжительность жизни человека. Однако если оптимисты выражают надежду на полное искоренение болезней, то пессимисты описывают крайнее неравенство в доступе к достижениям биотехнологий.

В книге вполне обоснованно отмечены три основных отличия биотехнологий от других современных технологий. Во-первых, они вызывают больше эмоциональных реакций, так как многие люди неоднозначно относятся к тем технологиям, которые изменяют биологические системы, совершают манипуляции над ДНК. Во-вторых, биотехнологии по сравнению с цифровыми технологиями менее точны, так как системы живых организмов, с которыми исследователи имеют дело, крайне сложны и манипуляции над ними могут привести к непредсказуемым результатам. В-третьих, развитие биотехнологий обычно требует длительного времени на доведение разработок до рынка, так как оно капиталоемко и сопряжено с большими рисками.

Авторы вполне справедливо выражают надежду, что биотехнологии произведут революцию в сфере здравоохранения, осуществят прорыв в точной медицине. Это даст возможность перейти от составления курсов лечения для усредненного пациента к подбору индивидуальных курсов для каждого человека.

Другой сферой, располагающей огромными возможностями для применения биотехнологий, является сельское хозяйство. Эффективным методом улучшения сельскохозяйственных культур выступает геновая инженерия. Как справедливо утверждают авторы, необходимо будет усовершенствовать законодательство, связанное с генетически модифицированными культурами.

Существенное влияние на здоровье человека оказывает такая область биотехнологий, как биоматериалы. С помощью 3D-печати открывается возможность создания новых органов и использования их для замены пораженных.

Изобретение новых материалов, пригодных ко вторичному использованию, дает начало самовосстанавливающейся экономике замкнутого цикла. Причем, как справедливо утверждают авторы, управление биотехнологиями должно опираться на общечеловеческие и гуманистические ценности. Понять многие происходящие в мозге процессы, усовершенствовать существующие механизмы влияния на сознание и мыслительный процесс позволяют нейротехнологии.

Важность нейротехнологий обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, способность нейротехнологий извлекать информацию, имеющуюся в мозге, и вводить ее в мозг создает возможность исправлять ошибки и преумножать преимущества. Во-вторых, нейротехнологии способствуют совершенствованию других технологий взаимодействия или имитации функциональности мозга. В-третьих, влияя на наш самоконтроль и систему управления человеком своим существованием, нейротехнологии предоставляют ему возможность выйти за рамки своей естественной эволюции, расширить возможности человеческих органов чувств.

Можно вполне согласиться с мнением авторов, что применение нейротехнологий затрагивает многие этические и юридические вопросы, а это потребует привлечения к их обсуждению многих заинтересованных лиц.

Новой средой для творчества, социального общения и повседневной жизни становится виртуальная реальность. Она заменяет реальный мир его имитацией, тогда как дополненная и смешанная реальность позволяют дополнить его данными, информацией и виртуальными объектами. Эти реальности радикальным образом меняют наш опыт, понимание и взаимодействие с окружающим нас миром, одновременно открывая возможность побывать в бесконечном количестве воображаемых миров. Они могут способствовать росту эмпатии и благополучия людей, а также помогать людям с ограниченной работоспособностью органов чувств. Предлагая совершенно новый канал восприятия мира и взаимодействия с ним, они становятся одной из самых мощных технологий, преобразующих мир.

В то же время, как справедливо отмечают авторы, виртуальная реальность создает вполне определенные проблемы, связанные с неприкосновенностью личной жизни, социальной приемлемостью и общедоступностью.

Рассматривая вопрос об интеграции окружающей среды, авторы обращают внимание на то, что современная энергетика находится на пороге нового исторического перехода: от ископаемых видов топлива к возобновляемым энергоресурсам. Его осуществление, по их мнению, позволит создать экологически рациональное будущее для всего населения. Однако с оптимизмом авторов можно согласиться лишь отчасти, на что указывают социальное неравенство, безработица, социальная разобщенность и вред, наносимый окружающей среде.

С точки зрения авторов, в целенаправленном, эффективном управлении биосферой Земли важная роль принадлежит геоинженерии. Под геоинженерией в широком смысле слова они понимают намеренные вмешательства в природные системы планеты. К многообещающим направлениям ее применения относятся изменение структуры выпадения осадков, создание искусственных источников солнечного света, изменение биосферы при помощи биотехнологий. Наконец, самым обсуждаемым стало противодействие изменению климата. Соглашаясь с авторами в важности данных вопросов, следует иметь в виду, что их решение потребует принятия соответствующих международных соглашений.

По мнению авторов, к 2030 г., вероятно, мы увидим всплеск развития космических технологий. Значительное снижение стоимости космических полетов даст начало космическому туризму, позволит очистить космос от накопившихся отходов. Более того, развитие космических технологий способствует развитию сопутствующих отраслей, прежде всего, таких, как производство микрочипов и разработка программного обеспечения. Дальнейшее освоение космоса предполагает разра-

ботку норм использования космического пространства, создание механизмов управления, доступных международному сообществу.

В заключение авторы представляют концепцию системного управления, объединяющую важнейшие управленческие задачи, которые необходимо решать совместно, чтобы построить справедливое, устойчивое будущее.

Авторы обращают внимание на то, что природа четвертой промышленной революции требует лидерства нового типа, которое они называют «системным лидерством». Такое лидерство предполагает формирование общего видения изменений при участии представителей всех слоев мирового общества, а затем воплощение этого видения в жизнь.

При исследовании системного лидерства в книге выделяются три направления: технологическое, управленческое и лидерство в формировании ценностей. Технологическое лидерство предполагает, во-первых, что всем организациям необходимы максимальные инвестиции в цифровые коммуникации, кибербезопасность, средства управления данными и организация совместной работы. Во-вторых, чтобы быть технологическим лидером, нужно применять коллективные инновационные стратегии. В-третьих, чтобы получить максимум пользы от новых технологий, руководителям и сотрудникам необходимы новые умения и новый образ мышления. Новые технологии ориентируют на выполнение задач, требующих творческого подхода, межличностного общения и синтеза информации.

Управленческое лидерство ориентирует, во-первых, на то, что лидеры должны переосмыслить, «чем и почему мы управляем». Во-вторых, необходимо изменить подход к управлению, начать думать не только о том, «чем» управлять, но и переосмыслить то, «как» это делать. Требуется поиск новых, более гибких и адаптивных подходов к управлению, позволяющих действовать на опережение.

Лидерство в области ценностей предполагает, что путь вперед должен лежать через возрождение человеко-ориентированного подхода. Такой подход требует защиты и расширения прав человека как внутри государств, так и в международном пространстве. Он должен учитывать интересы всех слоев населения.

Подводя итог, следует отметить, что данная работа представляет собой одно из наиболее полных исследований происходящей технологической революции. Однако важно учитывать, что в условиях капитализма последствия этой революции амбивалентны. С одной стороны, она приводит к существенному увеличению общественного богатства, помогает отстаивать человеческое достоинство и защищать окружающую среду, а с другой — усугубляет сегодняшние проблемы, «роботизирует» человечество, усиливает неравенство и ущемляет права человека во всех странах. Как справедливо отмечают авторы книги, на нас лежит огромная ответственность за то, в каком направлении пойдет развитие новых технологий.

Проведенное исследование заслуживает высокой оценки, представляет интерес не только для преподавателей, аспирантов, студентов, но и для всех, кто интересуется проблемой новой технологической революции, а также может иметь практическую пользу для министерств и ведомств, в чью компетенцию входит решение вопросов, связанных с переходом к новому технологическому способу производства.

Об авторе:

Карнаух Владимир Кузьмич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; karnauh_vk@mail.ru

About the author:

Vladimir K. Karnaukh, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of NorthWest institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; karnauh_vk@mail.ru

Рецензия на книгу «Глобальные и региональные аспекты миграционных процессов»

Межевич Н. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; mez13@mail.ru

Review on the book “Global and Regional Aspects of Migration Processes”

Nikolay M. Mezhevich

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; mez13@mail.ru

Глобальные и региональные аспекты миграционных процессов : [сб. статей] / [отв. ред. Ал. А. Громыко] ; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук, Ин-т лингвоцивилизационных и миграционных процессов при фонде «Русский мир». М. : ИЕ РАН, 2019. 208 с.

ISBN 978-5-98163-127-6

Рецензируемый сборник статей объединил труды видных специалистов по миграционной тематике России, Германии и Италии. Его издание стало результатом сотрудничества Совета экспертов Института лингвоцивилизационных и миграционных процессов при фонде «Русский мир», Института Европы РАН и иностранных партнеров — Академии политического образования в г. Тутцинг, Германия, и Института политических, социальных и экономических исследований (EURISPES) в г. Рим, Италия.

Появление такой совместной работы закономерно. Миграционный кризис в Европе в целом можно считать преодоленным, если понимать под миграционным кризисом нелегальное перемещение особо крупных масс людей через внешние границы ЕС. Очевидно и то, что на сегодняшний день остаются малоисследованными и плохо предсказуемыми его последствия. Регулирование миграционных процессов, социально-политическая и культурная адаптация мигрантов остаются в числе приоритетных задач правительств стран Европейского союза.

Исследование проблем миграции — задача очень непростая. Это связано с тем, что по своему характеру, как, впрочем, и по генезису, они являются пограничными между экономическими и социальными. Понимание этого обстоятельства было всегда, однако в последнее десятилетие, а точнее после 2015 г., вопросы миграции стали одной из ключевых обсуждаемых в Европе тем.

В России внимание к миграционной проблематике пришло существенно раньше, и это было связано с распадом Советского Союза, созданием Федеральной миграционной службы в самом конце 1992 г. Операционно Федеральная миграционная служба родилась в социальном блоке Правительства, что подчеркивало не охранительный, а гуманитарный характер проблемы.

Миграция в Европу изначально отличалась от миграции после распада СССР. Обозначим эти различия. На постсоветском пространстве миграция носила не только экономический, но и политический характер. Количественно политических мигрантов было намного меньше, и время их выхода — 1992–1994 гг. Признаком эмиграции по политическим причинам в начале 1990-х было то, что в ряде случаев люди уезжали, ухудшая свои экономические условия, бросая свое имущество, теряя

накопленные профессиональные компетенции, места квалифицированной работы. Это относится к миграции из Закавказья, Средней Азии и стран Прибалтики.

Сборник открывается статьей Ольги Юрьевны Потемкиной — доктора политических наук, заведующего Отделом исследований европейской интеграции, главного научного сотрудника Института Европы РАН. Программная по охвату вопросов и глубине анализа статья ориентирована, в том числе, и на анализ важнейшего документа по вопросам европейской и мировой миграционной политики. 10 декабря 2018 г. на конференции в марокканском городе Марракеше 164 государства мира приняли Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Как справедливо указывает автор статьи, «глобальный договор о миграции вызвал очередной раскол в Евросоюзе, вызвал ожесточенные дебаты в других государствах-членах — Германии, Эстонии, Хорватии, Нидерландах, Словении, Бельгии» (с. 9). Авторская позиция, мнение рецензента и оценка австрийского канцлера Себастьян Курца совпадают: в тексте документа «смешаны положения об ищущих убежище и трудовых мигрантах» (с. 11). Эта и ряд других ошибок не отрицают того факта, что «ЕС приложил значительные усилия, чтобы сократить миграционные потоки в Европу. Ответ на кризис следует считать гораздо более осмысленным и всеобъемлющим, чем это принято». Согласимся и добавим, что избыточный алармизм не способствует качеству научного анализа, впрочем, и статья, и сборник в целом являются иллюстрацией реализма, а не алармизма.

Еще одна статья, посвященная выработке новых документов по регулированию миграции, написана Юрием Александровичем Колесниковым — советником МИД РФ, членом Совета экспертов Института лингвоцивилизационных и миграционных процессов при фонде «Русский мир». В статье, озаглавленной «Разработка нового глобального договора о миграции», содержится исчерпывающий анализ ключевых правовых категорий современного миграционного права. Автор указывает на то, что «концепция „разделения ответственности“ (responsibility sharing) не вполне объективно отражает сложившиеся реалии; речь, разумеется, не может идти о какой-либо юридической ответственности. С точки зрения международного права, международная ответственность государства возникает в результате совершения им международно-противоправного деяния» (с. 38).

В статье Натальи Станиславовны Карповой — кандидата экономических наук, доцента департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» — рассмотрены важнейшие вопросы взаимосвязи конкурентоспособности страны и трансграничной миграции. «Все свидетельствует о кризисе модели глобализации, которая стимулировала перемещение основных факторов производства и ранее давала в целом позитивные импульсы росту мировой экономики, а также ее важной компоненте — трансграничной миграции» (с. 27). Согласимся с этим тезисом и отметим, что в статьях иностранных участников критика глобализации звучит существенно мягче.

В работе Владислава Борисовича Белова — заместителя директора по научной работе ИЕ РАН, заведующего отделом страновых исследований, руководителя Центра германских исследований — рассмотрены вопросы и вызовы безопасности, в том числе акцептированные к проблематике российско-германских отношений.

В разделе, посвященном взгляду из Германии, серьезное исследование миграционной ситуации в этой стране представлено в статье Ганса Дитриха Фрайера фон Лоффельхольца — бывшего главного экономиста и руководителя исследований по экономической взаимосвязи миграции и интеграции Министерства миграции и беженцев в городе Нюрнберг. Статья под названием «Миграция и интеграция беженцев: проблемы и возможности для рынка труда и экономики» охватывает множество нюансов данного вопроса. Автор анализирует основные факторы, мотивирующие беженцев к иммиграции непосредственно в Германию, рассматривает экономические последствия роста числа мигрантов, степень и особенности их

интеграции в немецкое общество. По мнению автора, беженцы достаточно быстро интегрируются на рынке труда и «после пяти лет пребывания в стране половина мигрантов может свободно найти полноценную работу» (с. 136). В заключение автор дает практические рекомендации, основной из которых является необходимость увеличения государственных инвестиций в сферу образования, в том числе профессионального, для молодых мигрантов (с. 139). Поскольку, по мнению автора, «следует всегда учитывать степень согласованности миграционной и интеграционной политики прежде всего с образовательной и социальной политикой, а также с требованиями рынка труда» (с. 140).

В статье «Новая реальность миграции» автора Тулио дель Сетте — президента наблюдательного центра по безопасности института политических, экономических и социальных исследований (Eurispes) — описаны проблемы не только иммиграции беженцев, но и эмиграции коренных итальянцев в США и другие страны Европы, в контексте чего наиболее опасной тенденцией является «утечка мозгов» (brain drain) (с. 167). Интересно отметить, что взгляд из Италии отличается от немецкого. Так, отмечается гораздо меньше успехов в плане интеграции иммигрантов, а негативным последствием, таким как контрабанда, наркоторговля, проституция и т. п., напротив, уделяется достаточно большое внимание. В связи с этим автор анализирует изменения директив правительства Италии касательно мигрантов, подчеркивая, что они становятся более жесткими. Одновременно с этим автор, так же, как и его коллеги, чьи работы представлены в данном сборнике, утверждает, что необходимо поощрение дальнейших инициатив по содействию культурной, социальной и трудовой интеграции мигрантов (с. 171).

Актуальность проблемы беженцев и нелегальных мигрантов затрагивается также и в статье Серджио Арцени — президента международной сети МСП в Риме и бывшего директора Организации экономического сотрудничества и развития в Париже. Заголовок статьи — «Иммиграция должна быть избирательной и хорошо управляемой, во избежание социальных и политических волнений» — отражает ее основную идею, заключающуюся в том, что, как пишет автор, «страны, отбирающие квалифицированных иммигрантов и проводящие эффективную политику по их интеграции, находятся в более выгодном положении», и в качестве показательного примера данной идеи автор выделяет Германию (с. 179).

Подведем итоги. Вопросы миграции стали наиболее обсуждаемыми и оказались в центре внимания практически всех политических партий. Причем правые и ультраправые партии строят вокруг миграционной проблематики всю политическую платформу.

Рассматриваемая работа является важным вкладом в изучение миграционных процессов в Европе. Представляемую книгу, вышедшую в свет в Институте Европы Российской академии наук, следует признать крайне важным, интересным и своевременным трудом по данной проблематике.

Считаем необходимым отметить и то, что работа находится в открытом доступе на сайте института. Новый труд Института Европы стал достойнейшим вкладом в исследование миграционных процессов. Поздравим с этим авторский коллектив.

Об авторе:

Межевич Николай Маратович, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

About the author:

Nikolay M. Mezhevich, Professor of the Department of European Researches of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 8(128)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.08.2019.
Подписано к печати 15.08.2019.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,74. Тираж 200 экз.
Заказ № 8/19.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97